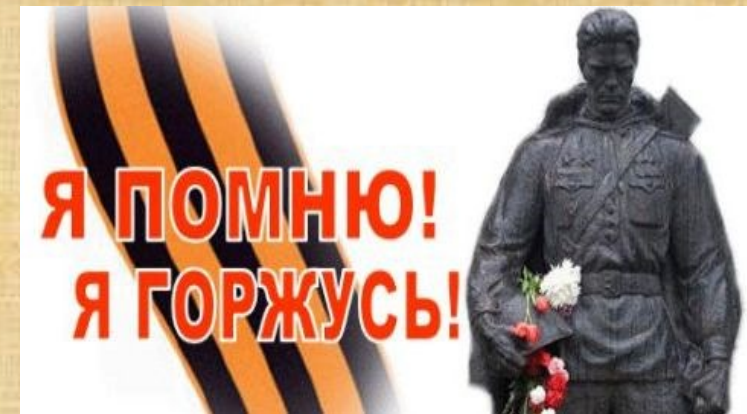


МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КАДРОВ

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»



СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ

Горки
БГСХА
2013

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КАДРОВ

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»

Я ПОМНЮ! Я ГОРЖУСЬ!

Сборник воспоминаний

Горки
БГСХА
2013

УДК 82–94 «1941/1945»
ББК 83+63.3(2Б)Я11
Я11

*Рекомендовано советом по гуманитаризации
образования и воспитания.
Протокол № 4 от 3 апреля 2013 г.*

Составители:

начальник управления воспитательной работы с молодежью
И. Н. Рындина;
культурорганизатор управления воспитательной работы с молодежью
М. М. Тарасюк;
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и культурологи
Г. А. Гусарова;
старший преподаватель кафедры истории и культурологии
А. М. Куницкая

Рецензент:

кандидат филологических наук, доцент *Т. И. Скикевич*

Я помню! Я горжусь! : сборник воспоминаний / сост. :
Я11 И. Н. Рындина [и др.]. – Горки : БГСХА, 2013. – 141 с.

Сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны – необходимое условие формирования чувства гражданственности и патриотизма нынешней молодежи.

В сборник включены воспоминания участников и свидетелей Великой Отечественной войны.

Для студенческой молодежи, участников воспитательного процесса.

УДК 82–94 «1941/1945»
ББК 83+63.3(2Б)Я11

© УО «Белорусская государственная
сельскохозяйственная академия», 2013



*Воспоминания
участника Великой
Отечественной войны
Шутова Матвея Гавриловича
Подготовила:
Порошкова И. П.,
студентка 3 курса 1 группы
экономического факультета
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А*

О Великой Отечественной войне я узнала еще в детском саду. Из раннего детства у меня осталось такое яркое воспоминание. Солнечное майское утро. Мы строимся парами во дворе детского сада. В руках каждого – яркий тюльпан, у воспитательницы – целый букет. Группа направляется к братской могиле воинов и партизан. Она недалеко от детского сада, во дворе школы. Елена Петровна рассказывает о войне и солдатах-героях, она первая опускает цветы к подножью обелиска, затем мы поочередно заходим в ограду и кладем свой цветок на могилу. В памяти остаются слова: война, солдаты, победа, память. Но это далеко от нас, это – как эхо. Со мной цветы, солнце, друзья, хорошее настроение.

Теперь для меня Великая Отечественная война – важное историческое событие в жизни Родины. Из уроков истории, литературы, музыки я узнала о событиях, сражениях, героях войны, мужестве моего народа в тяжелые годы оккупации.

Вместе со своими друзьями из отряда «Милосердие» я навещаю ветеранов Великой Отечественной войны. Мы оказываем им посильную помощь в благоустройстве подворий, уборке урожая, поздравляем с праздниками, просто беседуем.

Митинги памяти в День Победы и День Независимости для меня особенно волнительные. Помню, когда я училась в пятом классе, я впервые выступала перед ветеранами на митинге со стихотворением. Гости-ветераны и вдовы солдат сидели на скамейках около памятника.

Их было много. Когда они аплодировали, медали на их груди позвякивали. Мы дарили им свои поздравления и цветы, фотографировались на память.

На прошлогодний митинг Победы ни один ветеран не пришел. Их осталось в нашей деревне двое. Годы и здоровье не позволяют ветеранам посещать даже эти важные мероприятия. А в грозные годы войны им было чуть больше двадцати лет, теперь – под девяносто. Они наши прапрадеды.

С того памятного дня освобождения Беларуси прошло 65 лет. О войне написано много книг, созданы фильмы, написаны картины. Самое ценное и понятное для нас, третьего послевоенного поколения, – рассказы и воспоминания очевидцев.

Мои визиты к ветерану Великой Отечественной войны Шутову Матвею Гавриловичу в будни и праздники – это радость общения с открытым, доброжелательным человеком. Они дают заряд жизнелюбия и мудрости. Недавно я решила записывать воспоминания Матвея Гавриловича о войне и интересные случаи из его довоенной и послевоенной жизни. Получился небольшой рассказ о судьбе человека, который прошел войну от начала до конца и вернулся домой победителем.

Матвей Гаврилович даже в праздники не надевает свои военные награды. Они хранятся вместе с памятными фотографиями военных лет, послевоенными наградами ветерана войны и труда в его заветном небольшом ящичке из-под патронов, оставшемся с военной поры. Ему тяжело вспоминать и рассказывать о войне. С большой же охотой Матвей Гаврилович рассказывает о своей мирной жизни, как довоенной, так и послевоенной.

С особой теплотой вспоминает Матвей Гаврилович свое детство. Родился он в деревне Красная Слобода Бельничского района 8 августа 1918 года в семье потомственных крестьян, в которой уже было четверо детей. В семье был пятым ребенком, после него появилось еще двое: брат Артем и сестра Александра. «Заметив мое отношение к детям, родственники брали меня в «няньки» в страду. Уже в пятилетнем возрасте в поле я колыхал в «щепках» люльку с младенцем, за что и получил в том же возрасте свой первый заработок. Жена дяди Романа в благодарность за мою работу сшила мне первые штаны. До этого я ходил в длинной рубахе», – улыбаясь, рассказывает ветеран.

Сестра Саша была на семь лет младше Матвея и с самого рождения была под его присмотром. С улыбкой он говорит так: «Сестру родители оставляли на меня смело, так как я умел ее накормить, перепеленать,

уложить спать». Ответственность за младших детей и забота о них сохранились у Матвея Гавриловича на всю жизнь. «И на войне жалче всех мне было детей, потому что им, на мой взгляд, было тяжелее всех. Чем мог, я старался им помочь, делился с ними своим пайком, старался укрыть своей шинелью, приласкать, утешить. Когда нас расквартировывали на постой, мои товарищи неохотно селились в домах, где были дети. Меня же, наоборот тянуло к детям, к их лепету. Я вспоминал свою младшую сестру и понимал, что все дети смеются и плачут одинаково, и всем им нужны тепло, ласка и мир», – вздыхая, говорит седой ветеран.

Еще Матвей Гаврилович вспоминает: «Детей в нашей семье рано приучали к труду. С шести-восьми лет дети пасли овец, свиней. Лет с девяти я пас своих и соседских коров. Девочек учили прясть с пяти-шести лет. Для них делали легенькие пряснички. Гулять к соседям девочки ходили с прясничкой и веретенком. Воспитывались мы в строгости. Малейшее непочтение старших строго наказывалось отцом. Врезался в память случай, когда отец меня, семилетнего, отходил вожжами по спине за то, что я непочтительно, на бегу, поздоровался с дядькой Романом. Бережное отношение к детям и почтение старших сохранились у меня на всю жизнь. Эти качества я стремился передать и своим детям».

Старшие братья ходили в школу в Красную Слободу, а семья Шутовых в то время уже жила в поселке Гарцево, куда перебралась в 1921 году на выделенный ей земельный надел. От старших братьев Матвей научился читать и в школу пошел сразу во второй класс. Учился прилежно. Особенно легко давалась математика. На выпускных экзаменах за начальную школу показал отличные знания, за что учительница, Коменова Анна Захаровна, получила премию. В пятый класс поступил в Запольскую семилетку, которая находилась в двадцати километрах от Гарцева, на другом берегу Друти. В двенадцать лет квартировал у чужих людей, сам себе готовил еду, ставил свой чугунок в хозяйскую печь. На выходные добирался домой пешком. Особенно было трудно в распутье: на ногах – простые лапти, а на плечах – легкая суконная свитка. В шестом классе в школе выделили помещение под интернат. Продукты были свои, готовили сами общий обед в печке-стояке. Воспитателя в интернате не было, но дисциплина была образцовая. Все свободное от уроков время занимались самоподготовкой, ремонтом одежды, уборкой помещения, стиркой. Были две лампы, которые освещали столы, где делали уроки. Спали на двухъярусных нарах, распо-

ложенных вдоль стен. Старшие ученики следили за младшими. Потом целый год Матвей не учился. Помогал зарабатывать родителям трудодни в колхозе, вечерами читал книги, повторял учебники. «Отсидка» была связана с тем, что в Красной Слободе строилась новая типовая двухэтажная школа. Она открылась к новому учебному году, и в ней в 1934 году Матвей окончил седьмой класс. В школе он учился хорошо, но продолжить дальнейшее обучение ему не позволили средства.

В 1934 году в районе были организованы курсы мерщиков для работ по установлению границ при выдаче госактов на право пользования землей. Курсы Матвей Гаврилович окончил успешно и работал в колхозах района по установлению их границ. В конце 1934 года при Наркомземе БССР в Минске открылись курсы техников-планировщиков населенных сельских пунктов при сселении хуторских хозяйств. Получив направление от района, поступил на курсы и окончил их весной 1936 года. Получил специальность техника-планировщика и был направлен на работу в Кличевский район, где проработал до 1939 года. А в 1939 года был переведен в Руденский район Минской области.

«Я знал, что скоро меня призовут в армию. Съездил в Минск, купил подарки для родителей и младшей сестры Сашульки. В основном это была одежда и отрезы атласа, сатина, ситца, бязи. Мать разложила все это по лавкам, ходила, гладила и говорила, что в нашей хате столько товаров отродясь не было. Погостил дома только выходные и вернулся к месту прописки и работы», – вновь делится воспоминаниями ветеран.

В декабре 1939 года был призван на срочную службу, определен на Северный флот, в стройбат. Служба была связана с его профессией. Батальон размещался на острове Кильдин. Служил рядовым, на Рыбачьем полуострове выполнял работы по разметке строительных площадок под жилье, казармы, квартиры для командования и фундаменты для установки дальнобойных орудий береговой батареи.

Здесь и застал Матвея Гавриловича страшный день 22 июня 1941 года. «Вскоре нас начали бомбить. Строительство жилья прекратилось. Начали строить причалы для разгрузки ожидаемых караванов судов из Англии. В базе торпедных катеров строили ремонтные мастерские. Спустя год прислали пополнение мобилизованных пожилых людей, а нас, молодых, отправили на фронт. Собрали в Мурманске, посадили на поезд и завезли в Рязанскую область, где формировалась 2-я гвардейская армия, которая должна была отрезать подкрепление немецких войск под Сталинградом. Формирование шло ускоренным темпом. За месяц были сформированы дивизии и другие подразделения. Нас одели

в новое обмундирование, выдали оружие и эшелонам отправили под Сталинград. Это было в конце 1942 года. Ехали без остановок. Оставались только на узловых станциях. Разгрузились на полустанке в степи и пешим ходом двинулись в сторону фронта. Сменили участок, который держал оборону под Сталинградом. Сталинград был окружен. Немецкие танки уже прорывались в Сталинград. Была зима, стояли крепкие морозы, а мы жили в открытой степи. Населенных пунктов вблизи не было. Солдатское братство помогало выжить. Все мои товарищи по срочной службе попали в один батальон. Держались все вместе. Самым страшным было обморожение, потому что обмороженного считали чуть ли не дезертиром. Поэтому старались выручать друг друга. Спали группами, чтобы согреться. Я был в саперном батальоне. Выдали маскхалаты для маскировки, и мы ставили противотанковые минные поля, работали в основном ночью в нейтральной зоне. Днем отдыхали, помогали в тылу копать землянки, били кирками мерзлую землю», – вздыхая, вспоминает Матвей Гаврилович.

В обороне стояли недолго. Началось наступление. Перед наступлением проводилась артподготовка. Стоял сильный гул, шум от разрывов снарядов и мин, земля содрогалась от сильных взрывов. Били все виды орудий в течение часа, а может, и больше. После артподготовки немцы сопротивления почти не оказывали, отступали.

«Враг отступал на заранее подготовленные позиции. Мы, маршем, в маскхалатах, чтобы не обнаружила немецкая авиация, наступали. Шли по 40–50 километров в сутки. Еда готовилась на ходу, перекусывали на коротких привалах. Вели бои. Немец, отступая, вывел из строя все железнодорожные пути. Доставка боеприпасов и продовольствия по железной дороге была невозможной. Все автомобили были брошены на доставку боеприпасов. Нам выдавали сухой паек один раз в неделю, очень мизерный. На день выходил сухарь, на неделю – одна селедка и семь ложек сахара. Полевая кухня приходила в расположение частей два раза в неделю. Варили зерно кукурузы или пшеницы и заправляли кониной. Лошади гибли при бомбежке, их варили. Села были разграблены. Но нам все-таки сельчане старались дать хоть что-то съестное. Мы сыпали в карманы зерно, потом жевали его на ходу. Если случались привалы без боев, зерно парили в котелках, приправляя варево селедкой, так как не было соли. Холодные, голодные, больные, уставшие. С немецкими же солдатами обстояло все наоборот. Из немецких окопов были слышны звуки музыки, веселый смех, ветер доносил запах сытной еды. Немцы кричали нам в рупор: «Русские, сдавайтесь – будете

есть соленый суп». Населенных пунктов на пути встречалось мало. Но все-таки попадались – разгромленные, разграбленные. Тогда ночевали в хатах, спали на полу. Привал тогда длился около суток. Было трудно. Особенно же трудно было пожилым солдатам. Я им очень сочувствовал. Помогал, чем мог. Нес оружие, вещмешок, поддерживал. Случалось, уставшие солдаты засыпали на ходу, отставали от строя. Потом нагоняли своих на привале. Доходили до немецких укреплений. Начинали рыть окопы сами. Сколько же земли было перерыто — страшно вспомнить. Попадали на минные поля. Их приходилось разминировать. Это было очень трудно и опасно делать в зимних условиях на морозе, когда примерзали к металлу руки, становились непослушными пальцы. Потери среди саперов были очень большими. Нас рассредоточивали, чтобы при взрыве мины (если он происходил) погибал только сапер, который ее обезвреживал. Гибли мои товарищи, вырубая мины из земли кирками. На разминировании я отличился, нашел способ более безопасного извлечения мин. Не выдалбливал мину по кругу, а убирал землю около взрывателя, а потом ее подворачивал так, чтобы взрыватель не потревожить. Потерь стало меньше. И теперь стоит перед глазами, как наяву, момент гибели командира батальона и его заместителя, которые подорвались на mine. Но мне везло, я даже не был ранен. Моя служба сапером продолжалась до лета 1943 года, когда при артполках стали создаваться взводы топографической разведки. Всех, кто был знаком с угломерными инструментами и мог работать с топографическими картами, направили в штаб 3-го Украинского фронта. Я был направлен в один из полков гвардейских минометов «Катюша». Определили во взвод топографической разведки на должность начальника вычислительной команды. Составлял схемы огня гвардейских минометов. Разведка давала сведения о размещении вражеской техники, а мы в спецмашинах-будках вели расчеты, в них же и жили. Тут мне пригодились мои профессиональные навыки. Пользуясь данными разведки, на топокартах вычислял данные для стрельбы: определял расстояние до цели с точностью до 10–20 метров, указывал направление. Пользуясь этими расчетами, «Катюша» вела огонь. Процесс вычисления был трудоемким: никакой вычислительной техники не было. Все измерения брались с карты, а расчеты производились по логарифмической линейке и таблице логарифмов. Когда учился в Минске, я хорошо научился работать по таблице логарифмов. Перед наступлением нужно было много считать, иногда ночи не спали, срочно надо было сделать расчеты. Чему научился, с тем на войне и пригодился. В этом заключался

мой воинский долг. Наша база обычно располагалась за 10–15 километров от переднего края. «Катюши» устанавливались за 5 километров от цели. По-видимому, благодаря этому я и уцелел на той страшной войне. Хорошо запомнился такой случай. Это было в Болгарии в сентябре 1944 года. Выпало затишье между боями. Командование решило провести учебно-тренировочные стрельбы по заданным целям. Нашему расчету было указано три цели через большую долину на расстоянии примерно 5–6 километров. Срок дали двое суток. В первые сутки мы делали угловые и линейные замеры, во вторые сутки вели вычисления. Когда отдали результаты наших вычислений начальнику, то тот усомнился в их правильности и приказал вести огонь по своему усмотрению. В результате снаряд не достиг цели. Тогда следующий снаряд выпустили по моим расчетам, и он угодил точно в цель. Стрельбу продолжили согласно моим расчетам, и снаряды накрыли все три цели. Через три дня меня наградили медалью «За отвагу». Наш гвардейский полк участвовал в освобождении Молдавии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии.

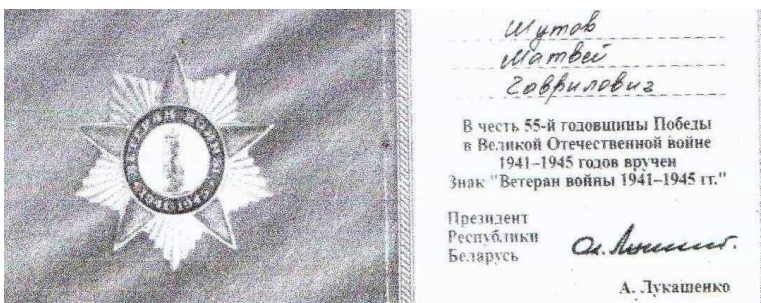
В Австрии встретил Победу. Рано утром нам объявили, что война закончилась. Этого сообщения мы ждали со дня на день. И самое обидное было погибнуть в эти дни. К сожалению, многие погибали именно в эти дни, да и значительно позже», – украдкой вытирает слезы ветеран.

«После окончания войны я еще служил до марта 1946 года. Из Австрии своим ходом, на своих автомашинах, добирались на Родину. Прибыли в Молдавию, в Белгород, а затем уже поездом добрался до Могилева. В пригородной деревне Пашково проживал мой дядька Илья, сюда же в Пашково была выдана замуж и моя любимая сестра Сашуля. Она не признала меня в худощавом, полысевшем солдате. Меня очень тянуло в родительский дом, где я не был семь долгих лет. И я шел в родное Гарцево пешком, как будто летел на крыльях. Дома меня ждала радостная весть, что все мои воевавшие четверо братьев живыми вернулись домой.

Месяц привыкал к мирной жизни, помогал постаревшим родителям по хозяйству. Устроился на работу по своей специальности в Могилеве, был направлен в Бельничский район, где и проработал до выхода на пенсию», – заканчивает свой рассказ Матвей Гаврилович. Трудовой стаж Матвея Гавриловича составил 35 лет, и семь лет отдано службе в Армии. В 2008 году Матвей Гаврилович отметил свое 90-летие. Самым дорогим подарком для него стала песня «Смуглянка», исполненная всей его большой дружной семьей, в которой три дочери, семь внуков и

семь правнуков, являющихся самой большой гордостью Матвея Гавриловича. Несмотря на все жизненные испытания, Матвей Гаврилович бодр, общителен, радуется каждому прожитому дню, интересуется политикой, читает, что очень радует нас.

Жизнь и судьба каждого ветерана – это отдельная страница в истории Великой Отечественной войны. Их опыт бесценен: они творили историю. Их воспоминания – ключ к широким знаниям о правде войны. Мы должны знать, какой ценой добыт для нас мир, и беречь его каждым днем своей жизни, своей учебой, трудом, дружбой, памятью и уважением к нашим дедам и прадедам.






УДОСТОВЕРЕНИЕ
Шутов
Матвей
Евгеньевич
 за долголетний добросовестный
 труд от имени Президиума
 Верховного Совета СССР
 решением исполкома
Мошневского
областного
 Совета народных депутатов
 от 30 ноября 1978 г.
 награжден медалью
 «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»
 Советского исполкома
Мошневского
 областного Совета народных депутатов
 М. П.
 от 30 ноября 1978 г.

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ
 № 0387914

Фамилия Шутов
 Имя Матвей
 Отчество Евгеньевич
 Учено, месяц и год рождения 1925 г.
 Личная печать владельца Шутов
 выдан Мошневский
районный военный комиссариат
Мошневской области (республики)

Мошневский район
 1978
 ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
 М. П.
Шутов
 (подпись владельца)



I. Общие сведения

1. Место рождения д. Олавога,
Мошневского уезда, Великолуц-
кой области, Мошневской обл.
2. Национальность белорус
3. Партийность (с какого года) с 1944
апреля 1944 г.
4. Состоит ли в ВЛКСМ (с какого года) состоит
5. Образование 7 классов 4 ВК
заочно трудом совхоза Мошневского
района Мошневской области, 1944
г. М. П.
6. Основная гражданская специальность Земельный работник
7. Семейное положение замужем

За нашу Советскую Родину



* УДОСТОВЕРЕНИЕ *

За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

Шутов

Иванович Таврилов

Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена 4-го сентября 1944 г.

О № 11842



Генерал-майор Давыдовский

Матвеев

(должность, военное звание и подпись лица, вручившего медаль)

(Зав. архивом)

*Успаміны ўдзельнікаў
Вялікай Айчыннай вайны
Падрыхтавала:
Кіндрук І. А.,
студэнтка 3 курса 2 групы
эканамічнага факультэта
Кіраўнік:
загадчык кафедры
гісторыі і культуралогіі
Гусарава Г. А.*

У гісторыі супадзенні адбываюцца вельмі часта...

Вось і адна дата – 10 ліпеня – з розніцай у тры гады акрэслена для жыхароў Лунінецчыны адначасова чорнай і чырвонай датамі.

10.07.1941 г. – дзень акупацыі горада нямецка-фашысцкімі захопнікамі.

10.07.1944 г. – дзень вызвалення раёна войскамі Чырвонай Арміі і партызанамі.

На тэрыторыі Лунінецкага раёна (адкуль я родам) акупацыя праходзіла вельмі цяжка для немцаў: на гэтай тэрыторыі быў разгорнуты партызанскі рух, які адыграў вялікую ролю пры вызваленні раёна, нямецкія захопнікі асцерагаліся забалочанай мясцовасці (балоты ў пойме ракі Прыпяць); таксама нельга не адзначыць мужнасць, гераізм і адвагу мясцовага насельніцтва.

Хачу адзначыць і выказаць шчырую ўдзячнасць ўсім тым, хто цаной свайго жыцця абараняў ад ворагаў сваю Радзіму! На жаль, з кожным годам сапраўдных абаронцаў – ветэранаў Вялікай Айчыннай вайны – становіцца ўсё менш і менш... І менавіта пагэтану зараз мы павінны як мага больш аказваць дапамогі і даглядаць за нашымі абаронцамі, у знак удзячнасці за тое, што мы цяпер жывём пад мірным небам.

Вельмі важна захаваць для будучыні ўсе перажыванні і падзеі Вялікай Айчыннай вайны, якімі іх бачылі самі ўдзельнікі, як для іх усё пачалося і скончылася...

Верас Канстанцін Іванавіч (05.01.1925 г. – нашы дні), жыхар вёскі Дварэц Брэсцкай вобласці Лунінецкага раёна.

– Як для Вас, 16-гадовага хлапчука, пачалася вайна?

– 22 чэрвеня я прачнуўся, як заўсёды, вельмі рана: трэба было гнаць кароў на пашу. Раптам я пачуў бацькаў голас, ён звяртаўся да маці:

«Збяры ўсе гэтыя паперкі, ды спалі ў грубе, каб дзеці не бачылі». Я спачатку не зразумеў, але, калі выгнаў кароў на луг, тады зразумеў. Уся зямля была заслана белымі паперкамі. Дакладна не памятаю, але прыблізна на іх было напісана такое: «Брэст і Мінск знішчаны, Чырвоная Армія разбіта, салдатам прапаноўваюць здацца ў палон і абяцаюць райскае жыццё, а насельніцтву – выдаваць савецкіх актывістаў».

Я, колькі бачыў гэтых паперак, пазбіраў, ды распаліў з іх касцер. А калі вярнуўся дамоў, то ўсе вяскоўцы ўжо сядзелі каля радыё і слухалі паведамленне Масквы. І тут усё пачалося...

Пачалося? Што гэта значыць?

Праз пару тыдняў бацьку забралі ў армію. І засталіся мы чацвёрка і маці. З прыходам немцаў у вёску пачалося жудаснае жыццё. Я быў старэйшы, маці аслабла, і прыйшлося цягнуць усе на сваіх плячах. Калі абставіны ў суседніх вёсках абвастраліся, мы, каб зберагчыся, хаваліся ў лесе. Як цяжка ўспамінаць усё гэта! Каб сагрэцца, мы пад нашы легкія сукенкі засоўвалі салому і самі зарываліся ў яе. Яшчэ гэтыя вошы, якія не давалі спакою ні днём ні ноччу. Есці амаль нічога не было, елі ўсё, што бачылі. Як усе сціхала, мы вярталіся дамоў. Дома нас часта наведвалі «госці». Яны адбіралі ўсё, што было ядомым. Вось памятаю, неяк прыйшлі да нас два гітлераўцы, спачатку прыказалі матцы падрыхтаваць для іх сумку з ядой. Пакуль маці клапацілася, яны важнічалі, хадзілі па ўсёй хаце і раптам заўважылі бацькаў фотаздымак. Тут адзін з іх адразу падбягае да маткі і злосна крычыць, паказваючы на фотаздымак: «Парцізан!!!??? Парцізан??!!». Яна ўсімі праўдамі і няпраўдамі адгаварылася, сказала, што ён ужо даўно памер, што здымак гэта проста як памяць. Самае нечаканае было тады, калі я з малодшымі вярнуўся ў гэты момант дамоў. Спужаныя малыя адразу ж кінуліся да маці і пачалі ныць... Немцы супакоіліся, забралі сумку, ды выйшлі за дзверы. Праз некалькі хвілін адзін вярнуўся, падышоў да маці, аддаў ёй глечык з малаком, яйкі і сказаў: «Мляко, яйкі хай дзіткам!» (гэтак размаўляць ён навучыўся за гады вайны, помесь польскай і беларускай моў). Гэта вельмі ўразіла мяне, бо за час вайны я бачыў толькі злых, дзёрзкіх немцаў. Аднак яшчэ памятаю аднаго... У 1944 г. на купальскую ноч, з 6 на 7 ліпеня, немцы зрабілі аблаву на вёску Дварэц і на суседнюю в. Бродніцу... Напярэдадні на партызанскіх мінах падарваліся чатыры нямецкія салдаты, васьмь немцы і вырашылі адпомсціць за смерць сваіх. Яны пад вечар пачалі зганяць жыхароў вёсак у адну хату. Але быў адзін немец, вяскоўцы звалі яго «палячок», бо ён добра размаўляў па-польску. Ён папярэдзіў, што вяскоўцаў будуць

расстрэльваць і каб яны ратаваліся, як могуць, а некаторых і сам выпусціў. Дзякуючы яму vyrатаваліся амаль ўсе жыхары вёсак.

– Вы ж былі зусім юнаком, калі пайшлі ў армію, у Вас не было пацуцця страху?

– У армію мяне прызвалі адразу, як мне споўнілася 18 гадоў, канец студзеня – пачатак лютага 1943 г., гэта прыблізна праз год з паловай пасля пачатку вайны. Мне было цяжка, бо, ідучы на фронт, я пакідаў блізкіх. Я вельмі баяўся нават думак пра тое, што больш ніколі не ўбачу сваіх...

За службу я нагледзеўся ўсякага: як мужныя днём мужчыны ціхай ноччу плачуць над фотаздымкамі родных; як малодзенькія, такія, як я, хлапчкі ляцяць самааддана ў бой. Самы жудасны час быў, калі ляжаў у шпіталі. Там такога нагледзеўся, што нават зараз як ўспомню, дык дрыжыкі па целу. Але служыў я нядоўга... Я быў цяжка паранены, і праз некаторы час, калі я трохі аклімаўся, мяне адправілі дамоў. Я быў рады, што ўсе мае родныя былі жывыя. Дома, хоць я быў і хворы, адразу ўзяўся за работу. Але было цяжка, так як мы да сёх пор знаходзіліся пад кантролем немцаў. Да ліпеня неяк перажылі, а 10-га мы былі вызвалены. Аднак яшчэ працяглы час адчуваліся стрэлы і выбухі, была «ахота» на гітлераўскіх памагатых.

Пачаўся час аднаўлення! Усе дапамагалі адзін аднаму. Мы нават ездзілі ў суседнія вёскі, па якіх немцы «прайшліся вельмі добра». Вось, напрыклад, вёска Сітніцкі двор, яе поўнасьцю спалілі разам з жыхарамі. Але, дзякуючы нашым сілам, яе аднавілі. Жудасная вестка прыйшла да нас пасля заканчэння вайны. Прыйшло паведамленне, што наш бацька прапаў без вестак. Матка пражыла потым нямнога, недзе з гадоў так 10, але ўвесь час чакала, спадзявалася, што ён вернецца.

Вось такое было тады жыццё, аднак словамі цяжка перадаць увесь той боль, які да сённяшніх дзён рэжа маё сэрца...



*Успаміны ўдзельнікаў
Вялікай Айчыннай вайны
Падрыхтавала:
Рышкель Л. І.,
студэнтка 3 курса 1 групы
эканамічнага факультэта
Кіраўнік:
загадчык кафедры
гісторыі і культуралогіі
Гусарава Г. А.*

Жыццё чалавека не вечнае, але, калі ён перастае існаваць, – застаецца Памяць. Каб непакоіць, вярэдзіць душу нечаканым імгненнем мінулага, каб жывыя маглі размаўляць сам-насам з тым, каго ўжо няма.

Таму, пэўна, і хаваюць людзей, каб вяртацца да іх зноў і зноў. Могілікі ў гарадах, могілікі на ўскрайках вёсак. Гэта вечныя сімвалы Памяці, нават і тады, калі ўжо няма тых, хто ведаў, хто можа ўспомніць.

...Веска завецца сумна – Пагосцішча. Ад вайны там засталася сем могілак. Дзевяць месяцаў на Лезненшчыне стаяла перадавая. Больш за 27 тысяч савецкіх салдат загінула тут. У Фрузы Васільеўны Вінаградавай захоўваецца просты школьны сшытак. У ім – 1447 прозвішчаў салдат Вялікай Айчыннай вайны, што загінулі каля вёскі ў 1944 годзе. Колькі пагостаў прайшло праз яе сэрца? 527 невядомых. Без яе магло быць і болей.

З 1933 года да пенсіі Фруза Васільеўна працавала настаўніцай у Пагосцішчы. Муж яе, Іван Васільевіч Калінін, быў дырэктарам той жа школы. І раслі ў іх настаўніцкай сям’і два сыны 1936 і 1940 гадоў нараджэння, Эміль і Валера.

Здавалася, што ў даваенныя годы было ўсё толькі добрае. Муж заўсёды вясеў. Жылі сціпла, але большага і не трэба было.

Іван Калінін пайшоў на фронт адразу, добраахвотнікам. А яна засталася з сынамі, ды старэнькія бацькі былі побач...

Яе вучні ішлі ў Хацямлінскі лес, у партызанскі атрад «Марак». У Андрэя Сыркіна карнікі павесілі брата, і пачаў Андрэй помсціць фашыстам. Часта заходзіў ён у дом Вінаградавай. Праз яе атрымліваў новыя звесткі пра ворага, прыносіў газеты для распаўсюджвання, а яна ўсю

бялізну аддала на маскхалаты, праз яе ў атрад адпраўляла лісты да брата Аляксея, які служыў на Далёкім Усходзе.

Загінуў у перастрэлцы Андрэй Сыркін, загінула дарагая сяброўка, разведчыца Сафія Шапурава. Засталася ў жывых Валянціна Яфрэмаўна Македонава, якая лічыць, што абавязана выратаваннем з палону сваёй настаўніцы. Здарылася так, што ўцячы ад ворагаў Валянціне дапамагла сукенка Фрузы Васільеўны.

Івану Калініну выпала вызваляць Віцебск. Быў дзесьці побач з роднымі мясцінамі, шукаў жонку, дзяцей. Але на вайне як на вайне: так і не сустрэў. Вось радкі пісьма да знаемай настаўніцы А. Дз. Хадкевіч: «З Лёзненшчынай пры ўсім маім жаданні я яшчэ не ўстанавіў сувязі. Думаю, што вы знаходзіцеся ў Выдрэі і падрабязна інфармуеце мяне, дзе жыве Фруза Васільеўна і яе бацькі».

І вось перапіска наладзілася. Да сённяшняга дня, як вельмі дарагія рэчы, захоўвае Фруза Васільеўна ваенныя пісьмы свайго мужа.

Аднойчы пайшла галоска, што Іван яе ў Віцебску, у нямецкім палоне. Сабрала ў хаце тое, што магло быць у цане, і падалася ў горад. Усю ноч ішла, а потым суткі шукала сярод палонных Івана. Дарэмна.

Пахавальная прыйшла ў сакавіку 1945 года: «Ваш муж, старшы лейтэнант Калінін І. В., ураджэнец Вайханскага сельсавета, Гарастоцкага раона, загінуў у баі 1945 г. . . .».

Пахавалі Івана ў Прыекульскім раёне Латвіі, у брацкай магіле сярод 23 тысяч салдат.

...Яна зноў вучыла дзяцей. Каля школы былі вайсковыя могілкі. Гэтых загінуўшых яна ніколі не бачыла. Пакаціўся фронт далей на захад, пайшла маладая ўдава на могілкі і перапісала ўсе іменны, пранумаравала кожнае месца, дзе ляжыць салдат, і адпаведна склала схему могілак. А потым з дзецьмі пасадзіла бярозкі, кветкі. Яна ведала, з часам надпісы на драўляных дошчачках абмяноўца даджамі, аплачуцца снежнымі завірухамі. У зямлі ляжыць чалавек, у якога ёсць імя. Ён загінуў, каб нам жылося лепей. Толькі ён невядомы.

Фруза Васільеўна Вінаградава зрабіла ўсе, каб людзі ведалі, хто ляжыць ў гэтай зямлі, каб помнілі. І раптам прыйшло пісьмо з Урала: «Шукаем магілу бацькі, які пахаваны ў в. Пагосцішча». У другім спісе знайшла яго, дала адказ, каб прыезджалі.

Дапамагала ёй рабіць спісы пахаваных байцоў старшыня Выдрэйскага сельсавета Марыя Мікалаеўна Навуменка. Могілкі ёсць у вёсках Вялікая Выдрэя, Клімчонкі, Рэчкі, Мерзлякова. Але Пагосцішча застаўся сярод іх самым вялікім пагостам.

У пяцідзсятых гады было перапахаванне на адны могількі – у Пагосцішча. І з’явіліся ў школьным зялёным сшытку Фрузы Васільеўны новыя спісы пад загалоўкам: «Каля Катовічвай гары», «Могількі ў Мерзлякове», «Мерзлякова на ўзлессі», «Пагосцішча – мяжа саўгаса», «Брацкія могількі»... Усяго 1447 захаваных лёсаў, 527 – невядомых.

Вайна – гэта смерць. Ад яе пачынаецца ў жыцці Вінаградавай свой адлік часу, свае цяжкасці і нечаканасці. Быў тыф... Але наперакор усяму ўздываюцца сілы, якія прагнуць жыцця... Раслі сыны.

З 1949 г. Вінаградава – засядацель народнага суда, добраахвотны карэспандэнт сектара Геаграфічнага Саюза ССР, у 1959 г. прымае ўдзел у правядзенні Усесаюзнага перапісу насельніцтва. Узнагароджана медалямі «За доблесную працу», «За працоўную адзнаку», ВДНГ СССР.

Тады ж пачынаюцца сустрэчы з людзьмі, якія прыязджаюць з розных куткоў краіны на могількі да сваіх блізкіх і ідуць менавіта да яе, школьнай настаўніцы, каб пазнаёміцца з сшыткам, што стаў раптам вельмі патрэбным грамадскім скарбам.

Фруза Васільеўна ўспамінае: «Першыя прыехалі з Урала Нечунаевы. Два сыны – адзін лётчык, другі – вучоны, кандыдат навук. Потым прыехалі з Масквы Фяона Раўрылаўна Пісьменная з сынам, да мужа і бацькі. З таго часу мы перапісваемся. Прыехалі з Каўказа. Паводле за-



павету маці астанкі загінуўшага сына перавезлі да яе магілы. Марыя Касцюк з Брацка напісала юным следпальцам у Віцебск, каб адшукалі магілу мужа. Мы сфатаграфавалі яе і паслалі. Прыехала».

Кожны дзень у хату Вінаградавай паштальён прыносіў паштоўкі з рознымі штэмпелямі, а аднойчы з Казані

прыслалі ёй пуховыя хусткі. У пісьме было напісана: «Насіце, Фруза Васільеўна! Іх мне маці вязала...».

Дабрата людская, людзі, што сталі ёй блізкімі, дапамагалі настаўніцы перанесці яе самы вялікі боль, самую цяжкую страту. Нечакана памёр малодшы сын Валера. Трэба было неяк жыць, перамагаючы гэты боль. І яна зноў кожную вясну пачала садзіць кветкі і дрэвы ля сядзібы і на могілках. Асабліва шмат кветак ля тых магіл, да якіх ніхто не прыязджаў. Вось там, на ўскрайку, ляжыць маер, танкіст Барыс Каваленка, а каля ўваходу – Міхаіл Раманенка.

А калі надыходзіць лета і народ святкуе вызваленне раёна ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў, прыязджаюць сівыя ветэраны 184-й стралковай Духаўшчынскай Чырвонасцяжнай ордэнаў Суворова і Кутузава дывізіі, заходзяць да яе, Фрузы Васільеўны Вінаградавай, жанчыны, якая ніколі зброю ў руках не трымала. Яны лічаць яе ганаровым ветэранам дывізіі. Кожны год школьнікі ходзяць да яе, дапамагаюць, чым могуць. У суседняй весцы Новае Сяло жывуць яе ўнук з сям'ёй. Яе праўнучка – мая аднакласніца – таксама, як і я, вучыцца ў нашай Акадэміі.

*Успаміны ветэранаў
аб Вялікай Айчыннай вайне
Падрыхтавала:
Педчанец К.М. ,
студэнтка 3 курса 1 групы
эканамічнага факультэта
Кіраўнік:
загадчык кафедры
гісторыі і культуралогіі
Гусарава Г. А.*

Імкліва, несупынна ляціць час. Не паспелі азірнуцца, як свет расквеціўся пяшчотнай вясновай палітрай. Па наваколлі папльў духмяны водар маладой сакавітай травы. Вось-вось трапяткім полымем успыхнуць узнёслыя свечкі каштанаў, у бела-ружовай пене патонуць сады. Менавіта ў гэты самы прывабны час, калі ўсё ў прыродзе адраджаецца, пачынае буйна красаваць, прыходзіць да нас урачыстае светлае свята Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне.

Прайшло ўжо 65 год пасля вайны. Што мы, дзеці і ўнукі ветэранаў, ведаем пра яе? Па-рознаму можна адказаць на гэта пытанне. Я думаю, што на самай справе аб ёй ведаюць толькі тыя, хто мёрз у акопах, хто хадзіў у штыкавую атаку, хто граміў фашыстаў на Курскай дузе і вызваляў нашу Беларусь, хто штурмаваў Берлін.

На жаль, з кожным годам радзее строй ветэранаў, усё менш застаецца на зямлі жывых сведкаў таго жудаснага ліхалецця. І таму вельмі важна сабраць да крупінкі ўсю балючую памяць аб вайне, перадаць яе нашчадкам без адзінай «белай плямкі», каб наступныя пакаленні ўсвядомілі вайну ў любым яе праяўленні як найвялікшае зло супраць чалавецтва і ніколі больш не дапусцілі новых крываваых трагедый. З гэтай нагоды ў сродках масавай інфармацыі з'яўляюцца шматлікія матэрыялы мемуарнай публіцыстыкі. Гэта хвалюючыя ўспаміны ветэранаў. Даволі своеасаблівай старонкай у раскрыцці гэтай неабдымнай тэмы сталі ўспаміны самых маленькіх сведкаў таго жажлівага часу – дзяцей вайны.

Многа аб вайне расказвала і мая бабуля.

Недалёка ад мяжы Беларусі з Украінай, у маленькай беларускай вёсцы Віўнева, у 1929 г. ў сялянскай сям'і Мышлёнак другім дзіцем на свет з'явілася дзяўчынка Марыя, мая бабуля. Тут, на радзіме, яна

зрабіла першыя крокі, падрасцала і сталела, яшчэ не ведаючы аб тым, якія сур’езныя выпрабаванні рыхтуе ёй жыцце.

Упершыню дзіцячае сэрца скаланулася ад болю ў раннім маленстве, калі нечакана памерла маці. Бацька ажаніўся другі раз, а ў хуткім часе, калі Марыя было ўсяго сем гадоў, а яе старэйшаму брату – адзінаццаць, памёр і бацька.

Мачаха не ўзяла на сябе клопат аб чужых дзецях, і малыя зведалі горкі смак сірочага хлеба.

У весцы, дзе яны жылі, было ціха і, як заўжды, нічога не чуваць. Дом бабулі знаходзіўся з самага краю вескі. З хатняй гаспадаркі была толькі карова, але вельмі ўдалая, малака давала шмат. Таму было свае малако, масла. Агарод таксама даваў ураджай. Так яна і круцілася. Патрэбна было выжываць, ды і брата карміць.

А ў 1941 г. грывнула вайна. Людзі цэлымі вескамі ўцякалі ў лясы і хаваліся ў зямлянках. На святанні аднаго жнівеньскага дня, калі немцы праходзілі праз Віўнева, усіх, каго знайшлі ў весцы, у тым ліку і бабулю з братам, павыганялі з зямлянак і, пагрузіўшы на машыны, вывезлі на працу ў фашысцкую Германію. Сотні людзей у той страшны дзень назаўжды развіталіся са сваімі роднымі. Але брату і сястры пашчасціла, слязьмі яны вымалілі ў нямецкага афіцэра не разлучаць іх.

Бабуля казала, што «фашысты выстраівалі дзяцей асобна ад дарослых. Ад жаху ніхто не плакаў, глядзелі на ўсе, нічога не разумеючы. Мы засвоілі, што заплачаш – расстраляюць. Так на нашых вачах застрэлілі маленькую дзяўчыну, якая плакала без перапынку. Немец вывеў яе, каб усе бачылі, і застрэліў. Усе разумелі – плакаць нельга».

Па прыбыцці ў нямецкі горад Кельн, бабулін брат, як усе мужчыны, быў адпраўлены на цяжкія работы, а Марыя, якой на той момант споўнілася чатырнаццаць гадоў, была накіравана на кухню гатаваць ежу ворагу. Ад цяжкай працы, знямогі і голаду брат амаль не паміраў. Марыя цішком стала падкармливаць яго тым, што ўдавалася вырасці з кухні.

У тыя гады памерла шмат аднавяскоўцаў. А за доўгі час жыцця ў палоне Марыя паспела стаць зусім дарослай.

Надышоў доўгачаканы 45-ты. Дамоў вярталіся пешшу. Брата літаральна па дарозе прызвалі ў армію. Марыя апынулася ў спаленай немцамі весцы Сухое. Хаты, якім удалося ўцалець, выкарыстоўваліся людзьмі ў якасці часовага месца пражывання.

Гады жыцця ў вечным страху загартавалі працалюбівую дзяўчыну. Яна, пасяліўшыся ў адным з пустых дамоў, пачала паціху абжывацца.

Да пяцідзiesiąтага наладзіла сваю гаспадарку, нават займела карову. Пачала займацца шышцем, а затым абменьваць адзенне на ежу.

Тым часам, прайшоўшы ваеннымі дарогамі і адслужыўшы яшчэ пяць гадоў у арміі, у студзені 1950-га на радзіму ў роднае Віўнева вярнуўся малодшы сяржант Леанід Іванавіч Педчанец. Пабачыўшы ў сваёй хаце незнамую прыгажуню, ён не змог адвесці ад яе вачэй. Мабыць, сам лес наканаваў ім быць разам усё жыццё.

Згулялі вяселле. Такое, якое ім дазвалялі іх сірочыя магчымасці. Адбудаваў дом і пачалі ладзіць сумеснае жыццё.

Калі я запыталася ў бабулі пра вайну, то яна з болей у душы і слязьмі на вачах расказвала пра гэтае жудаснае здарэнне.

І такіх у Іванаўскім раёне, на чые плечы лег увесь цяжар вайны, былі мільёны. Больш за 100 чалавек бабуліных землякоў з невялікай вескі Віўнева, што на Брэстчыне, пайшлі на фронт. 44 з іх склалі свае галовы на палях бою. Адны загінулі пад Варшавай, другія – пад Берлінам, у Аўстрыі, у Чэхаславакіі. На некаторых прыйшлі жудасныя весткі – пахаронкі са словамі: «Ваш сын пал смерцю храбрых...», некаторыя зніклі бесслядоўна. Аднак і тых, і другіх яшчэ шмат год пасля вайны чакалі матулі, жонкі, дзеці. Ніхто не хацеў верыць, што іх блізкія, родныя людзі загінулі. Усе спадзяваліся на цуд, але ніхто не вярнуўся.

Праўда, зусім нядаўна праясніўся лёс земляка бабулі Партушына Сцяпана, доўгія гады ён лічыўся бесслядоўна прапаўшым. Аказалася, што ён служыў у арміі краіны-саюзніцы па антыгітлераўскай кааліцыі і загінаў у жніўні 1944 г. у Егіпце. Канешне, супакой для родных невялікі, але ўсё ж лепш, чым лічыць бесслядоўна знікнуўшым. Зараз унукі могуць завітаць і пакласці кветкі на магілку свайго дзеда.

І сёння мы, ужо ўнукі пераможцаў, кажам: «Гонар вам, слава і вечная памяць, дарагія нашы ветэраны, воіны Вялікай Айчыннай вайны, якія пакінулі нам у спадчыну Вялікую Перамогу!».

Набліжаецца светлая дата 65-годдзя перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне. Усе беларусы павінны мець дачыненне да гэтай даты. Але мы, маладое пакаленне, якое вырасла без вайны, не зможам адчуць, напэўна, такую ўсебаковую радасць ад юбілею, як тыя, хто абараняў Радзіму, хто зведаў жах нямецчыны і лагераў. Мы павінны памятаць і паважаць іх. І няхай мір заўжды будзе на нашай зямлі!

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Жуковской Зинаиды Даниловны
Подготовил:
внук, Гаргун Д. С.,
студент 3 курса 1 группы
экономического факультета
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Война, Великая Отечественная, была поистине всенародной. Даже не верится, что уже прошло 65 лет, как мы живем под мирным небом. А это такое счастье!

Мне было всего два года, как она началась, и шесть, как окончилась. Но ее ужасы мне видятся до сих пор. Мы, дети войны, которые не видели детства, помним ее до сих пор и проклинаям фашизм.

Родилась я в 1939 году в деревне Погост Березинского района Минской области (до войны и в годы войны была Могилевская область). Зовут меня Жуковская Зинаида Даниловна.

Отец, Жуковский Даниил Сергеевич, до войны работал председателем колхоза в деревне Высокая Гора нашего района. На фронт ушел на второй день войны (23 июня 1941 года), дошел до Берлина и демобилизовался в звании старшего лейтенанта только в августе 1946 года. О войне воспоминаниями не делился, даже слышать не хотел, все повторял: «Пусть будет проклят фашизм с Гитлером вместе». На фронт ушел кандидатом в члены КПСС (тогда ВКП(б)) и на фронте уже вступил в члены ВКП(б). О том, что вернулся живым, говорил: «Я все-таки счастливый!». Дважды был ранен и контужен, но руки и ноги остались целы. Всю остальную жизнь проработал механиком в МТС, потом уже, когда ликвидировали МТС, в совхозе «Коммунар» в должности механика сельхозмашин и трудоемких процессов. Умер в возрасте шестидесяти девяти лет (родился 5 декабря 1909 года) 23 декабря 1978 года от обширного инфаркта. Война и здесь дала о себе знать.

Мать, Жуковская Анна Федоровна (в девичестве – Стельмах), 1913 года рождения, с 1945 года страдала анемией. Постоянное лечение в больницах, переливание крови. Умерла в 1970 году в возрасте пятидесяти семи лет. Все остальное время меня смотрели мамина сестра,

Стельмах Лидия Федоровна, и бабушка по линии матери, Марфа Ильична, которая знала много сказок, легенд, они помнятся мне до сих пор. Она была ровесница В.И. Ленина – родилась в 1870 году, а умерла в 1972 году в возрасте ста двух лет. С ней было очень интересно, но нам, малышам, хотелось чего-то другого, а не только рассказов.

Первое, что запомнилось о войне – это бомбежки (а это было на второй день со дня ее начала – 23 июня). Мы бежали по ржаному полю, как самолеты начинали бомбить, ложились на землю. Потом приход немцев в деревню буквально на первой неделе войны, рев мотоциклов. В деревне у нас была базарная площадь, недалеко – церковь. Постоянно на эту площадь сгонялись жители деревни, возле церкви были виселицы. Бесконечный плач, крики, чужая речь, тогда нам такая непонятная. Это время помнится смутно.

Также в деревне был гарнизон, где наказывали всех неугодных. Дядю моего, Стельмаха Ивана Федоровича, забирали туда и заставляли идти в полицию, а потом избивали и бросали в подвал. И вот однажды туда была брошена граната, но она не разорвалась. Полиции забрали мою мать со мной, бросили в подвал, требуя сознаться, что это сделала она в знак мщения за дядю Ивана. Спасло только то, что тот народник, который бросил гранату, написал записку, уходя на задание, что это совершил он. Тогда только нас выпустили. Это было в 1943 году.

Из деревни Погост мы часто уходили в соседнюю деревню Хватовка. Она находилась в лесу, рядом – болото, и там не было немцев. Мы постоянно сидели в какой-то землянке. Вспоминаются плач детей, бомбежки немецких самолетов, гарь горящих изб. Помню, как женщина приносила нам в чугуне картошку и как нам всем делили ее потом. Постоянно хотелось есть. И вот рядом с нами очень часто сидел мальчик по имени Витя, он был очень спокойный. И мне все ставили его в пример, что, вот видишь, он один и тихонько молчит, а с тобой и мама, и бабушка, и тетя, а ты все реवेशь (особенно, когда начинали бомбить). И, уже повзрослев, я со слов матери узнала, что мальчик, которого постоянно подбрасывали к нам в блиндаж, был не кто иной как наш недалекий сосед, Марковский Виктор Антонович. Отец его, Марковский Антон Борисович, был командиром партизанского отряда. Фашисты и полиция гонялись за его женой Верой и тремя детьми: Геней, Витей, Галей, чтобы взять в заложники и расправиться с ними. Мать, спасая детей, по одному ребенку подбрасывала к кому-либо в разные блиндажи, саму тоже прятали, и так всю войну до освобождения, и никто не предал. После войны отец, Марковский Антон Борисович, был предсе-

дателем колхоза, затем укрупненного совхоза «Коммунар» в деревне Погост до выхода на пенсию. Совхоз был одним из передовых в районе, и груди ветерана войны украшали не только боевые награды, но и полученные за мирный труд.

Вспоминается еще эпизод уже при самом наступлении нашей армии. Мы находились в беженцах в другой деревне (Корбовское) Березинского района. В лесу поймали женщину (это со слов, ни имени, ни фамилии я не знаю), схватили как партизанку, а она указала на эту деревню, что там находятся партизаны. Немцы с автоматами и собаками согнали всех нас в сарай на краю деревни, окружили со всех сторон и дом, и сарай и хотели сжечь. Было это при освобождении района 3 июля 1944 года. До сих пор вот это все стоит перед глазами. Со слов моей тети Лиды, среди нас находилась женщина (учительница), которая знала немецкий язык, и она объясняла немцам, что мы не партизаны, а мирные люди. Это была Бондарчик Александра Яковлевна, которая потом преподавала у нас в Погостской школе математику. Но, к счастью, прискакал немецкий посыльный на лошади, передал пакет, немцы срочно заторопились уходить, а нам было приказано следовать за ними. По всей вероятности, в качестве прикрытия. Как выяснилось позже, это уже наши войска были в 10 километрах от этой деревни и немцам был дан приказ отступить. А так бы была еще одна Хатынь. Всю ночь мы просидели на кладбище, а утром – передали, что в деревне Погост уже наши войска, деревня освобождена, фашистов нет. Это было начало июля 1944 года. Когда возвращались в нашу деревню, по дороге и по лугу валялось много трупов. Ясно представляю гарь, кровь, едет машина прямо по этой грязи с трупами. Но люди все радостные, плачущие. Теперь я понимаю почему, а тогда мне было многое непонятно.

И такой эпизод. Август 1946 года, мой отец в звании старшего лейтенанта демобилизовался. Радости не было предела. А мне было дико, как это чужому человеку говорить «папа», и я полгода не могла произнести это слово, так как я не помнила его. Я не помнила отцовских ласк, поцелуев, тех детских гостинцев, игрушек, конфет, печенья. Даже уже и после войны мы играли только в войну: как прятаться от бомбежек, защищаться.

Отец мой при наступлении наших войск в июле 1944 года заезжал в деревню, так как его часть освобождала деревню Черневика Борисовского района, проходила через деревни Орешковичи, Вешевка нашего района и шла на Могилев, а через шоссе была и наша деревня Погост.

Командование дало ему десять суток отпуска для розыска семьи, так как ни он о нас, ни мы о нем ничего не знали. Я не запомнила его тогда, помню, как солдат схватил меня среди ночи, целует, а я ничего не могу понять. Он пробыл в отпуске только трое суток и, видя всю эту ужасающую картину, пошел догонять фронт, не думая о том, что эти остальные семь суток отпуска могли стать в его жизни последними. Вот какое было чувство долга, высочайшего патриотизма!

До войны у нас в деревне жили евреи. Были и смешанные браки. На нашей улице жила женщина Таня (фамилия послевоенная Захожая), у которой муж был еврей (он воевал на фронте). У них было двое деток, моих ровесников, я с ними очень дружила. Мальчика звали Вася, а как звали девочку, я не помню. В один день (было это в 1943 году) мы все играли возле их дома, приехали фашисты (по доносу кого-то из полицейских), выхватили из толпы двоих этих деток (мальчика и девочку) и увезли. Больше уже этих деток мы не видели. Они их увезли в Березино, там находилось гестапо. Мать отпустили, а их нет. Муж не простил ей, что не уберегла детей, и не вернулся к ней. Уже потом она вышла замуж за глухонемого Захожего Володю, родила четверых или пятерых деток. И одна из дочерей, Захожая Татьяна, стала знаменитой трактористкой. Слава о ней гремела не только у нас в районе, но и в Минской области и по всей Беларуси. Награждена орденом Трудового Красного Знамени, Знаком Почета.

Со слов моей матери, они в тот день жали рожь недалеко от нашей деревни, возле шоссе (деревня Гаруни), как приехали немцы, привезли еврейское население, заставили рыть яму. Потом согнали всех женщин смотреть на то, как они убивали. Били обыкновенными деревянными булавами. Люди падали друг на друга в яму, а грудные детки на руках так и задыхались в этой яме. Потом зарыли яму, хотя из нее лилась кровь и несколько дней колыхалась земля, но они ее охраняли. Сейчас на месте той страшной трагедии возвышается памятник, всегда лежат цветы, возлагаются венки, раньше проходили пионерские сборы. Расположены этот памятник и могила возле самой дороги, по левую сторону, если ехать из Минска в Могилев, где-то на 109–110-м километре. Покоится там более двухсот человек – ни в чем не повинных деток, женщин, стариков. В чем их вина перед фашистами?

Жестокости не было предела. У нас, в доме бабушки, жили какой-то их высокий начальник и его переводчик-адъютант. Наш дом к тому времени уже сожгли, жили у бабушки Стельмах Марфы. Нас они из дома выгнали, и жили мы кто в сарае, кто в стопке, где хранились вся-

кие по тем временам припасы. Мать с тетей должны были ему вымыть ежедневно полы перед дневным сном, и он спал. В один из таких его тихих часов я что-то стала плакать во дворе. Вышел его переводчик и приказал матери успокоить меня, но я продолжала реветь. Тогда он вышел сам, возле двери взял бабушкину палочку, на которую она опиралась во время ходьбы, и раз пять ударил меня по спине (это пятилетнего ребенка!). Мать схватила меня (я была в шоке), вылила ведро воды на меня, а я подхватила, сорвала с себя разорванное от ударов платье и бросилась на подготовленную для посадки грядку прямо в чернозем. Он был такой приятный и успокаивающий, казалось, что не так жгло, так как кожа на детских плечиках разошлась от ударов. И, помню, уже позже я всем рассказывала, что вот придет мой папка и я уеду искать того немца в Германию. Мне кажется до сих пор, что я помню его ошеренные зубы. Вот как прошла война и по нас, детях войны.

Но с какой радостью все встречали вернувшихся с фронта! Какая была радость: взрослые что-то обсуждали, а мы спокойно бегали, никого не боялись. Это было огромное счастье – свобода! И та великая Победа, доставшаяся нам такими усилиями, столькими жизнями. Но это наша Победа! И все будущие поколения должны помнить об этом.

Сейчас мне почти 71 год, нахожусь на заслуженном отдыхе. Отработала сорок три года. Вместе с мужем Андриевичем Виктором Васильевичем воспитали троих детей, которые получили высшее образование, имеем пятерых внуков. Вот и внук Даниил уже является студентом Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. Я горда своими детьми и внуками. Пусть они все будут счастливы и не испытают то, что довелось видеть и пережить моему послевоенному поколению.

С каждым днем становится все меньше ветеранов той страшной войны, а также с каждым годом меньше становится и нас, детей войны. Время бежит неумолимо. Хотелось бы, чтобы наше правительство обратило и на нас внимание. Ведь тот ужас прошел и через нас.



*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Ковалёвой Прасковьи Петровны*

Подготовила:

*Герасименко М. В.,
студентка 3 курса 2 группы
экономического факультета*

Руководитель:

*заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Война разрушила ее мечты, исковеркала судьбу, явилась трудным испытанием. Молодой и очень активной комсомолке Прасковье Ковалёвой в годы Великой Отечественной войны пришлось взвалить на себя все обязанности главы семьи. Чтобы прокормить большую мать и сестру, она была разнорабочей и подрабатывала у людей, выполняя любую черную работу. В суматошной жизни Прасковьи Петровны не было времени на создание собственной семьи. И теперь она осталась совсем одна – без родственников, детей и мужа.

Единственный частый гость в стареньком домике Петровны – соцработник из Центра социального обслуживания населения Диана Прокошина. Уже десять лет она присматривает за старушкой, моет посуду, стирает вещи, убирает в доме и даже работает в огороде. Встретила меня Прасковья Петровна очень радушно, а узнав цель моего визита, тут же повела меня в дом. Через пару минут на столе появились альбом с фотографиями и медали. Самая значимая – медаль «За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны».

Мы присели на диван, и старушка начала рассказывать мне о своей жизни, о войне. Воспроизвести очередность событий 92-летней Прасковье Петровне удалось нелегко. Ее воспоминания были эпизодическими и иногда путались в своей последовательности. Что-то забылось, но, удивительно, многое удалось воскресить в памяти...

Родилась Прасковья Петровна Ковалёва в Ветке 10 ноября 1918 года. В их семье было четверо детей: двое братьев, сестра и она. Старшие братья работали трактористами на конном заводе. Отца, Петра Ивановича, они видели редко: чтобы прокормить семью, глава семьи часто и надолго уезжал на распиловку леса. В 1922 году Пётр Иванович Ковалёв

умер. Прасковья успела окончить всего пять классов. Семейные обстоятельства сложились таким образом, что ей пришлось нянчить детей самого старшего брата.

Когда Прасковье Ковалёвой исполнилось восемнадцать, она устроилась на работу сушильщицей в артель имени Крупской. Всегда озорная и жизнерадостная, Прасковья с первых дней работы зарекомендовала себя с положительной стороны. А со временем она стала не только передовиком производства, но и заядлым участником самодеятельности. Прасковья Петровна вспоминает, как за добросовестный труд ей подарили путевку на экскурсию в Москву – Ленинград, а еще, как за первое место в областных стрелковых соревнованиях вручили гитару. Затем она была выдвинута в общество спасения на водах (ОСВОД). Ковалёву оформили заместителем начальника по организационно-массовой работе. Она проводила собрания, собирала членские взносы. Но прежнюю жизнь перечеркнула война.

Страшное известие о начале войны семья Ковалёвых услышала по радио, едва успев зайти в дом после тяжелого дня работы в огороде. 18 августа 1941 года Ветку оккупировали немецко-фашистские захватчики. По первой мобилизации братья ушли на фронт. На тот момент Прасковье исполнилось 23 года. Отучившись на краткосрочных курсах медсестер при районном отделе здравоохранения, она отчаянно порывалась идти добровольцем на фронт. Молодая и устремленная девушка хотела усердно работать на поле боя, оказывая помощь раненым. Но задуманному не суждено было сбыться. Когда она уже упаковала вещи, ей сообщили о страшном известии: «Мать тяжело больна и находится при смерти». Прасковья обязана была остаться в Ветке и присматривать за больной мамой. Вдобавок ко всему, в семье оставалась старшая сестра Прасковьи Ольга, за которой тоже нужен был уход.

В 1943 году Прасковья Ковалёва поступила в военный отряд Гомельского речного порта по восстановлению Ветковской пристани. Работала табельщицей, часто приходилось выдавать рабочим деньги, которые она всегда носила в своем рюкзаке, и все об этом знали. Рабочие шутили: «Не бойшься, что однажды на тебя нападут, ударят по голове и заберут наши кровно заработанные!». На что смелая комсомолка всегда отвечала: «Нет, не боюсь!». Смелости Прасковье было, действительно, не занимать.

Вспомнила Прасковья Петровна и о том, как однажды, ещё во время оккупации, все местное население хотели увезти в фашистские лагеря: «Утром всех собрали на Красной площади, целый отряд «черных

воронов» (так она назвала немецкие военные грузовые машины, обтянутые брезентом) окружил людей со всех сторон. В этот день я работала в поле, сеяла просо. Узнав о случившемся, прибежала в город и спряталась в заброшенном доме. Потом услышала сильные взрывы. Так мы были спасены».

В 1944 году мать Прасковьи, Наталья Аврамовна, умерла от воспаления легких. После войны дом Ковалёвых был практически полностью разрушен. Вместе с сестрой им пришлось заново отстраивать жилье. Замуж, как она говорит, выходить ей некогда было. Воздыхателей у Прасковьи Петровны было много, но всем она отвечала одно: «Хлопцы, еще фундамента нету. Дом надо строить!».

После войны она еще несколько лет проработала на судовой верфи. Затем девять лет работала продавцом в магазине, после чего устроилась на ткацкую фабрику сушильщицей в красильный цех. Оттуда она и ушла на пенсию. Долгие годы Прасковья Петровна жила вместе с сестрой Ольгой. В 1996 году сестра умерла. С того времени она живет одна. И хотя прошло более шести десятилетий со времени окончания Великой Отечественной войны, Прасковья Петровна до сих пор не может избавиться от гнетущих воспоминаний.

Когда думаешь о том, что пережили наши прабабушки и прадедушки, начинаешь иначе смотреть на жизнь. Кажется, что это были какие-то другие люди, и очень жаль, что их так мало осталось на земле.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Петра Глога
Подготовила:
Лукашенко К. И.,
студентка 4 курса 3 группы
факультета бухгалтерского учета
Руководитель:
старший преподаватель
кафедры истории
и культурологии
Куницкая А. М.*

Ужасная, неслыханная трагедия произошла в местечке Прозороки много лет назад: 6 декабря 1941 года немецкие фашисты здесь расстреляли без мала 400 человек еврейской национальности. В основном это были женщины, старики, дети. Как сейчас помню те страшные дни войны. Я учился в шестом классе Прозорокской НС школы, и нас выпустили на каникулы, которые оказались бессрочными. Прозорокские евреи первыми на белорусской земле почувствовали на себе «новый порядок» гитлеровских солдат.

Шел шестой месяц войны. Немецкие солдаты находились недалеко от Москвы, а те, что были расположены в тылу, нисколько не сомневались в том, что с падением Москвы наступит для них долгожданный мир и они вернутся домой как завоеватели всей Европы. Это только немецкие солдаты, замерзая в снегу под Москвой, умирая от русских снарядов, своей солдатской интуицией сознавали, что победы им не видать и за свои злодеяния придется отвечать. А тыловые части твердо были уверены в скорой победе, и каждый, как только мог, пытался накопить богатства: золота, драгоценностей и т. д. Грабили все подряд, все, что представляло хоть маломальскую ценность. Главный их выбор пал на евреев, в частности, проживающих в местечке Прозороки Витебской области. На запад от Витебска, на 145-м километре между железнодорожной магистралью и ныне новой автомагистралью Полоцк – Глубокое, находилось ранее культурное и зажиточное поместье, где проживало более тысячи жителей. Свой экономический и культурный расцвет Прозороки получили перед первой мировой войной. Здесь работали три религиозные конфессии: православная, католическая, еврейская. В начале 1900-х годов были построены красивая православная

церковь Петра и Павла; величественный каменный костел «Матки Боскай»; еврейская синагога. В Прозороках находилась усадьба Игната Буйницкого – основоположника первого в Беларуси профессионального театра, а рядом с железной дорогой, в Полевачах, жил его сподвижник, отличный актер этого театра – Яська Голеровский.

Особенно ускоренно развивались Прозороки в 30-е годы перед второй мировой войной. Находясь на форпосте восточной польской военизированной «Кресы Восточные», в Прозороках были сосредоточены крупные военные формирования польской армии: штаб и военная комендатура, военные казармы, а вместе с ними и все вспомогательные службы. Там же находились гражданская администрация, полицейская управа, гмина, почта. Работали больница, молокозавод, мельница, зернохранилище, аптека, гимназия, кожевенная мастерская. Строились новые каменные дома. Центральные улицы были вымощены бетонными плитами. Все это утопало в зеленых насаждениях. Особенно выделялись на этом фоне многочисленные индивидуальные магазины, где продавались разнообразнейшие товары повседневного спроса, те, в которых нуждались как жители местечка, так и люди близлежащих деревень. Владельцами магазинов в основном были евреи, как наиболее образованные и предприимчивые люди. Были также магазины наподобие наших «сельпо». Особой популярностью пользовались прозорокские базары – кирмаши, занимавшие площадь больше футбольного поля. Их было два вида. На одном располагались в четыре ряда телеги конной упряжи, где в основном продавались товары сельской продукции: зерно, лен, пенька, живность и т. д. На втором на деревянных полках продавали мелкую продукцию: мясо, молоко, масло, яйца, кондитерские изделия, а также предметы народного промысла: прялки, корзины, ведра, косы, серпы, топоры, пилы. Словом, местечко Прозороки считалось знаменитым центром, куда приезжали не только из белорусских городов, но также из Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Риги. И главную коммерческую роль играли евреи, как я уже сказал, люди наиболее предприимчивые, грамотные в вопросах торговли, коммерции. С осени 1939 года до лета 1941 года в Прозороках существовала советская власть. Ко всему хорошему, что было раньше при Польше, здесь добавились белорусский родной язык, белорусская культура, кино, свобода слова, дешевые книги, газеты, бесплатное образование, медицинское обслуживание. Резко снизились цены на товары первой необходимости. Люди стали более приветливыми и жизнерадостными. Я в это время учился в пятом классе Прозорокской школы.

Как сейчас помню те теплые весенние, летние дни, когда масса жителей местечка, молодые, пожилые и дети, каждый вечер в 16 часов ради прогулки, удовольствия шли провожать поезда на станцию Полевачи, идущие из Ленинграда на Вильнюс, Гродно. Точно так, как это было показано в кинофильме «Безымянная звезда». 3 июля Прозороки захватили немцы. Жизнь в этом многолюдном, когда-то жизнерадостном местечке превратилась в жуткий, страшный, непредсказуемый период. Все жители местечка закрылись в своих домах, закрыли ставни и окна. Улицы как бы вымерли, опустели. Можно было увидеть солдат и полицейских в фашистской форме, а также подонков, их обслуживающих: бандитов, грабителей, пьяниц, проституток. Я в это время учился в шестом классе, пока не закрыли школу. Учителя были все новые, без специального образования. Ночью местечко окуналось в жуткую темноту. Только иногда можно было услышать пьяные оргии и матерщину, перемежающуюся ружейными выстрелами. Самым жутким было 5–6 декабря 1941 года, когда немцы решили убить всех евреев. До этого времени они ежедневно, систематически, садистскими методами вынуждали евреев сдавать драгоценные вещи, золото. Делали они это по такому сценарию. Появляется новый военный комендант. Он вызывает к себе еврейского старосту (раввина) и дает ему суточный срок, чтобы он собрал и принес ему, скажем, 100 рублей золота. В противном случае – смерть. Появляется следующий комендант, и все повторяется: тот же метод давления с целью выкупа своей жизни за золото. Так продолжалось до тех пор, пока находили возможность откупиться. Как только оказалось, что золота больше нет, решили всех убить.

5 декабря всех евреев Прозорок, Загатья, Зябок – всего более 350 человек – согнали в Прозорокскую школу без вещей, без запаса пищи. В тот же день, еще затемно, было согнано с близлежащих деревень несколько десятков крепких мужиков, которым было приказано выкопать огромную яму. Местом для захоронения была выбрана окраина леса, в километре от Прозорок, рядом с шоссеной дорогой.

Людей конвоировали немцы и полицаи посемейно по 4–5 человек. Путь на «Голгофу» проходил от школы, возле церкви сворачивали на проселочную дорогу, ведущую к лесу. Там людей раздевали до нижнего белья, снимали обувь и заставляли прыгать в яму, где из винтовок убивали. Среди убитых евреев были и те, с которыми я учился до войны. Это Голдин Илья и его сестра Роха, две сестры-красавицы Роза и Рита Шапиро, их брат Шмуйла, брат и сестра Ходос и другие. Некоторые не могли устоять на ногах, падали – их убивали на земле и сбрасы-

вали в яму. Через определенное время убитых в яме засыпали песком, а наверх падали новые жертвы. Многие из молодых парней пытались убежать в лес, пользуясь суматохой во время раздевания и стрельбы. Однако их догоняли на лошадях, избивали нагайками, пригоняли к могиле и убивали. Убивали в основном пьяные полицейские, а немцы наблюдали издали. Когда расстреляли всех евреев, было приказано эту «братскую могилу» закопать и сравнять с землей. Эту работу закончили затемно. Мужиков отпустили домой, а полицейские подобрали всю обувь и одежду убитых, отвезли в школу, где затем разделили между собой. Из всех евреев не стали расстреливать лишь две знатные семьи: владельца мельницы из Зябок Итмана Бораха и владельца кожевенной мастерской Ходаса Бэрка. Их на время перевели в Глубокское гетто, где долго мучили, пока они не отдали немцам оставшееся у них золото. Говорили, якобы у Итмана нашли замурованные в фундаменте мельницы 8 килограммов золота. Пока эти семьи держали в Глубоком, двум сыновьям Итмана и Ходаса удалось убежать к партизанам. Они воевали в партизанском отряде «Грозный» бригады им. В. М. Короткина. Во время одной операции Ходас был убит. А Итман Борах остался живым и после войны уехал в Америку.

Совсем иная судьба постигла евреев местечка Кубличи. Там всех евреев поселили на одной улице, предварительно выселив из домов белорусов. Дома их были разгромлены. Всё ценное разворовано. Немцы всячески издевались над евреями, особенно над молодыми девушками, принуждая их обслуживать немцев, вплоть до того, что заставляли их катать немцев на саночках, массажировать в бане. Расстреляли кубличских евреев в Ушачах весной 1942 года.



*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Сосновика Иосифа Симховича
Подготовила:
Лукашенко К. И.,
студентка 4 курса 3 группы
факультета бухгалтерского учета
Руководитель:
старший преподаватель
кафедры истории
и культурологии
Куницкая А. М.*

Начало войны застало меня в городе Глубокое. Жена, Еха Абрамовна, Плискина ждала ребенка. Родом она была из местечка Зябки. На третий день войны мы попробовали эвакуироваться вместе с партийными и другими руководящими работниками района. Я был учителем, жена – фельдшером-акушеркой, нам было по 23 года, к начальству мы никакого отношения не имели, но общие цели объединили нас. Мы пошли вместе с редактором газеты, районным прокурором в деревню, силой взяли подводы с лошадьми и поехали в Глубокое, погрузили вещи и поехали на восток. Посередине дороги, не доезжая Зябок, нас встретил мой тесть – Плискин Абрам, он ехал навстречу нам. Мы пересели на подводу к тестю. А ту, что взяли в деревне, отпустили. Приехали в Зябки. Но у меня ведь были отец, Симха Иосиф-Срол Сосновик (аптекарь из Крулевщизны), и мать, Хана Наумовна (девичья фамилия Именитова). И я подумал: «Что ж я уеду, а их брошу?». И я поехал в Крулевщизну. Отец с матерью сказали, что не поедут, тем более, что с ними жили старший брат отца – слепой старик – и его жена, а вот Нема, мой младший брат, поехал со мной. С нами поехала в Зябки Маня. Она работала в аптеке санитаркой. Русская девушка, которая сыграла в судьбе моей семьи огромную роль. Она была из очень бедной семьи. Отец моей жены порекомендовал ее папе на должность санитарки. Фамилия ее Казаченок.

Когда мы отъехали семь километров от Крулевщизны, я видел, как бомбили город. Была ужасная бомбежка. И в этой бомбежке погибли моя мать и дядя с женой. Остался жив только отец. Приехал я в Зябки. Там собралось человек 15–16 еврейской молодежи. Мы поехали на восток. У сестры моей жены были очень хорошие документы – муж был

офицер – и нам дали подводы. Кое-где нас пробовали колхозники остановить по дороге и ограбить. Но нас, здоровых мужчин, вооруженных палками, было нелегко взять. Вдруг по дороге навстречу нам едет легковая обкомовская машина, выходят большие начальники и говорят:

– Откуда вы?

– Из Глубокого.

– Ваше Глубокое не занято. А вы – паникеры. Возвращайтесь назад. Иначе расстреляем. Есть приказ Сталина расстреливать паникеров.

Мы сели советоваться, что делать, и решили переждать полдня.

Вечером смотрим, обкомовская машина возвращается назад. С нами они уже не разговаривали. Мы поняли – дело плохо. И решили ехать на восток. Проехали километров десять. Смотрим, впереди нас немецкая танкетка на резиновых колесах. Это было в районе Бачейково.

Попробовали прорваться. Но мост в Бешенковичах был взорван. Кругом немцы, и мы решили возвращаться назад. Не доезжая Зябок, остановились на хуторе у поляка-католика Столыго. Он нас накормил и спрятал. Назавтра мы пошли в Зябки на разведку. Там шел погром. В Зябках до войны жило приблизительно 20 еврейских семей. Никто не успел эвакуироваться. Фашисты трех евреев убили в первый же день. Не знаю, почему, то ли для устрашения, то ли приказ был такой, но в первый день в разных местечках фашисты убили трех евреев. Так было в Зябках, в Прозороках и в Германовичах.

А потом начался погром. В нем принимало участие местное население. Людей не трогали, а просто тащили из еврейских домов, что могли. Даже стекла вынимали из окон, дверцы из печей.

Когда погром закончился, мы вернулись в Зябки. А что делать? Как-то надо было жить. Немцы ежедневно гоняли евреев на работу. Работы были такие: строительство дороги, рытье котлованов, траншей и т.д.

В Зябках мы жили вместе с родителями жены. Отец жены и ее брат ходили на работы, а меня какое-то время прятали. Боялись: новый человек в местечке, мало ли как на него отреагируют. И, как оказалось, страх был напрасным. Однажды немцы выловили меня и погнали на работу, и тут же кто-то из местных жителей нашептал фашистам, что меня видели вместе с комиссарами, когда я пытался эвакуироваться из Глубокого. Значит, сам я, выходит, тоже комиссар. Взяли меня и еще несколько человек и погнали к железной дороге. Нарисовали на земле прямоугольник и сказали, что надо рыть яму. Мы решили, что это будет наша могила. А немцы-охранники, пока мы копали, пили самогон.

Потом начали избивать нас. Я им особенно не понравился. Наверное, за интеллигентный вид, за очки. Потом стали издеваться, заставляли взад-вперед таскать тяжеленные рельсы. И все время по очереди отлучались, чтобы выпить еще самогона. Со мной был Берка Фридман. Очень здоровый парень. Он сказал:

– Все равно убьют. Давай подкараулим момент, собьем их с ног – и врассыпную. Вдруг кому-нибудь повезет.

Но в это время остановился эшелон. Из вагона вышел седой генерал. Видно, не из тыловых чинов. Он возмутился, что солдаты пьяные. Стал кричать на них. Охранникам стало не до нас. Так мы уцелели. Пришли домой. У меня были сломаны нос и рука. Жена наложила гипс. Я понимал, что сегодня не убили, значит, убьют завтра. Так просто в покое фашисты меня не оставят. И мы с женой в ту же ночь ушли за десять километров к знакомому мужику Гриневичу. Он нас сначала спрятал, а потом отвез в Германовичи, где мы жили до войны.

Берка Фридман остался в Зябках. Назавтра охранники явились за ним и весь день били его смертным боем. Он чуть выжил. А когда в Прозороках сделали гетто, всю семью Фридман отправили туда. В Прозороках осенью 1941 года было первое в западных районах Витебской области поголовное уничтожение гетто. Здесь погибли жена Берки Фридмана и трое его детей. Сам он чудом спасся. Здесь погибли все евреи местечка Зябки. Мой тесть – Абрам Плискин, теща – Марьяша Плискина, их дочь Эля, их только что родившаяся внучка. Эля была очень красивая девушка. Если говорить о типе лица, то больше она напоминала европейскую девушку, чем еврейку. Один из тех, кто расстреливал гетто, предложил Эле:

– Кинь ребенка, а тебя я спасу.

Эля отказалась.

В Прозороках погибли все евреи из Язно, местечка между Дисной и Прозороками. Там жило шесть еврейских семей. В самих Прозороках до войны жило более сорока еврейских семей. В гетто свезли еще несколько семей, которые работали на железной дороге.

Перед расстрелом всех узников гетто заставляли раздеться догола, а потом расстреливали.

В Германовичах фашисты вскоре тоже организовали гетто. Выделили на окраине местечка несколько самых плохих домов и согнали туда почти пятьдесят еврейских семей. Люди жили по несколько семей в комнате, в сараях. Гетто в Германовичах оцеплено не было. Мой отец был аптекарь. И ему, как человеку «нужной» профессии, немцы разре-

шили жить дома, при аптеке. Вместе с отцом жила вся семья и семья брата отца. Вскоре гетто в Германовичах ликвидировали, а всех евреев переправили в Шарковщину в гетто. Фашисты не только занимались ликвидацией гетто, но и укрупняли их, чтобы не затрачивать лишние средства на охрану. Нас не тронули. Мы остались в Германовичах. Летом 1942 года фашисты расстреляли Шарковщинское гетто. Во время расстрела бежало много евреев. Они прятались в лесах. И выходили на нас – единственных живых евреев во всей округе. Мы получали записки. Отправляли людям одежду, хлеб, медикаменты. Сообщали родственникам, как разыскать друг друга. Прятали кого могли. Одну нашу дальнюю родственницу, 18-летнюю девушку Альперович, мы переправили к нашему бывшему работнику, поляку Иосифу Пучинскому. Она пряталась у него целый месяц. Могла прятаться и дальше. Пучинский не выдал. Но девушка узнала, что в Глубоком в гетто находится парень, с которым она встречалась, которого она любила. И Альперович добровольно ушла в Глубокское гетто. И там их расстреляли.

Осенью 1942 года фашисты сказали, что для обслуживания аптеки хватит и нескольких человек, а остальным приказали ехать в гетто в Глубокое. Мы знали, какая участь ждет гетто, и решили не ехать, а спрятаться. Отец поехал в Глубокое в юденрат, договорился, чтобы те доложили немцам, что мы прибыли, и вернулся. Для переезда нам выделили подводу и возчика по фамилии Высоцкий. Мы договорились с ним, что он довезет нас до леса. А потом мы уйдем на все четыре стороны. Высоцкий же целый день просидит в лесу, а потом вернется домой и никому об этом не скажет. Он сдержал слово. Как оказалось, даже жена Высоцкого не знала о нашем побеге.

Мой папа до 1939 года (эта территория была польской) был депутатом в гмине (волости). Полагалось, чтобы один депутат был еврей. Избрали моего отца. К нему хорошо относились и поляки, и белорусы. Папа пошел к бывшему войту (начальнику волости), поляку Ромейко, и рассказал всю ситуацию. Ромейко поехал в деревню Слободка и договорился с Маней, той самой белорусской девушкой, что работала у моего отца в аптеке, чтобы она забрала нашего малыша. Маня встретила нас в лесу и забрала его. Вообще, мы не случайно обратились к бывшему войту Ромейко. За годы оккупации в Германовичах мы увидели, кто чего стоит.

В Германовичах у меня родился сын. Произошло это 11 августа 1941 года. Евреям не то что пользоваться больницей было запрещено, даже впускать их туда считалось страшной провинностью, за которой, естественно, следовало наказание. Но с помощью своих друзей и в пер-

вую очередь благодаря врачу Герасимовичу я договорился – жена рожала в больнице. Мальчик родился с врожденным недостатком, у него плохо проходила моча. И врач вынужден был сделать надрез. По местечку тут же пошли слухи, что врач сделал Сосновику «жидовскую» операцию. Мы вынуждены были срочно забрать мальчика из больницы, боялись, как бы эти слухи не дошли до полицаев или немцев.

Родители жены были очень верующими людьми и настояли на том, чтобы ребенку сделали бриз, да и старики в гетто все время говорили, что Бог наказывает евреев из-за таких, как я – неверующих. Повезли мальчика в гетто к шойхету. Он сделал бриз, и мой старший сын получил имя Хоне-Янкеф.

Марию с ребенком Ромейко забрал к себе. Мария объяснила соседям, что ребенка нажила с парнем. Парень погиб на войне. Звать мальчика Янек. А мальчишка вскоре стал называть девушку мамой. Мане все время приходилось следить, чтобы ребенок был в штанишках и никто не увидел, что ему по еврейскому обряду сделали обрезание.



Однажды к Ромейке пришла соседка из деревни Жуки. Эта женщина бывала в аптеке в Германовичах и узнала мальчишку. Правда, женщина уверяла, что не продаст. Но все испугались. В Жуках жили два полица, которые отличались зверствами по отношению к евреям. А вдруг до них дойдет. И Ромейко прислал записку моему дяде в аптеку. Записку передали нам с женой. Мы в это время прятались на другой стороне реки, в семи километрах, у бывшего солтаса (старосты) Ганебного. Ночью мы перешли реку вброд, забрали сына и перевезли его и Маню на хутор к Чернявским. Они согласились приютить нас на один месяц.

Мой отец и брат Нема в это время прятались в Великом Селе у своего старого знакомого Александра Кривко. Благодаря отцу, который узнал, что с нами случилось, мы нашли новый приют у Чернявских. Отец тогда обошел много своих старых знакомых. Одни делали вид, что не знают его, другие боялись разговаривать, третьи предлагали мед, сало, даже деньги, но спрятать еврея у себя не решались. А Чернявский решился, но сроку нам дал, чтобы подыскать новое место, один месяц. Надо было что-то искать, и мы порой забывали про осторожность. Однажды жена шла мимо деревни Панелы. На краю деревни, у самого болота, жил Микалаенок. Мы знали, что он прятал евреев, правда, брал за это деньги, и жена решила обратиться к нему. Микалаенок согласился приютить ребенка и Маню. Через некоторое время у Микалаенка была талака. Стригли овец. Приехал Лютынский, когда-то мы у него просили спрятать ребенка, но он отказал нам. Лютынский увидел Маню и Янека и сразу все понял. И как не понять. У Микалаенка было много своих детей. Зачем брать еще батрачку с ребенком, когда время и так голодное.

Лютынский уехал домой и во время пьянки взболтнул, что у Микалаенка прячутся евреи. Это слышала прислуга Лютынского, 18-летняя девушка. Она прибежала к Микалаенку и все ему рассказала. Микалаенок дал нам знать (а мы в то время прятались уже у Драбов в деревне Хатулевка), что надо мальчишку забирать. И мы перевезли его вместе с Маней в Великое Село к Александру Кривко.

В местечках Погостье, Германовичи, Гадутишки, Плиса, Лужки евреи оставались в аптеках, кое-где на мельницах. В общем, там, где немцы без них пока не могли обойтись. Зимой 1942–1943 года в один день фашисты собрали всех евреев из этих местечек и расстреляли их. Так погиб мой брат и дядя. Правда, заранее можно было предвидеть, что немцы планируют эту акцию. За несколько месяцев до нее они прислали в аптеку поляка, чтобы тот присматривался и учился. Мы говорили дяде Хоне, что надо уходить. Но он отвечал: «Что вы все без меня будете делать? Так я вам и едой помогаю, и деньгами, а без меня, кто вас спрячет? Подожду до весны, потом видно будет». Да и, кроме того, он отлично знал, что стало с аптекарем из Лужков Вейнбергом. Он отдал все свои сбережения соседям, чтобы те спрятали его. Соседи вначале согласились, забрали сбережения, а когда стало опасно, убили самого Вейнберга.

Калмановичи тоже убежали из Шарковщинского гетто, выкопали себе подвал под домом, и, когда был расстрел, не вышли из своего убежища. Полиция ходила, искали, щупали штыками, даже задели их, но они не закричали и остались живы. Ночью вышли и пошли к мужику, которому очень доверяли, другу своему. Через него они написали письмо к нам в аптеку: «Если сын Эля жив, чтобы он нашел нас». Этот мужик закрыл их на замок и поехал к нам, желая что-то получить от

нас. Но дядя Хоня что-то заподозрил, хотя мужик и с запиской был. Но глаза его бегали, и Хоня сказал, что никаких Калмановичей он не знает, и отказал этому мужику. Может, там в письме деньги просили, мы иногда деньги посылали, но на этот раз ничего не дали. После нас мужик поехал в полицию заявлять, что у него в подвале закрыто два еврея. Но старики Калмановичи что-то почувствовали, наверное, как-то умудрились открыть замок и вышли. Ночью они переехали речку верхом на лошади, которая паслась на берегу. Пришли к солтасу Ганебному. Тот их спрятал. Две недели жили там, хотя это было для Ганебного опасно.

Старики были очень религиозными людьми, каждое утро выходили во двор, чтобы помолиться. Одевали талесы. Соседи могли заметить. Старики ругались между собой. И громко. Сын их был в Шарковщинском гетто. Он тоже бежал оттуда и скрывался у мужиков. Потом все Калмановичи встретились и пошли в Глубокское гетто. Дело было к зиме. По сараям и подвалам дальше прятаться было нельзя.

В 1943 году в наших лесах появились партизанские отряды 4-й Белорусской партизанской бригады. Действовали они в Ушачском треугольнике, но после тяжелых боев с фашистами вынуждены были передислоцироваться. В наши места вышло всего человек семьдесят. Они слились с евреями, которые жили на болоте.

С самого начала войны на островах, на болоте, которое тянется на несколько десятков километров, обосновались еврейские семьи. Они построили себе землянки. Были неплохо вооружены. Продукты иногда покупали, иногда что-то добывали, а иногда ходили на промысел грабить деревни. Но, чтобы не ополчилось против них местное население, грабили километров за 30–40 от болот. Евреи, которые убегали от расстрелов в гетто, старались пробиться через болото к этому острову. Кому-то это удавалось. Так, на острове оказались Эли Калманович, два брата Козлинера из Лужков. После того как «болотные» евреи слились с партизанским соединением, из них создали 6-й партизанский отряд 4-й Белорусской партизанской бригады. Правда, во главе отряда поставили не еврея и хорошее оружие, которое было на болоте, забрали, а взамен дали «берданки». Этот партизанский отряд почти полностью разговаривал на идиш, а когда наступала суббота, собирался партизанский миньян. В этот отряд летом 1943 года попал мой брат Наум. Зимой того же года он обморозил обе ноги и был отправлен самолетом на Большую землю.

Под весну 1944 года мы с женой пошли искать партизанский отряд. После долгих поисков вышли на разведгруппу. Нас привезли в лагерь. Жена, а потом и мой отец стали медработниками, а я – политагитатором 4-го взвода.

Великое Село, где прятались Маня и мой сын, было как бы промежуточным между партизанами и немцами. Ночью мы были хозяевами положения, днем – они. К концу весны 1944 года пошли слухи о воз-

можной блокаде. Меня послали в разведку, и я понял, что нас окружают. Причем окружали большие силы. Как потом оказалось, фашистское командование бросило на эту операцию 38 тысяч человек.

Командир нашего партизанского отряда Горбатенко и комиссар Никитин (а только они в отряде знали о моем ребенке) вызвали меня и предложили переправить малыша на Большую землю. Я согласился, но мы не успели. Начались бои.

У немцев были превосходящие силы, и мы пробивались небольшими группами из окружения. Ребенка с Маней я спрятал сначала у Чернявских, а потом они снова перебрались к Микалаенку.

Так остался жив Хона-Янкеф, Янек, Яков Сосновик. Многие люди спасали мальчика, но прежде всего Мария Казаченок.



Посол Израиля Эли Валк, праведница народов мира Мария Казаченок и спасенный Яков Сосновик.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Лукашенко К. И.,
студентка 4 курса 3 группы
факультета бухгалтерского учета
Руководитель:
старший преподаватель
кафедры истории
и культурологии
Куницкая А. М.*

Война... Это что-то очень страшное, то, что уносит жизни невинных людей, лишает детей детства... Великая Отечественная война для Беларуси стала самой страшной, а ведь наша страна прошла не через одно суровое испытание. Уже прошло 68 лет, но мы, молодежь, не должны забывать о тех, кто подарил нам мирное небо, возможность жить без войны. Не следует забывать о том ужасном времени, когда из белорусов погиб каждый третий, когда большинство городов и сел нашей республики были разрушены и сожжены. Сложно назвать место нашей страны, где бы война не оставила после себя след... Моя деревня Прозороки не явилась исключением, поэтому я и решила рассказать историю, которая произошла во время Великой Отечественной войны...

На перекрестке дорог Полоцк – Глубокое и Дисна – Кубличи стоит большое село Прозороки. Уже в 30-е годы село бурно развивалось: работали льнозавод, маслозавод, паровая мельница, два зернохранилища, почта, аптека, врачебный участок, строились каменные жилые дома, проводились еженедельные многолюдные базары.

Но в начале июля 1941 года Прозороки захватили фашисты, и вскоре в истории местечка наступил самый черный день, поделивший его жителей на живых и мертвых.

Декабрь 1941 года. В управе в этот день было оживленно. Местные жители собирались кучками, шептались между собой. Громко говорили только полицаи, среди них выделялись люди без повязок на рукаве, но с карабинами. К школе никого не подпускали.

Улица была пустынна. И только два местных полицая заходили в еврейские дома и наказывали всем немедленно явиться в школу без вещей. Вскоре на улице появилась большая группа евреев. Шли они

молча посреди улицы, опустив головы и никого не замечая. Стало жутко, люди попрятались в дома и с испугом смотрели в окна. Прошло около часа, и на улице показалась колонна бредущих евреев, которых конвоировали немцы – один впереди, двое по сторонам, двое сзади. Четверо были с автоматами, один с пулеметом. Когда скорбное шествие стало поворачивать на улицу, что вела к церкви, со стороны леса ударил винтовочный залп. А еще через несколько секунд донесся полный отчаяния крик. В колонне заволновались, заголосили. Слышны были отдельные крики. Люди недоумевали: «Как же так? Убивают даже детей! В ту войну такого не было...». А со стороны Марусинского леса почти через равные промежутки времени все гремели и гремели залпы.

Ночью в Прозороках никто не смог спать – местечко словно растворилось в гробовой тишине – ни огонька, ни звука. Даже собаки не брехали, видимо, чувствовали нечто страшное. На следующий день жители местечка узнали, что две сестры-красавицы Роза и Рита Якерсон были в гостях и пока еще живы, но под вечер от комендатуры и их повели на расстрел. Девушки шли, взявшись за руки, спокойно, только большие глаза были печальны...

Были среди евреев и те, которые пытались убежать. Юный паренек, 13-летний Мулька Полячек, рванул от ямы к лесу. По нему стреляли, но не попали, хотя и убегал он по чистому полю. В оцеплении оказался молодой резвый полицай, догнал его и притащил к яме. Восемнадцатилетний Тевка Шапиро оказался более везучим. Ему удалось проскочить под выстрелами и скрыться. Полями и перелесками он минул деревни Дегтярево, Бузыщину, Головни, Короткевичи, но через 10 километров его на санях догнали два полицая и привезли назад, когда яму уже закапывали. В этот день он оказался последним из казненных.

6 декабря с самого утра пришел староста и приказал мужчинам с лопатами в два часа быть на перекрестке. Один из полицаяев препроводил их к месту расстрела, метрах в двадцати от ямы приказал остановиться и запретил разговаривать. Боком к ним стояли 4 немецких солдата с карабинами, а в нескольких шагах – старший немец. Поодаль, у другого конца ямы, лежала куча одежды. Туда подводили людей по четыре. Они раздевались, снимали обувь и становились на край ямы, спиной к немецким солдатам. Следовала команда, и раздавался залп. Полицай ставил следующую четверку. Мужчин расстреляли до прихода мужиков-могильщиков. У них на глазах убивали женщин, детей и стариков.

Особенно запомнилась девочка лет семи. Она была первой из расстрелянных детей, стояла на краю ямы, как приказал полицай, и смотрела вниз. Потом не выдержала, повернулась. В глазах – ужас. Смотрит по сторонам и ничего не понимает. Немец скорчил страшную рожу, рывкнул, и она снова повернулась спиной к ним. Залп. Часть головы с клоком волос полетела в сторону, потом вниз, а сама девочка сразу же упала в яму. Палачи менялись после нескольких залпов. Отстреляв, шли к кустам и там пили водку. Мужики думали, ничего страшнее уже не увидят, но ошибались. К яме подогнали очередную четверку – мать и троих детей. Они молча разделись, но когда полицай показал матери место у ямы, дети обхватили ее руками со всех сторон, вцепились в рубашку и прижались к ней головками. Полицаи, матерясь, стали их растаскивать. Но дети прикипели к материнскому телу. Тогда их избили прикладами и волоком потащили к яме. Немцы убили детей, лежащих на снегу, выстрелами в голову, а мертвые тела ногами столкнули в яму.

Когда расстреляли всех евреев, немец махнул могильщикам рукой и показал на яму. К тому времени таких, как они, с лопатами пригнали полста человек. Они сошлись вокруг ямы и стали закапывать убитых. Рук не чувствовали, они были словно чужие и едва держали лопату. Полицаи подгоняли, орала, а потом пошли грузить на сани одежду и обувь убитых. Когда стало совсем темно, отпустили, но всю яму могильщики так и не зарыли.

Семья Рябинишков пробовала спрятаться в Загатье, но кто-то их сдал полицаям. В понедельник их привели к той же яме. Когда разделись, мать с отцом упали на колени и начали умолять пощадить детей. Один из полицаяв рассердился, ударил по головке прикладом самую маленькую их дочку, а остальных расстрелял. Так всю ночь и лежали они. Один могильщик видел, как дети в яме по окровавленным родителям ползают и плачут. Видели также односельчане, как земля в яме еще трое суток шевелилась, а кровь ручьями лилась.

Более 400 безвинных жертв было убито в Марусинском лесу. Из всех прозорочских евреев избежать расстрела удалось лишь троим: Ходосу, Гофману и Юдке. Их неизвестно по какой причине отправили в гетто поселка Глубокое, где они пробыли до лета 1943 года. Когда партизаны заняли Докшицы, разгромили немецкий гарнизон в Крулевщизне и двинулись на Глубокое, в гетто вспыхнуло восстание и многим узникам удалось вырваться на свободу. Ходос, Гофман и Юдка ушли в

партизаны и воевали до весны 1944 года. Первые двое погибли, а Юдка остался жив. Он единственный из всех евреев местечка пережил войну.

Трагедия в Прозороках в первую очередь затронула евреев, но уроки этой войны нужно выучить всем народам. Следует помнить, что рядом с русскими на фронтах Великой Отечественной войны героически сражались сыновья и дочери всех народов. Среди Героев Советского Союза были 8182 русских, 2072 украинца, 311 белорусов, 161 татарин, 108 евреев, 10 коми, 10 удмуртов, 9 эстонцев, 9 карелов, 9 калмыков, 7 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 абхазцев, 3 якута, а также представители других национальностей.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Филипенко В. С.,
студентка 2 курса 7 группы
факультета бухгалтерского учета
Руководитель:
старший преподаватель
кафедры истории
и культурологии
Куницкая А. М.*

В современном обществе все острее становится вопрос о патриотизме и патриотических настроениях, все больше возникает национальных конфликтов, чаще происходят нападения неофашистов, которые доказывают лишь свое право на существование и отвергают любые другие нации. Я считаю, что семьи, в которых воевали, никогда не смогут простить этих людей.

Война коснулась каждого. Тысячи людей прошли сквозь ужасы войны, но они выстояли и победили. Это Победа всего народа. Я, как и все мои сверстники, знаю о войне только из рассказов. Мой дедушка, Янко Михаил Егорович, неохотно рассказывал мне о том времени, а если что-то говорил, то на его глазах всегда были слезы. Я запомнила навсегда один эпизод войны, о котором вспоминал дедушка.

Это было весной 1942 года. Во время боевого вылета, после выполнения боевого задания, у самолета вышел из строя двигатель. Самолет пришлось сажать в болото. Неисправность починили быстро, но чтобы взлететь, нужно было развернуть самолет. Вблизи уже раздавался лай немецких овчарок. Мой дед поднял хвостовое оперение на плечи и смог развернуть сам, хотя хвост весил больше, чем он. Так они с другом взлетели под носом у фашистов. Я знаю, что дед мой был ранен два раза, и, несмотря на то, что после первого ранения его хотели уволить, дедушка не вернулся в тыл, а остался в своей части, но воевал уже на земле, а не в небе. Он стал на аэродроме техником. На дедушкином аэродроме находились самолеты-разведчики, и фашисты не раз пытались уничтожить этот аэродром, часто его бомбили. И вот однажды во время такой бомбежки деда ранили во второй раз. После этого ранения он уже не смог воевать. Дедушке пришлось оставить свою часть.

Рассказывая про своего деда, я испытываю смешанное чувство: с одной стороны – гордость, с другой – жалость. Ведь ужас войны пережили близкие мне люди, но самое главное чувство – благодарность. Я благодарю всех за Победу, за то, что я живу, за то, что наслаждаюсь своей жизнью, за то, что сплю спокойно и не голодаю. Я низко кланяюсь всем, кто подарил нам Победу. Я горжусь своей семьей, чту память предков и буду рассказывать о пережитом своим детям.

До тех пор, пока жив хотя бы один очевидец этой войны, мы не имеем право о ней забывать!

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Даниленко Е. В.,
студентка 2 курса 7 группы
факультета бухгалтерского учета
Руководитель:
старший преподаватель
кафедры истории
и культурологии
Куницкая А. М.*

Война – это самое страшное, самое беспощадное событие, которое помнит и знает каждый человек. От одного слова «война» уже мурашки бегут по коже.

Великая Отечественная война оставила черный след в истории и в жизни людей. Наши деды и прадеды вспоминают ее со слезами, с болью в сердце. Эти воспоминания останутся в памяти навсегда. Прошло уже 68 лет с этого страшного события, но мы всегда будем выражать благодарность тем людям, которые участвовали в войне, защищая нашу Родину, и умирали за Победу, за то, чтобы следующие поколения жили мирно и свободно.

Хочу рассказать одну историю, которую я услышала от своего деда Ивана. Он сам родом из деревни Струкачев Кормянского района Гомельской области. Когда началась война, ему было всего 9 лет, но ему уже приходилось защищаться, защищать свою семью, маленькую сестренку. Когда в деревню пришли немцы, их целью было сжечь все дома мирных жителей. В то время, за 45 дней до начала войны, прадеда, Даниленко Якуба Тарасовича, призвали в действующую армию, а мать осталась дома с детьми. Когда в их дом зашли немцы, она детей спрятала под пол, чтобы их не тронули. Дедушка вспоминает, как плакала маленькая сестренка и как он ее успокаивал, чтобы она не подавала голоса. Разговора, который происходил между матерью и немцами, дедушка не помнит. Помнит только, что все дома в деревне, кроме их дома и еще нескольких соседских, сгорели.

Тот страх, который испытал тогда дедушка, остается и по сегодняшний день. Война шла, принося только горе и несчастье, слезы и потери. Вскоре мама моего деда умерла. И ему пришлось с маленькой

сестричкой жить у соседей. Каждый день они ждали отца, но его все не было и не было.

Война закончилась. Прадедушка считается пропавшим без вести и по сегодняшний день. В деревне Струкачев теперь стоит памятник участвовавшим в войне и пропавшим без вести солдатам.

Когда мы семьей ездили в те края, где жил дедушка, то видели, что в деревне осталось только несколько домов. Там, где был дом бабушки, теперь чистое поле. Дедушка смотрел вдаль и вспоминал то страшное военное время, которое не забудется никогда.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила
Сафронова Н. И.,
студентка 1 курса 3 группы
агроэкологического факультета
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Война – это самое страшное слово на всех языках мира. Она унесла огромное количество жизней. А из-за чего? Дети остались без отцов, жены – без мужей, матери – без сыновей, сестры – без братьев. Целые города были стерты с лица земли в прямом смысле этого слова. Люди строят, а потом разрушают. Война – это горькие слезы, это смерть, разлука, искалеченные жизни людей, и так можно продолжать бесконечно. Но в итоге получается, что на ум приходят только отрицательные значения этого слова. Да, это сейчас нам хорошо говорить, а вот если бы была такая возможность повернуть время и посмотреть военные события своими глазами, то я, скорее всего, отказалась бы от нее. Потому что, вспоминая ветеранов Великой Отечественной войны и их рассказы, я автоматически пропускаю эту информацию через себя. Ставлю себя на место участника войны – хотя это происходит мысленно. И в этот момент начинаю понимать, насколько тяжело было людям пережить это время, видеть смерть, становиться инвалидами на всю оставшуюся жизнь, терять своих близких и родных. Боль потери не зависит от прожитых лет. Тебе сорок или еще только пять. Это всегда является тяжелой и невосполнимой утратой. Здесь можно выразить сочувствие каждому, но в особенности матери, которая пережила смерть сына. Ведь это самая тяжелая боль для нее. Проносить этот маленький комочек, часть себя, под сердцем девять месяцев, затем не спать ночами, помогать ему учиться ползать, увидеть, как он сделал первые в своей жизни неуверенные шажки, услышать первое слово «мама». И осознавать, что после этого ты его больше не увидишь, не услышишь, не почувствуешь его дыхание. Все, его больше нет. Это очень тяжелое состояние, из которого не каждая женщина способна выйти и продолжить дальше полноценную жизнь. А также представить себя на месте ребенка лет десяти, у которого не стало матери во время жудостной войны, а отец давно

уже на фронте. И здесь он остается один на один сам с собой. Да, другие могут сказать, что существуют интернаты, которые помогут, заменят. Нет, ничто не сравнится с маминой лаской, заботой, любовью. Ребенка, конечно, могут любить, ласкать, но это все не сравнится с материнским сердцем, ее нежными руками, окружением. Да и во время войны какие были интернаты? Это была не жизнь, а выживание. И в этой ситуации понимаешь, как важна для каждого человека семья. Это яркое, красочное слово, которое светит, как солнышко своими лучами, сразу согревает душу. Как жаль, что во время войны это слово было неактуальным.

Сейчас мы учимся, зарабатываем деньги, покупаем все, что пожелаем, развлекаемся как душе угодно и даже не задумываемся, что всего этого могло и не быть. Мне хочется выразить благодарность всем, кого прямо или косвенно задело это кошмарное слово «война».

Они еще живы – участники войны. Но человеческая жизнь не бесконечна, продолжить ее может только память, которая одна только побеждает время. Люди, вынесшие великую войну, выиграв ее, осознают сегодня значимость сделанного и пережитого ими.

Из воспоминаний Евгении Сергеевны Сапрановой, сержанта гвардии, авиамеханика. Она уходила на фронт из родного города Елец. Тот день ей запомнился на всю жизнь.

«Я просила маму: только не надо плакать. Это было не ночью, но было темно. И стоял сплошной вой. Они не плакали, наши матери, провожавшие своих дочерей, они выли. Но моя мама не плакала, она стояла как каменная. Но разве ей не было жалко меня? Она держалась. Она боялась, чтобы я не заревела. Я же была маленькая дочка, меня дома баловали. А тут подстригли под мальчика. Они с отцом меня не пускали, а я только одним жила: на фронт! Плакаты: «Родина-мать зовет!», «Что ты сделал для фронта?» на меня очень действовали. Я решила, что здесь, в тылу, могут остаться женщины постарше, а я все-таки должна пойти на фронт. К концу войны у нас вся семья воевала. Отец, мама, сестра – они стали железнодорожниками. Медаль «За Победу» у нас получили все: отец, мама, сестра и я».

Вспоминает Надежда Васильевна Анисимова.

«Жалели, не пускали меня на передовую. Но я все же стала санинструктором пулеметной роты. Умирать не боялась. По молодости, наверное. Один раз ночью разведку боем на участке нашего полка вела целая рота. К рассвету она стояла, а с нейтральной полосы послышался стон. «Не ходи, убьют, – говорили мне бойцы, – видишь, уже светает».

Не послушалась, поползла. Нашла раненого, тащила его восемь часов, привязав ремнем за руку. Приволокла живого. Командир узнал, объявил сгоряча пять суток ареста за самовольную отлучку. А заместитель командира полка отреагировал по-другому: «Заслуживает награды». Я понимаю их обоих. В 19 лет поседела. В 19 лет в последнем бою были прострелены оба легких, вторая пуля прошла между двух позвонков. Парализовало ноги, и меня посчитали убитой. Когда я приехала домой, сестра показала мне похоронку».

Разные чувства борются в моей душе: восхищение и растерянность, удивление и протест, боль и сочувствие. Каково же им, живущим одновременно в двух временах – в дне вчерашнем и в дне сегодняшнем? Они пережили то, что мы можем только знать по рассказам. Должны знать! Хотя не всегда, может быть, хотелось знать.

Трудно подобрать слова, чтобы описать тот подвиг, который Вы совершили. Наше поколение благодарно вам за проявленное мужество и героизм.

Огромное Вам человеческое спасибо!

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

*Подготовил:
Максимихин А. А.,
студент 1 курса 4 группы
агроэкологического факультета
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

В деревню, где жила семья моей бабушки, пришли немцы. Они выселили всю деревню, поскольку эта деревня попадала под линию фронта. Жили сначала в Горках у тетки, потом их немцы перегнали в деревню Дужки, она также находилась в Горецком районе. В Дужки они ехали на коляске, в которую была запряжена корова. Когда приехали туда, корову немцы забрали. Прожила семья моей бабушки в этой деревне немного. Потом их погнали на станцию «Погодино» и погрузили в товарные вагоны. В вагонах было очень много людей. Долго возили их от станции к станции. Никто не хотел принимать беженцев. Так прошла неделя. Потом их привезли на станцию «Лесная». Загнали весь состав в тупик, и там в вагонах они жили целый месяц. Это был октябрь – начало ноября, было уже очень холодно. С питанием было тоже очень плохо. Жили теми скудными запасами, что удалось взять из дома. Старших детей заставляли копать окопы и разносить мины. Было очень холодно, много людей умирало. У моей бабушки умер брат Леша, ему было меньше года. Потом всех людей перевели в лагерь. Лагерь был очень холодный, сквозь крышу светило небо. Возле стен были полки в три ряда, посередине стояла большая железная печка, которую затапливали вечером. Толку от этой печки было мало, все равно было очень холодно. Возле нее грели только совсем маленьких детей, а моей бабушке было уже шесть лет. Детей умирало страшно много. Утром немцы приезжали с гробами и забирали мертвых детей. В один гроб ложили по три-четыре ребенка. Людей кормили очень сомнительного вида продуктами, на вид они были несъедобными. Мало кто ел эту еду. У них в запасе было немного муки и сала. Муку разводили кипятком, который можно было взять возле паровоза. Родителей, у которых умирали дети, отправляли в Германию. У соседей по лагерю было три мальчика. У них не было никаких продуктов, чтобы накормить детей. Однажды

пришла одна женщина из соседней деревни и выпросила одного из мальчиков за буханку хлеба. А через пару дней дали какой-то суп с брюквой. Оставшиеся два мальчика из этой семьи съели того супа и за ночь оба умерли. Бабушке было шесть лет, а она на всю жизнь запомнила этот ужас. В конце января в лагерь приехала немецкая комиссия. У кого остались маленькие дети, их распределили по Беларуси. И бабушкина семья попала в деревню Русаково, недалеко от города Слоним. Там они и жили до прихода советских войск.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

*Подготовил:
Ермоленко Н. Н.,
студент 1 курса 3 группы
агроэкологического факультета
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Для меня война – это одно из страшнейших слов. Война для меня – это что-то страшное, темное. Это слово – боль, страдания, крики, плач. Я думаю, что не только на меня оно наводит страх.

Я очень много думала и размышляла. Вот, что бы было, если бы ее не было? Ну, наверное, я знала бы своих бабушку и прадедушку. Моей семье не пришлось бы все это переживать.

Но война была. И мы, наверное, никогда об этом не забудем. У меня на войне погиб прадедушка, и в конце войны умер дедушка. Война унесла много жизней моих родственников. И когда я пыталась построить «дерево жизни» нашей семьи, я, к сожалению, дошла только до пятого колена, потому что сложно дальше что-то узнать, если уже нет в живых даже бабушки.

Когда я все это узнавала, мне бабушка рассказывала много разных историй. Они меня привели в ужас.

Бабушка рассказывала, что среди немцев попадались и хорошие люди. Когда немецкие солдаты заходили к ним в дом, их не трогали, некоторые просто нянчились (они в то время были еще детьми), давали им сахар, хотя в то время он был в большом дефиците и некоторые даже не знали, что это такое.

Но бабушка рассказывала и о другой стороне войны. Рассказывала, как посреди деревни был выкопан котлован и туда сбрасывали мертвых. Их не закапывали, они просто там лежали. Зимой же вообще немцы поступали как звери. Они убивали, снимали с убитых теплую одежду, валенки и забирали их себе.

Когда я все это слышала, у меня по телу бежала дрожь. Сейчас, живя в своем доме со своими любимыми родными, я даже не могу представить того ужаса, который пришлось пережить на этой страшной, жуткой войне!!!

*Успаміны ўдзельнікаў
Вялікай Айчыннай вайны
Падрыхтавала:
Леннік А. С.,
студэнтка 3 курса 4 групы
факультэта бухгалтарскага ўліку
Кіраўнік:
загадчык кафедры
гісторыі і культуралогіі
Гусарава Г. А.*

Вялікая Айчынная вайна ўвайшла ў нашу гісторыю як небывалае па жорсткасці, трагізму і гераізму барацьба народаў супраць гітлераўскага фашызму. Трагедыя Вялікай Айчыннай вайны закранула фактычна кожную беларускую сям'ю, пакінуўшы невылечную рану ў сэрцах родных і блізкіх.

І маю сям'ю кранула вайна. Бабуля – Дарашэвіч Любоў Афанасьеўна – ва ўзросце 23 гадоў у якасці медыцынскай сястры пайшла на фронт у першыя дні вайны, спачатку ў шпіталь, а затым на перадавую, у санчасць.

Расказвала, як яны дапамагалі адзін аднаму, як яе сяброўка памерла на вачах. Бабуля ўдзельнічала ў абароне Сталінграда. Калі людзі пераплывалі праз Волгу, іх бамбілі з паветра, граната трапіла ў іх лодку, і ў жывых засталася толькі пяць чалавек. Даплыўшы да Сарпінскага вострава, яны сядзелі два дні. Мая бабуля была ўзнагароджана ордэнам Вялікай Айчыннай вайны, медалем за адвагу, медалем за абарону Сталінграда.

Бабуліны два браты таксама ў першыя дні вайны прызваліся на фронт. Дарашэвіч Анатолій Афанасьевіч у 1940 г. закончыў ваеннае вучылішча, у званні капітана прайшоў усю вайну да самага Берліна. Быў узнагароджаны ордэнам Славы I і II ступені, мае дзве Чырвоныя зоркі. Вайну скончыў палкоўнікам. Другі брат, Дарашэвіч Аляксандр Афанасьевіч, быў бортпілотам і прапаў без вестак у першыя дні вайны.

Перамога назаўседы застанеца ў нашай памяці. Мы ганарымся нашымі продкамі. Вялікі ім паклон!!!

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Макаревич В. П.,
студентка 1 курса 1 группы
агроэкологического факультета
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Война оставила глубокий след в жизни моей семьи. Прадед по линии матери ушел на войну в июле 1941 года, оставив жену с шестью детьми на оккупированной территории. Два брата, прадеда, не вернулись с войны. В июле 1942 года во время полицейской облавы деревни Кобылева (ныне Первомайск) прабабушка ценой своей жизни сумела спрятать своих шестерых детей. А фашисты сожгли пойманных жителей деревни в гумно и сожгли, как деревню Хатынь.

Дедушку вырастили старшие сестры. Прадед Куприян (прадедушка), в июне 1941 года ушел на фронт и пропал без вести, под Смоленском. Бабушка осталась на оккупированной территории и как старшая сестра помогала воспитывать четырех младших сестер и братьев из семи детей, оставшихся проживать вместе с прабабушкой. Один из самых младших братьев умер. Прабабушка, мать отца, погибла от рук власовцев, защищая свою дочь. Дедушка Степан в 14 лет ушел в партизаны (соединение К. Заслонова). Осенью 1943 года, во время облавы в партизанской зоне, был захвачен в плен, будучи больным тифом. Находился в концлагере, из которого в июле 1944 года сумел бежать. В сентябре 1944 года был призван в армию. Принимал участие в уничтожении фашистов, власовцев и предателей на территории Польши.

Братья бабушки Анастасии уклонялись от работы на фашистов. Из-за наговора соседа, предателя, семью бабушки чуть не расстреляли. Спас случай.

Помян тяжелое прошлое своих родственников, дядя Виктор окончил военное училище, затем академию и в настоящее время является полковником запаса РФ. Мой брат Виктор учится на военном тракторном факультете БелГУТа.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

Подготовила:

*Куранкова Е. Ю.,
студентка 1 курса 2 группы
факультета бизнеса и права*

Руководитель:

*заведующий кафедрой
истории и культурологии*

Гусарова Г. А.

Я горжусь нашими предками и переживаю за то, что нынешнее поколение не сможет так отважно постоять за нашу страну, как те герои – солдаты Великой Отечественной войны. Как только мы затрагиваем тему войны, у нас сразу появляется ненависть к немцам. Это происходит, наверное, потому, что они были жестокие и беспощадные, их даже не останавливал тот факт, что приходится заставлять мучиться женщин и детей. Но все же были и такие немецкие солдаты, для которых выполнять «военную работу» было тяжело. Они просто обязаны были убивать и быть жестокими.

Есть случаи, когда немцы не трогали белорусских детей и даже помогали. Мне рассказала свою историю крестная моей мамы. Во время войны ей было восемь лет. Немцы пришли в их деревню и забрали всех взрослых в плен. Девочка какое-то время жила одна с братом. Они голодали, собирали гнилой картофель и питались им. Затем снова пришли немцы. Их задача была собрать все ценные вещи, которые остались в месте поселения людей, и, если кто-либо выжил, забрать с собой. Когда немец зашел в их дом, девочка, обняв своего брата, сидела на печке. Солдат лишь посмотрел на них и пальцем поманил к себе. Юная белоруска отважно подошла к врагу, который подарил ей бусы и ушел, сделав вид, что в доме никого нет.

Я считаю, что сейчас не нужно злиться на немецкий народ. Ведь они огорчены всеми прошлыми событиями. 9 мая, когда мы празднуем День Победы, в Германии люди ходят в церковь, молятся и извиняются за то, что было сделано их предками.

Правда – это гордость. Правда – это счастье. Правда – это слезы радости. Правда – это уважение.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

Подготовила:

*Долгая Е. Е.,
студентка 1 курса 2 группы
факультета бизнеса и права*

*Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

На начало войны моей прабабушке, Тимофеевой Просковье, был 21 год, но уже в то время у нее на руках было двое маленьких детей. Когда немцы пришли к ним в деревню, прабабушка взяла детей и ушла в лес. Но там она увидела немца, который направлялся в ее сторону. От испуга она замерла на месте. Немец подошел к ней и заговорил на «ломаном» русском. Он сказал, чтобы та шла в обратную сторону, так как там, куда она направлялась, было очень много немцев, и дал ей немного еды. И когда моя прабабушка спросила, отчего он ей помогает, он ответил, что никогда не хотел воевать, но его заставили. Он сказал, что дома его ждет жена с маленьким сыном и что он надеется, что какой-нибудь русский солдат ее также спасет, если с ней случится беда...

Я считаю, что на войне в каждой из воюющих сторон были и люди, и чудовища. Эта война навсегда останется в моем сердце и в моей памяти.

*Успаміны ўдзельнікаў
Вялікай Айчынай вайны
Паdryхтавала:
Хіневіч В. А.,
студэнтка 3 курса 1 групы
факультэта бухгалтарскага ўліку
Кіраўнік:
загадчык кафедры
гісторыі і культуралогіі
Гусарова Г. А.*

Вайна – гэта матулін родны брат Восіп Андрэевіч Пракопчык, які загінуў у першыя гады вайны ў баях пад Смаленскам і захаваны ў брацкай магіле.

Яго прозвішча занесена ў Кнігу гонару Валожынскага раёна. Пра яго таксама можна сказаць: не пазнаў, не дакахаў, не дажыў.

Вайна – гэта і яўрэйскае гета на тэрыторыі Валожынскага раёна, дзе яўрэйў спалвалі жывымі, ішлі клубы чорнага дыму, жудасныя людскія крыкі разносіліся аж да навакольных вёсак.

Вайна – гэта і роў на тэрыторыі Валожына, куды скідвалі жывых яўрэйў і засыпалі зверху зямлей, якая яшчэ тры дні рухалася, як жывая... На гэтым месцы стаіць помнік.

Вайна – гэта і вёска Доры, якая паўтарыла лёс беларускай Хатыні. У вёсцы Доры фашысты сагналі ўсіх жыхароў у свіран і падпалілі.

Калі ўязджаеш у веску, на пагорку, сярод бяроз, якія схіліліся ў маўклівай пашане, цябе сустракае скульптурная кампазіцыя з людзей, якія як быццам бы гавораць: спыніся, не спяшайся, задумайся... Гарыць «вечны агонь».

Вайна – гэта і Раман Навумавіч Мачульскі, які быў арганізатарам і ўдзельнікам партызанскага падполля на тэрыторыі маіх родных мясцін і прыязджаў у родную школу на сустрэчу з баявымі таварышамі, нам, школьнікам, спавядаў пра вайну.

Вайна – гэта і Шталаг 342, які знаходзіцца на тэрыторыі горада Маладзечна. Горад з 26 чэрвеня 1941 года па 5 ліпеня 1988 года знаходзіўся пад нямецкай акупацыяй. Шталаг 342 – гэта канцлагер для ваеннапалонных, дзе загінула каля 3300 чалавек. Тут трагічна завяршыўся зямны шлях 33150 савецкіх ваеннапалонных і мірных грамадзян іншых краін: жанчын, дзяцей, знямоглых старых, па-зверску закатаваных нямецка-фашысцкімі захопнікамі.

Я вельмі ганаруся сваім беларускім народам, працавітым, сумленным, прыгожым. Мне вельмі прыемна, што падчас вандровак бачыш, што ўсе помнікі, магілы загінуўшых у гады вайны ў нас дагледжаны, прыведзены ў парадак, бо нездарма гавораць: «Народ, які не ведае свайго былога, – не мае будучыні!»

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Маслова В. А.,
студентка 1 курса 2 группы
факультета бизнеса и права
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Из воспоминаний Ермака Филиппа Азексеевича (1922–2006), участника Великой Отечественной войны, жителя деревни М. Зимовищи.

В армию я был призван в июне 1941 года. Наш состав бомбили. Помню, что 12 июня 1941 года мы пешком добрались до Брянска. Потом была учебка в Курске, Пензе, Петропавловске... Меня отправляют в кавалерийскую запасную часть; война идет, а мы еще «не нюхали пороха». Нас, молодых, это даже обижало. Осенью 1942 года меня отправляют в офицерское училище в столицу, город Москву. Город часто бомбили.

Конец 1942 года. Наш эшелон идет в город Сталинград, состав неоднократно бомбят, но мы попадаем на Воронежский фронт.

Принимал участие в Белгородско-Орловской операции и в битве за город Сталинград. Тут мы по полной познали, что такое война и почему нас так долго готовили к ней.

Гремели земля и небо, мне кажется, что не было затишья, постоянно шумело в ушах – это был, наверное, настоящий ад...

О долгожданной и радостной Победе я узнал уже потом, в госпитале, куда попал с тяжелой контузией.

После госпиталя – опять фронт, уже другая армия, потому что много наших полегло под Сталинградом...

Так дошел до Берлина, бои шли практически за каждый дом и улицу. Но, вы знаете, наверное, не я один, мы все не испытывали большой радости от того, что убиваем. Мы просто уверены, что мы победили фашизм, а люди... Они везде люди.

Я служил еще в Германии до 1947 года, охранял преступников, вот этих я уже ненавидел, но мы все делали по закону.

Да, много хороших людей потеряла наша страна, страшной ценой досталась нам Победа. Помните об этом.

Из воспоминаний Мейлоха Антона Ивановича (1909 – 2003), участника войны, жителя деревни М. Зимовищи.

17 июня 1941 года был призван в армию, погрузили на машины и повезли на станцию в город Калинковичи. Эшелон шел на Москву.

После учебки служил в артиллерийском дивизионе санинструктором. Страшные сны не дают покоя: раненые бойцы тянут ко мне окровавленные руки, просят пить, разбросанные тела убитых, покореженная техника. Часто вытасненным с поля боя солдатам приходилось отдавать для переливания свою кровь. Я теперь уже плохо помню названия городов, поселков, рек. Был на границе с Китаем, Кореей...

А потом от Волги дошел до Берлина. Когда мы туда вступили, город практически лежал в руинах, вокруг груды кирпичей, черные дома. Было очень обидно собирать убитых солдат уже после Дня Победы...

Мне повезло, говорят, что «в рубашке» родился. Я ни разу не был ранен. А может, Бог пожалел, что других спасал. Нам работы хватало еще и после войны, домой вернулся в 1946 году, а здесь комины и землянки. Войну вспоминать не люблю, потому что было много крови и смертей.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Гладкова Л. В.,
студентка 1 курса 2 группы
факультета бизнеса и права
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Мир не должен забывать ужасы войны, разлуку, страдания и смерть миллионов людей. Это было бы преступлением перед павшими, преступлением перед будущим. Помнить о войне, о героизме и мужестве людей, бороться за мир — обязанность всех живущих на Земле.

«...Никто не забыт, и ничто не забыто» – печальные и торжественные слова.

«...Никто не забыт, и ничто не забыто» – слова глубокого смысла, обращенные не только в прошлое, но и в будущее. Много, очень много героев ушло от нас безвозвратно. Но их имена всегда с нами, всегда в сознании народа, в повседневном труде, всегда будут в грядущем завтра.

Если бы люди совершили хоть малейший промах, не было бы победы над фашистской Германией. Победа! Ведь только под ее обожженным крылом может сегодня звенеть детский смех, звучать соловьиная трель и безудержно цвести вишни. Только под ее крылом могут открываться памятники, которые напоминают нам о тех, кто, не жалея жизни, подарил нам радость.

Теперь ежегодно майским днем представители четырех поколений возлагают цветы к обелискам, монументам. Это доказательство того, что все помнят, какой ценой завоевано счастье. Алые гвоздики на фоне мрамора словно капли крови, пролитые во время войны ради свободы любимой Родины. Многие, отдавая дань защитникам страны, проговаривают: «Спасибо тебе, солдат».

Я хочу рассказать о моих земляках, уроженцах Витебской области, Черепнёве Сергее Михайловиче и Кострицком Владимире.

Черепнёв Сергей Михайлович, Герой Советского Союза (18.09.1943 г.), родился в 1918 году в селе Шнитке Лиозненского района. Белорус. В Красной Армии с 1938 года. На фронте с 1941 года.

Штурман самолета отряда эскадрильи тяжелых бомбардировщиков гвардии капитан Сергей Михайлович Черепнёв за время войны совершил 237 ночных боевых вылетов и 94 вылета для обеспечения советских войск боеприпасами и горючим, высадил в глубоком тылу противника 35 десантников, разбросал 5 400 тыс. листовок. В результате боевых действий экипажа, в составе которого он летал, разрушены 4 вражеские переправы, 2 железнодорожных узла, 7 складов с боеприпасами и горючим, уничтожены 5 самолетов, 11 танков, 37 автомашин, создано 112 очагов пожара.

С. М. Черепнёв погиб 14.06.1944 г. при выполнении боевого задания в районе города Дэмблин (Польша). На здании Высочанской восьмилетней школы, где учился герой, установлена мемориальная доска.

Сергей Черепнёв сражался на фронте с первых дней войны. Уже к лету 1942 года на груди молодого штурмана сияли ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени. Он воевал на Воронежском фронте, на Северном Кавказе, под Сталинградом, Ленинградом, Киевом, в Прибалтике и Белоруссии, на Днепре и Висле. Капитан С. М. Черепнёв летал при любых метеорологических условиях, днем и ночью, на любые цели. Особенно много на его счету было ночных вылетов. Навсегда остался в памяти его однополчан боевой вылет 14 февраля 1942 года. Метеорологические условия в тот день были чрезвычайно сложны. Самолет или плыл в гуще облаков, или снижался до земли. Только мастерство пилота и штурмана помогло обеспечить выполнение боевого задания. Нашему бомбардировщику пришлось пробираться буквально через завесу огня зениток и истребителей. Боевая машина вся была разбита пулями и снарядами, был выведен из строя один мотор, пробит бензобак. Летчикам удалось потушить пожар и дотянуть до своего аэродрома.

«В рубашке вы родились!», – сказал экипажу молодой техник-лейтенант, когда увидел обгоревших летчиков и истрепанную машину. А необузданный Черепнев, не успев как следует подлечиться, попросился снова на боевое задание и получил разрешение на вылет. В тот день он обнаружил скрытый гитлеровский аэродром, два самолета врага были тут же сожжены. Было это 22 июня 1942 года. Вот такой «подарок», и не последний, получили фашисты от Сергея Черепнева.

Володя Кострицкий пришел в партизанский отряд № 1 бригады «Алексея Данукалова» весной 1942 года, когда ему не было и 17 лет. Внешне он выглядел на подростка лет 12–13. В отряде Володю назна-

чили бойцом в конную разведку. Это был отличный партизан-разведчик. Он в любой момент был готов выполнить боевое задание, всегда проявлял смекалку, находчивость, смелость. Нередко он шел на связь с агентурной разведкой и всегда приносил ценные сведения. Погиб Володя в июне 1944 года, накануне изгнания фашистских оккупантов с территории Витебской области. Вот как это случилось. Когда выходили из окружения гитлеровцев в бывшем Ушачском районе, группа партизан, в том числе и Володя, попали в болото. Фашисты напали на след партизан и неотступно преследовали их. Настал момент, когда не осталось ни одного патрона, ни одной гранаты. Партизаны решили спрятаться в болоте. Гитлеровцы захватили Володю и жутко его пытали, стараясь узнать, где находятся остальные партизаны. Враги ничего не добились от парня. Он молчал, никого не выдал. Когда друзья Володи вышли из болота, то увидели его тело. Руки у него были вывернуты, глаза выколоты, тело изрезано ножами, исколото штыками и пробито несколькими пулями. Так безвременно оборвалась жизнь Володи Костицкого. Память о нем живет в сердцах тех, кто воевал рядом с ним.

Поэтому, мне кажется, что именно простой солдат заслуживает всех почестей, именно он больше всех претерпел на войне. Такие люди не задумываются над потерей своей жизни во имя Родины, они могут погибнуть, защищая жизнь товарища. Наша задача – хранить вечную память об этих людях и сделать все, чтобы война не повторилась никогда.

Молчат в боях поверженные доты,
В них кровью захлебнулася война...
Бывают безымянными высоты,
Но все солдаты носят имена!

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

*Подготовила:
Леванцова Е. В,
студентка 1 курса 4 группы,
факультета бизнеса и права
Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Война – жестче нету слова,
Война – печальней нету слова,
Война – святее нету слова.

А. Твардовский

Для меня слово «война» значит очень многое! Когда я слышу это слово, первое, что приходит мне в голову, – это весь перенесенный ужас и боль нашего белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Я всегда вспоминаю рассказы моего дедушки, отец которого пережил эту войну, а сам он был маленьким мальчиком, видевшим все это. Когда мой дедушка рассказывает о войне, у него на глазах каждый раз наворачиваются слезы, а я, слыша эти рассказы не в первый раз, все больше восхищаюсь мужеством и стойкостью нашего белорусского народа. Все с большей силой у меня сжимается сердце от ужаса. Убийства, насилие, издевательства над белорусским народом – это все, мне кажется, не оставит никого равнодушными. Война – это ужасное слово! После всего перенесенного нашим народом мы должны до глубины души быть обязаны нашим дедам, прадедам. Ведь благодаря им мы сейчас имеем чистое голубое небо над головой, не слышим выстрелов, стонов, криков, засыпаем спокойно, не боясь того, что завтра уже можем не проснуться. Войну как явление осуждают все. И через сотни лет наших потомков будут восхищать легендарные подвиги Гастелло, Талалихина, Мересьева, Паникахи, Матросова и многих других. Конечно, воюют не одни только герои. В Великой Отечественной войне приняли участие не тысячи, а миллионы людей. Среди них было немало и тех, кто смалодушничал, не выдержал, растерялся. Но ведь и было отчего! Власть их предала, бросила в пекло, обрекла на позор и смерть. Жестокое правительство объявило их «трусами и паникерами», «врага-

ми народа», «предателями», свалило на них свои просчеты и ошибки. Но тем не менее среди других наших граждан обнаружались удивительно сильные, стойкие, мужественные, отважные. Мы прошли эту войну достойно, отстояли честь Родины и всего белорусского народа. По сей день мы благодарны тем, кто остался жив, тем, кто отдал свою жизнь за нас. Сегодня ветеранов осталось очень мало. И им трудно, потому что о них, стариках, слабо заботятся. Но все же о них помнят, награждают, чествуют. Вспоминают мертвых, чьи кости разбросаны по бескрайним просторам. Многие так и не имеют могилы. Другие закопаны в никому не известном месте. Война всегда несправедлива, особенно к тем, кто погиб. Но подвиг их помнить надо. «Вспомним всех поименно, сердцем вспомним своим. Это нужно не мертвым. Это надо живым...»

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Войтеховича Владимира Викторовича*

Подготовила:

*Анет А. Г.,
студентка 1 курса 4 группы
агроэкологического факультета*

*Руководитель:
заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Войтехович Владимир Викторович – участник Великой Отечественной войны. Накануне Дня Победы мы встретились с Владимиром Викторовичем, чтобы поздравить его с предстоящим праздником и услышать из уст ветерана историю его жизни в тяжелые военные годы.

– Я родился 10 мая 1924 года в селе Скобровка Пуховичского района Минской области. Мама моя была простой колхозницей, а отец, Виктор Степанович – служащим, работал в райисполкоме. В нашей семье было пятеро детей, три мои младшие сестры и брат. Я успел окончить 10 классов в школе в Марьиной Горке. Наша школа имела такую прекрасную репутацию, что выпускников математических классов (а я как раз учился в таком) после собеседования, без экзаменов, принимали учиться в знаменитый «Бауманский» институт в Москве. Достаточно сказать, что уже в 10-м классе мы изучали высшую математику... Если девочки поступали еще и в медицинские институты, то все ребята поголовно шли только в «Бауманку». Я учился очень хорошо, знал, что поступлю в институт, стану инженером, и поэтому мое будущее виделось мне вполне определенным. Помимо математики и физики нам прекрасно преподавали и другие предметы, например, литературу.

– *Ваше поколение воспитывали в духе патриотизма, верности Партии.*

– Да, мы свято верили и продолжаем верить в идеалы справедливости, равенства и братства, для нас это не пустые слова. Но, кроме того, огромную роль в моем воспитании сыграли и родители, их народная мудрость. Они учили меня честно работать, не врать и не воровать, уважать старших. Так что воспитание у меня, да и у нашего поколения в целом, было неким сплавом старого и нового.

– *Было предчувствие надвигающейся войны?*

– Было общее ощущение, что война будет, но не завтра или послезавтра. В школе огромное внимание уделялось патриотическому воспитанию, физической и военной подготовке. Мы, старшеклассники, даже изучали устройство 45-миллиметровой пушки, а винтовку и пулемет «Максим» могли разобрать и собрать с завязанными глазами. Регулярно устраивались различные соревнования. За то, что я выиграл кросс, военные мне вручили карманные часы. Вы даже представить себе не можете, какая эта была награда по тем временам, наверное, как если бы сегодня вручили машину...

Но когда по радио объявили, что немцы напали, то у людей был просто шок. Я как раз возвращался с рыбалки и еще удивлялся в то утро, почему столько самолетов летает, а люди слушали на улице сообщение по радио.

Вечером 22 июня у нас должен был быть выпускной вечер, но он не состоялся, так как в шесть часов вечера был налет немецкой авиации, а у нас, в Пуховичах, разбомбили военный городок и нефтебазу. Никакого страха тогда у меня еще не было, я даже с интересом наблюдал, как самолеты сбрасывают над нашей головой бомбы, за что меня отец обматерил, тогда я первый раз в жизни услышал от него такие слова... Военные были в лагерях, поэтому в городке погиб только один человек, зато нефтебаза горела два дня.

– *Как Вы оказались в истребительном батальоне?*

– В прифронтовой полосе действовало много немецких диверсантов и агентов, и, видимо, поэтому райкому партии поручили сформировать истребительный батальон, основной задачей которого была борьба с ними.

Уже 24 июня меня и семь моих одноклассников направили служить в этот батальон. Когда нас увозили, то мы были уверены, что разгромим немцев буквально за несколько дней... Мне еще мой дядя, у которого после тяжелой контузии на «финской» отняли ноги, сказал: «Привези мне из-за границы коньяк, говорят, он в таких случаях помогает»...

В батальон направляли не только молодежь, но и взрослых мужчин, так что его состав был весьма пестрый. Выдали нам всем по винтовке и 10 патронов, гранаты, два ручных пулемета было. Формы на всех не хватило, поэтому кто-то щеголял только в гимнастерке, кто-то только в брюках, а большинству не хватило и этого, ходили в своей гражданской одежде. Командиром к нам назначили кадрового старшего лейтенанта, который разбил нас на звенья по шесть человек. Главной нашей задачей

было следить, чтобы не резали провода на столбах, ловить агентов, которые пускали ракеты для ориентира немецкой авиации. Часть нашего батальона охраняла мост.

Однажды мы задержали человека, который пускал ракеты для немецкой авиации. Сдали его в милицию и ушли. А этот диверсант во время допроса как врезал милиционеру и сбежал через окно, так и не поймали его потом.

А во второй раз, патрулируя свой участок, мы увидели, что кто-то из кустарника пускает ракеты в направлении военного городка, наводя на него немецкую авиацию. Мы окружили этот кустарник и задержали там одного литовца, правда, ракетницы при нем мы так и не нашли, но были абсолютно уверены, что это делал именно он, другому больше некому было. Мы его, конечно, арестовали, и повели сдавать военным, так как сами мы ничего предпринимать не могли. Но по дороге мы встретили взвод солдат в новенькой форме, объяснили их командиру, в чем дело. Этот лейтенант проверил его документы, причем литовец в это время ехидно улыбался, и... отпустил его. Мы попытались возразить, но он нам сказал: «Это беженец из Литвы, оставьте его в покое». Наш старший лейтенант, которому, возвратившись, мы все рассказали, равнодушно как-то заметил: «Наверное, вы ошиблись». Только позже я подумал, что, скорее всего, это был отряд немецких диверсантов, я почти уверен в этом. Ведь, когда мы их встретили, нас очень удивило, что все они были в новой, что называется «с иголочки», форме, а ведь мы постоянно общались с военными и никогда никого не видели в новенькой форме. Но почему они нас не убили? Ведь нас было всего шесть человек. Не знаю, может, они сильно спешили, а может, не хотели поднимать лишнего шума.

А потом был наш первый бой... Где-то в начале июля мы охраняли какой-то мост через реку, и немцы сбросили десант из 25 человек, чтобы его захватить. А нас было 120 человек, причем мы видели, как они выпрыгивали, как спускались, но наш старший лейтенант запретил нам стрелять, пока они были в воздухе, видите ли по какой-то конвенции это запрещено... А ведь мы легко могли перестрелять парашютистов в воздухе, но проявили гуманность, ведь тогда мы еще не знали, какие звери на нас напали... Потом их окружили и начался бой. Мы только убитыми потеряли двенадцать человек, причем один из них был мальчишка, который просто оказался рядом... Но девятнадцать десантников мы уничтожили, а шестерых взяли в плен. Вели они себя крайне вызывающе и нагло. Кричали: «Хайль Гитлер», и выбрасывали руку в при-

ветствии... А их не то что не расстреляли за это, но даже ни разу не ударили, просто передали воинской части. Вообще, за всю войну я ни разу не видел, чтобы к пленным применялось какое-то насилие, или тем более чтобы их убивали. Я в этом бою тоже стрелял, но попал ли в кого тогда, я не знаю.

Потом наш истребительный батальон охранял в Чаусах аэродром с истребителями, но вскоре, где-то 20 июля, нас влили в состав 132-й стрелковой дивизии под командованием С. С. Бирюзова, а я попал в 3-й батальон 716-го полка.

– *Что Вы чувствовали после первого боя?*

– Когда ты видишь, что двенадцать человек, которых ты знаешь, которые еще час назад были живы, лежат убитые... Помню, что в основном тогда погибли мужчины среднего возраста, был даже один пожилой. Остатки юношеской романтики сразу улетучились, и я понял, что нужно быстрее взрослеть, становиться настоящим мужчиной, ведь перед нами встала ответственнейшая задача – защитить Родину...

– *Что запомнилось из первых боев?*

– То, что несмотря на весь хаос и бардак, которые царили вокруг, кадровые части, и наша дивизия в том числе, отступали очень организовано, успешно сдерживая немцев, наносили им ощутимые потери.

Заняли мы рубеж на Березине. Немцы подошли только к вечеру, начали кричать через реку: «Рус, сдавайся», но мы молчали. Утром они позавтракали и только потом попытались переправиться. Ни артподготовки, ни авианалета – ничего не было, до того наглые были. Но когда первые две амфибии сорокопятки потопили, они сразу отступили. Попытались переправиться на резиновых лодках, но по ним как врезали пулеметы. И вот только тогда они уже вызвали авиацию. Налетели «музыканты» (так мы называли «Ju-87») и смешали нас с землей... А к вечеру слышим: слева и справа нас обошли, и мы оказались в окружении, пришлось отступать. Так и воевали тогда: остановим немцев, они нас обойдут, и мы выходим из окружения; опять остановим и снова выходим из окружения... Три раза тогда мы выходили из окружения, а когда выходили в последний раз, наш батальон оставили в арьергарде, и когда мы с тяжелыми потерями вышли к своим, то попали в другую дивизию и так и остались воевать в ее составе.

А вообще, не верьте тому, кто говорит, что только немцы нас в 1941-м били. У нас, конечно, были большие потери, но и мы им крепко давали прикурить... Потери они несли серьезные, а танки их бензиновые вообще вспыхивали как спичечные коробки. Вначале мы, конечно,

их очень боялись, я даже драпнуть хотел, когда первый раз танк близко увидел, но мой напарник успел меня остановить, буквально за штаны схватил: «Куда бежишь, сукин сын, от танков разве драпают?». Зато когда мы увидели, как они горят... А ведь у нас еще «коктейля Молотова» не было, он появился только в боях под Москвой, а в начале войны были простые бутылки с бензином. И ничего, мы и этими бутылками их останавливали, мне и самому доводилось их бросать, да и «сорокопятки» хорошо тогда с немецкими танками справлялись. На Смоленщине в одном бою я видел, как подбили восемь танков, в следующем еще шесть...

– *Почему Вас назначили связистом?*

– Вначале я был простым стрелком. Но связь между командиром роты и командиром батальона рвалась очень часто, и уже на Смоленщине в одном из боев, когда всех связистов поубивало, соединить линию отправили меня. И когда у меня это получилось сделать, да еще наш ротный увидел, как я быстро бегая, то меня решили назначить связистом. На самом деле, это очень опасная и тяжелая воинская профессия, и я много раз должен был погибнуть, но мне везло. Особенно же мне повезло с напарником, на всю жизнь его запомнил, латыш – Вальма Антон Павлович. Он меня и учил, и опекал, и берег. Помню, мы с ним сами догадались соединить наши ячейки ходом сообщения, ведь в начале войны рыли не траншеи, а лишь отдельные ячейки.

– *Как Вас первый раз ранило?*

– Очень хорошо помню тот день, это было примерно 10 августа. Мы заняли позиции, хорошо окопались и замаскировались. Появились голые по пояс немецкие мотоциклисты, машины с пехотой. Наш командир приказал подпустить немцев максимально близко, и только тогда мы открыли огонь. Из десяти мотоциклов только один успел уехать, а всех остальных там положили... Немецкая пехота спешила и попыталась атаковать, но их отбросили. Больше пытаться атаковать они не стали, зато вызвали авиацию, подтянули минометы. И что они нам устроили, просто ад какой-то... Перерывов между налетами почти не было. Дикая бомбежка, артобстрел, все кругом горит, пылица и гарь, дышать стало абсолютно нечем, меня даже стало тошнить и рвать, и, чтобы хоть как-то вздохнуть, я высунулся из своего окопчика. Осколок задел мне левую челюсть, и хотя ранение было неопасным, сейчас тут у меня даже шрама нет, но там находится много кровеносных сосудов, кровью мне залило всю голову, и, наверное, поэтому меня все-таки решили отправить в госпиталь.

Раненых набралось на несколько машин, две с тяжелоранеными поехали вперед, а нас, легкораненых, грузили последними. Успели мы проехать всего километров десять, как увидели две горящие санитарные машины, которые поехали впереди нас, но не успели ничего понять, как по нашей машине попал снаряд. Кто мог бегать, кинулись врассыпную. Оказалось, это были несколько немецких танков, которые все-таки прорвались и наводили у нас в тылу панику. Рядом со мной бежал незнакомый мне парень, раненный в руку. Я и так очень хорошо бежал, а когда за тобой еще и немецкий танк гонится, то, наверное, мировой рекорд тогда установил и успел-таки добежать до зарослей кустарника. Правда, немецкие танкисты по нам не стреляли, они решили нас гусеницами раздавить. Только они почти настигали этого парня, как он бросался в сторону, и погоня начиналась заново. Так он успел сделать несколько раз, пока не догадался бежать в сторону болотца, рассчитывая, что танк там не проедет, но, видно, немцам эта забава уже надоела. Я только увидел, как он будто наткнулся на невидимую стену, и только потом услышал звук пулеметной очереди...

Нас учили хоронить погибших товарищей, и поэтому я решил его обязательно похоронить, пытался какой-то каргой выкопать могилу на пригорке. Но тут мимо проезжали на повозке два местных жителя, и они мне сказали: «Оставь, сынок, мы его в деревне похороним». Забрали в деревню тело этого убитого парня, я у них переночевал, а утром отправился к своим. Добирался дня два, а уже там меня отправили в госпиталь в Орле.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

Подготовила:

*Куранкова Е. Ю.,
студентка 1 курса 2 группы
факультета бизнеса и права*

Руководитель:

*заведующий кафедрой
истории и культурологии
Гусарова Г. А.*

Что значит война для нынешнего поколения?

Я постараюсь ответить на этот вопрос.

Война – это ужас, бедствия, потери и страдания. Это страшные дни для всего человечества во все времена. Как много потерь пережил советский народ, и сейчас, говоря о войне, накатываются слезы на глазах. Страшно подумать, с какими усилиями шел советский народ к победе?! Наш народ очень мужественный и отважный. Мы много знаем людей из истории, которые жизнь отдали за нашу Родину. Эта тема затрагивает множество сердец нынешнего поколения, мы обязаны им за свою свободу. Ведь никто не знает, что бы сейчас происходило, если бы добился своей цели А. Гитлер, и вообще были бы мы на этом свете или нет. Его планы – это самое жестокое, что вообще мог придумать человек! Спасибо нашим ветеранам за их стойкость в этих войнах (вторая мировая и Великая Отечественная войны).

Также отдельное спасибо моему прадеду! Я хочу рассказать о его героизме.

Итак, Куранков Владимир Фролович (1922 – 2002) родился в простой крестьянской семье, в которой было пятеро детей – четыре мальчика и одна девочка. Старшего звали Михаил (1918 года рождения, к сожалению, не знаю год смерти), затем Иван, Петр и Шура. Из них на фронт ушли трое старших (в том числе и мой прадедушка Владимир). Михаил в 1937 году ушел в армию и в 1939 отправился на войну полностью подготовленным. Он прошел всю войну без ранения и дошел до Берлина. Воевал под руководством маршала Г. К. Жукова, у них были доверительные отношения. Михаил получил за отвагу орден Красного Знамени и орден за Великую Отечественную войну. Иван был третьим, когда его призывали, он был совсем молод. Он ушел и не вернулся.

А вот история моего прадеда со слов моего дедушки Александра Владимировича, 1950 года рождения.

«Владимир призвался в мае в семнадцатилетнем возрасте (в 1939



году). Он не был подготовлен к войне, но отправился отстаивать свою честь и честь своего народа. Когда он уходил, он говорил, что обязательно вернется и победа будет за нами. Говоря это, он верил в достоинство советского народа и никогда в этом не сомневался. Подготовки особой он не прошел, и его сразу отправили на эти ужасные битвы. Он не любил об этом часто говорить и рассказывать, для него это было хвастовство, но я любопытный и поэтому понемногу узнавал о подвигах своего отца. На войне он узнал, что такое голод, холод и мучения. В первый раз на битву их повезли в

машине, и эту машину разбили, погибло несколько человек, но мой отец остался жив, получив при этом первое свое ранение. Их рота начинала наступать, но немцы не давали пройти, и им приходилось отходить обратно на 80 километров назад. В итоге в роте осталось всего 17 человек. Ночью они продвигались вперед, а днем прятались. Был такой случай, что днем отцу моему пришлось спрятаться в реку в тот момент, когда проходили немцы. Ему посчастливилось, что его не заметили; это происходило в районе Одессы. Проблема заключалась в том, что нечего было кушать, ему приходилось есть зеленые яблоки (начало лета 1940 года), а также нечего было пить. Затем их опять под Одессой собрали и отправили воевать против немцев, эта маленькая победа была за нами. Затем он стал пулеметчиком. Эти дни ему казались самыми страшными днями. Всего было три пулеметчика. Здесь же он получил второе

ранение. Ему своевременно оказали помощь санитары, которые находились на поле боя. После выздоровления его отправили воевать на Кавказ, битва состоялась на реке Кура. Велась борьба за Кавказ, ведь он был основным источником нефти для всей экономики СССР, здесь же находились запасы стратегического сырья. Потеря Кавказа могла бы оказать заметное влияние на общий ход войны против СССР, поэтому Гитлер выбрал именно это направление в качестве основного. Группа армий, созданная для наступления на Кавказ, получила код «А».

Советские Вооруженные Силы в годы минувшей войны проводили наступательные и оборонительные стратегические операции как совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени ударов, операций и боевых действий объединений и соединений различных видов вооруженных сил для достижения стратегических целей. Основными критериями, на основании которых та или иная операция может быть отнесена к стратегической, можно назвать такие, как: решение важных стратегических задач и достижение крупных военно-политических целей, большой пространственный размах боевых действий и участие в них значительного количества сил и средств, а также планирование Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК) и координация действий фронтов, сил флотов и других видов вооруженных сил ее представителями. Все эти критерии можно в полной мере отнести к одной из битв Великой Отечественной войны – битве за Кавказ.

Битва за Кавказ явилась одной из продолжительных в Великой Отечественной войне. Она длилась 442 дня (с 25 июля 1942 года по 9 октября 1943 года).

Далее в 1943 году он продолжал двигаться вперед, в сторону Сталинграда, в самой битве он не участвовал, а лишь присутствовал при освобождении Сталинграда. Участвовал в битвах на реке Дон. Здесь же он получил свою первую медаль «За отвагу». Был такой случай, когда немцы схватили его и пытали. Для него эти пытки были самыми жестокими и хладнокровными. Но каким-то чудом ему удалось выбраться; если бы он не выбрался, то точно оказался бы в концлагере, все к этому и шло. Видимо, мой отец родился в рубашке.

И еще один случай. Однажды они сидели в окопах, отец со своей частью поймали немцев. Они между собой переговаривались и спрашивали: «И что, теперь их в полк вести?» И один из них крикнул: «Их нужно перестрелять!» В итоге наши их перестреляли и спрятали. Об этом случае никому не довелось узнать.

В районе Лиозно стоял фронт. Отец и там принимал участие. Битва была жестокой и страшной. Здесь он потерял своего друга, которого ранили очень серьезно. Раненого перевязали, но он уже оставался живым мертвецом. Ранения были настолько серьезными, что он всего протянул три часа. Для моего отца это была очень страшная потеря, потеря самого близкого человека за все это время. Ему было это нелегко пережить. Девять месяцев стоял фронт. Немцы стреляли световыми ракетами, у наших таких ракет не было.

Отец дальше Польши не дошел. В Польше он получил серьезное ранение, которое переросло в контузию. Его списали и определили на хозяйство.

В итоге он пережил эту войну, но при этом получил контузию и был весь израненный.

Он получил медаль «За отвагу и мужество», Орден Красного Знамени, Орден Отечественной войны (это те, которые я знаю).

В 1959 году от Н. С. Хрущёва он получил орден Красной Звезды.

Эта вся информация, которую я получила от своего деда о его отце. Информация достоверна.

Я благодарна своему прадеду за его героизм, стойкость и мужество. Также я им восхищаюсь и горжусь. Меня радует, что, несмотря на все эти трудности, он остался живым. Мне было трудно передать все это, так как мне больно и печально.

Спасибо советскому народу за его победу и отвагу! Мы благодарны ему за то, что он нам подарил счастливое и мирное будущее ценой своей жизни. Мы непобедимы, патриотичны и мужественны. Именно так о нас говорят и будут говорить во всем мире!!!

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовил:
Качан Р. И.,
студент 2 курса 1 группы
землеустроительного факультета*

Выразаў ён маткам вочы,
Рэзаў старых і дзяцей
І закрыў крывавай ночай
Дзень наш ясны ад людзей...
Я. Купала

Время... Оно летит и не останавливается ни на мгновение. Не властно оно только над нашей памятью. 9 Мая в 68-й раз прогремит салют Победы. А в памяти народной и поныне живы безмерные страдания военных лет и безмерное мужество народа. Память человеческая избирательна – со временем она отсеивает либо хорошие, либо плохие моменты жизни. Память же народа глобальна – в одинаковом объеме она хранит и трагедии, и достижения, белые и черные страницы истории. Долг каждого из нас – не допустить новой войны. А для этого мы должны помнить о боли тех, кого она опалила. В наши дни необходимо и важно вслушаться в воспоминания тех, кто пережил ужасы геноцида. И наш долг – увековечить имя каждого, сражавшегося на войне.

Негромко звучат скорбные колокола Хатыни. Но, услышанные раз, их звуки уже никогда не затихают в людских душах, снова и снова тревожа беспокойную память о миллионах жертв оккупантов, потому что Хатынь – не случайность и не исключение. Хатынская трагедия – лишь звено в бесконечной цепи леденящих душу расправ во имя «нового порядка», только капля в море крови, которой гитлеровские палачи омывали свои бредовые идеи.

Тысячи деревень сметались с лица земли, население истреблялось, угонялось в лагеря смерти или фашистское рабство. Карательные операции проводились службами безопасности вермахта, подразделениями СС и полиции. Особой жестокостью отличался батальон СС, возглавляемый бывшим уголовником-эсэсовцем Дирлевангером.

9 200 деревень уничтожили оккупанты в Белоруссии, более половины из них, свыше 5 000, – вместе с жителями.

Жестокость оккупационного режима постоянно усиливалась. Уничтожались целые районы, которые превращались в «зоны пусты-

ни». Карательные акции проводились в целях борьбы с антигитлеровским сопротивлением, подавления коммунистической идеологии и утраты населения.

С первых дней войны проводились карательные операции против партизан и мирного населения Белоруссии. В июле 1941 года полицейский полк «Центр» организовал карательную акцию в Беловежской пуше и прилегающих к ней районах, в ходе которой уничтожил многие населенные пункты. В августе части 221-й и 286-й охранных дивизий провели карательные операции в районе Ивацевичей и близ Лепеля, а подразделение 162-й и 252-й пехотных дивизий – в Богусевичском районе. В донесении об итогах операции в районе Богусевича гитлеровцы писали, что ими расстреляно 13 788 человек из числа гражданского населения. Тогда же нацисты сожгли деревни Голощакино, Застенки, Спруги, Навязки, Тесны и др.

Для 1943 года характерно проведение крупномасштабных «кусмирительных» акций с использованием моторизованных подразделений, танков, авиации. Фашисты зверски расправлялись с гражданским населением, захватывали скот, зерно, грабили имущество, насильно отправляли трудоспособное население на каторжные работы в Германию. Оставшихся сжигали живыми или расстреливали. Все постройки предавали огню, превращая целые районы в «зоны пустыни». Во время карательной операции под кодовым названием «Коттбус» в мае – июне 1943 года в Минской, Вилейской и Витебской областях фашисты сожгли многие десятки деревень, уничтожили около 10 тысяч человек и более 6 тысяч вывезли в Германию. Они не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. В июле – августе 1943 года каратели провели на территории Кореличского, Новогрудского, Ивьевского, Воложинского, Столбцовского и других районов операцию «Герман». Характерной особенностью этой операции явилось то, что наряду с массовым убийством людей и сожжением деревень гитлеровцы в широких масштабах осуществляли захват рабочей силы для германского рейха, в том числе большого количества детей.

В осенне-зимний период 1943–1944 годов проведение тактики «выжженной земли» приняло наиболее широкие масштабы. В последний период фашистской оккупации роль гитлеровского вермахта в осуществлении политики тотального опустошения оккупированной территории проявилась в создании специальных команд поджигателей. В их задачу входило при отходе фашистских войск проводить полное опустошение оставляемой территории. Население уничтожалось или

угонялось в Германию. Одним из основных приемов и способов осуществления политики тотального опустошения и «выжженной земли» явилось массовое уничтожение населенных пунктов вместе с жителями. Как правило, гитлеровцы сгоняли людей в один дом, сарай или гумно, наглухо его закрывали, а затем поджигали.

В зоны пустыни превращались целые районы Беларуси. За время оккупации захватчиками было проведено свыше 140 значительных карательных операций. Наиболее крупными карательными операциями были «Орел», «Треугольник», «Чарующая флейта», «Коттбус», «Герман».

Многие населенные пункты уничтожались по несколько раз. Так, в Витебской области 243 деревни сожжены дважды, 83 – трижды, 22 – четыре и пять раз; в Минской – 92 населенных пункта дважды, 40 – трижды, 16 – четыре раза и более. Карателями за время оккупации было уничтожено 628 населенных пунктов вместе с жителями; 186 из них так и не были восстановлены; 5 295 населенных пунктов уничтожены с частью жителей; 325 из них не были восстановлены после войны. Всего в Беларуси было уничтожено более 2 200 тыс. человек.

Немецко-фашистские захватчики не знали жалости. Нередко они использовали детей, особенно из детских домов, в качестве доноров. Местное население привлекалось для расчистки заминированных участков, было живым щитом в боевых операциях против партизан и войск Красной Армии. В итоге преднамеренного уничтожения, варварских бомбардировок и артобстрелов на оккупированной территории СССР погибло свыше 7 млн. мирных жителей.

Звонят, звонят колокола Хатыни, горем отзываясь в душах людей – и переживших страшные годы оккупации, и нас, родившихся позже.

Прошло 68 лет со Дня Великой Победы, но, листая страницы мемуаров и перечитывая воспоминания очевидцев, переживших ужасы оккупации, ты заново переживаешь страхи и боль тех, кто смог вынести все это.

Любовь Федоровна Климчук, уроженка города Минска, вспоминает страшный июнь 1941 года, когда мирные жители, убегая на восток от линии фронта, уже увидели звериное лицо фашизма.

«Беженцев окружали не люди, даже не звери. Какие-то вооруженные роботы. Можно не понимать, о чем говорит на незнакомом языке женщина. Можно быть беспощадным к врагу. Нельзя не догадаться, о чем думает мать, становясь между стволом винтовки и своим ребенком.

Нельзя не видеть, что дети кричат от страха. Человек, пока он человек, не может стрелять в младенца.

Они стреляли. И смеялись при этом над неудачными позами упавших детей. Потом, вернувшись в Минск, я удивилась, поглядев в зеркало, – не узнала себя. Уходила молодой. Вернулась седой. Когда падали люди, я смотрела на них полными ужаса глазами, невольно стараясь запомнить, кто остался в том страшном лесу, о ком передать близким. Насчитала до 50 человек. Из них 18 детей. И сбилась со счета.

Потом гитлеровцы погнали нас к Минску. Сзади только слышалось: «Шнель! Шнель!» – и выстрелы. И крики. Отставших пристреливали, упавших убивали штыками. Где-то уже возле самого Минска упал раненный еще в лесу мальчик – Саша Свергун. Гитлеровец, коротко размахнувшись, сильно ударил его ногой. Потом прикладом. Нет, встать Саша уже не мог. И тогда фашист занес над ним штык. Мать бросилась к сыну, прикрыла его. Руки мерзавца не дрогнули. Штык прошел два тела.

Только немногие из этой огромной толпы беженцев дошли до Минска. Но зато они уже познакомились с врагом. Знали, чего от него ждать. Другим еще предстояло испытать на собственном опыте, что такое фашизм».

Хочу привести воспоминания моих земляков, жителей Червенского и соседних районов, тех, кто пережил трагедию, потерял родных и близких в этой страшной войне.

Уцелевшая из деревни Буда Червенского района Мария Ивановна Вергейчик рассказала мне следующую историю.

«Когда началась война, не все успели по мобилизации уйти в Красную Армию. Но и в полицию из нашей деревни никто не пошел. Все молодые мужчины прятались в лесу, а весной 1942 года ушли в партизаны. 6 ноября 1942 года ворвались в нашу деревню немцы и червенская полиция, во главе которой был П. М. Дерех. С полицией прибыл карательный отряд под командованием Русецкого. Ему немцы уже успели дать железный крест за то, что он уничтожал наших людей...».

Мария Ивановна не могла больше говорить и зарыдала. Вытерев передником глаза, продолжала свой рассказ.

«Ворвавшись в деревню, это зверье сразу заняло все дома и начало издеваться над людьми. После этого ложили всех рядом на полу и расстреливали, а потом на трупы набрасывали постель и поджигали.

После жестокого издевательства и избиения ее положили возле отца с матерью и начали стрелять в каждого. Мария была ранена, но при-

творилась, что мертва. Набросив на убитых постель, немцы подожгли ее и вышли. Мария выползла из-под горящих вещей и забралась под печку, но стала задыхаться от дыма. Она выбежала из горящей хаты и сквозь дымовую завесу бросилась в лес.

В этом поселке погиб 51 человек, из них 20 женщин и стариков, 9 подростков и стариков-мужчин и 22 ребенка».

Судьбу деревни Буда разделили 53 сельских населенных пункта нашего района. Среди них Великий Бор, Дубовручье, Попова Гряды, где в пламени собственных домов погибли сотни людей. Сожжена деревня Буда Хуторского сельского совета. Сгорела деревня Ляды вместе с жителями – 45 человек, Становка, Слобода и другие деревни. Три из них в Червенском районе – Попова Гряды, Усохи, Буда – после войны так и не были возрождены из пепла. Жесточайшие издевательства вынесли жители Ореховки, Ачижи, Дубровы, Черного Брода и других деревень.

Непосредственные участники и очевидцы событий – корреспонденты подпольной печати – давали точные описания, яркие, впечатляющие картины партизанских движений, подпольной работы. Убедительно они показывали и звериный облик оккупантов. Хочется привести в сокращенном виде страшную своей достоверностью корреспонденцию, опубликованную 23 мая 1944 года в подпольной газете «Червенский партизан».

«Зверства фашистских бандитов.

С 30.04.44 по 10.05.44 в южной части Червенского и в северной части Пуховичского района творила свои преступные дела орда немецких людоедов. За 10 дней фашистские палачи заживо сожгли в огне, замучили и расстреляли более 500 мирных жителей. Кто же эти жители? Это 176 детей до 12-летнего возраста, это 47 стариков старше 50 лет. Гитлеровские изверги сожгли 70-летнюю Каспирскую Елену из деревни Ачижа, ее внучек – 5-летнюю Зину и 3-летнюю Соню... Одновременно бандиты подвергли жестокому мучению свои жертвы... Они отрезали уши у детей, распарывали животы у женщин, ломали руки и ноги, разбивали головы, 72 полуживых, истерзанных жителя деревни Усохи согнали в один сарай и подожгли его. Люди горели, умирали медленной мучительной смертью, кроме того, в окрестностях этой деревни немцы расстреляли 175 других мирных жителей, в большинстве – стариков, женщин, детей, а деревню сожгли.

Подверглись жестокому мучению жители деревень Черный Брод, Ачижа и других. В деревне Черный Брод гитлеровские людоеды сожгли 35 ни в чем не повинных граждан, а в деревне Ачижа – 50 мирных

жителей. Во многих деревнях ... зарывали в землю живых детей, бросали людей в колодцы и т.д.».

В журнале «Ураган» № 2, издававшемся в бригаде «За Советскую Белоруссию», в январе 1943 года был помещен потрясающей силы рассказ о другом злодеянии фашистов – в деревне Сычи Борисовского района.

«– Фашисты идут! – пронеслась по деревне страшная, словно чума, весть. Кто принес эту весть, неизвестно.

Гитлеровцы цепью окружили деревню. Только в одной стороне оставался небольшой проход. Часть населения бросилась туда, где вдали виднелся черный лес. Бежали по снегу, без дороги, обгоняя друг друга. Бежали раздетые, босые, неся в руках то, что случайно подвернулось. Женщины тащили за руки детей, отставали.

Фашисты открыли огонь. Кое-кто падал, поднимался и бежал дальше. Другие уже не вставали.

Те, кто остался в деревне, встречали незваных гостей испуганно, не зная, что делать. Варвары врываются в избы, сыпали немецкие слова попеременно с русской бранью, поднимали винтовки вверх, грозили. Наспех хватили мясо, яйца... Тут же лезли в сундуки, выбрасывали все содержимое на пол.

Закончив обыск, выгоняли из хаты всех, указывая путь винтовками. И тут же поджигали избы. Кое-кто становился на колени, ползая по снегу, умолял. Прикладами винтовок, пинками кованых сапог их поднимали и гнали дальше.

Анна Мазуркевич, женщина лет тридцати, прижимая к груди двухлетнего ребенка просила:

– Не палите хату! Да что они делают? Господи!

Она стояла на пороге избы, когда зверь подошел и выхватил из рук ребенка. Не поняла, как и почему отдала. Фашист нес ребенка к колодцу. Навстречу ему бросилась мать Анны, старушка лет шестидесяти... Гитлеровец, как котенка, бросил ребенка в колодец. Старуха своими костлявыми руками еще крепче вцепилась в фашиста. Зверь отбивался прикладом, вырвался, толкнул старуху, и она упала у самого сруба.

Подбежал еще один зверь. Вдвоем схватили старушку. Из последних сил цеплялась она за сруб. Не выдержала, оборвалась и камнем упала в воду вслед за ребенком.

Анна Мазуркевич, очнувшись от оцепенения, бросилась к колодцу и, не добежав, упала, сраженная пулей. Оставшихся в деревне согнали в одну из хат. Старики, женщины, дети, собранные в избе, не понимали,

зачем их сюда загнали. Когда варвары положили под окнами и на пороге охапки соломы – поняли.

Стоны, крики рвались в разбитые окна. Казалось, эти вопли разорвут сердце зверя, погасят пламя. Нет, зверь остается зверем.

Невдалеке у сарая гитлеровцы собрали группу из 6–7 девушек и молодых женщин, потом брали то одну, то другую из них, уводили в сарай...

Где-то кто-то дал сигнал – собиралась фашистская нечисть к отъезду, садились в сани и брали с собой девушек. Не насытились. Выехав за деревню, бросили на чистый снег измызганные, изнасилованные, простреленные тела...

68 душ детей, женщин, стариков было истерзано, убито, сожжено фашистской сволочью в одной только деревне Сычи Борисовского района. А сколько в этот день погибло и было угнано на каторгу в Германию из соседних деревень! Только в деревне Осово было убито 47 человек, в Горелом Острове – 24, в Червевичах – 38, а в деревне Боровино Березинского района – 240 человек.

Эти зверства совершены 7 января 1943 года».

Я встретился с очевидцем карательных акций на территории нашего района Анатолием Иосифовичем Бавдеем, 1928 года рождения, ныне жителем города Червеня. Вот что запомнилось четырнадцатилетнему подростку:

«Шел 1942 год. На дворе стояла холодная осень. Точного числа не помню. Немцы шли со стороны деревни Майзарово. В нашу деревню Ореховку они попасть напрямик не могли, так как был сломан мост. Но они отправили своих людей на разведку. Часть немцев пошла через реку, а остальные – вокруг. Тех, кто пошел через реку, наши сельчане увидели, но не знали о тех, кто пошел в обход. Мой отец сказал, что необходимо быстро бежать к болоту. Нас, пацанов, было четверо. Выбежав к болоту, мы наткнулись на немцев. Часа четыре пролежали мы в овраге. Замерзли. Тогда отец сказал выходить по двое. Первым пошли я и мой брат. Дойдя до дома, мы обнаружили, что там никого нет. Выбежали мы тогда во двор, а там соседка (родственница полиция). Она сказала, что всех сельчан согнали в одну хату на допрос, а ее отпустили. Поняв всё, мы спрятались. А в это время из леса вернулись мои два друга. Не найдя никого дома, они вышли на улицу. Там их и схватили немцы. Всех тогда сожгли... И мою мать, и сестру, и друзей...».

Вот некоторые показания выживших свидетелей деревень Червенского района, которые приводит книга «Память», изданная в 2000 году:

«З паказанняў Рамана Захаравіча Галалоба, 1891 года нараджэння, жыхара вескі Дубаўручча Раваніцкага сельскага савета (1 кастрычніка 1944 года):

7 лістапада 1942 года да нас у вёску Дубаўручча ў восем гадзін раніцы прыехалі немцы з паліцаямі з гарнізонаў Чэрвеня, Беразіно, Барысава і Магілёва, сярод іх былі знаёмыя паліцаі з нашай мясцовасці, напрыклад, жыхар вёскі Юрздаўка Раваніцкага сельскага савета Ілля Несцяровіч і інш. Я сам бачыў, як яны распраўляліся з насельніцтвам нашай вёскі.

Спачатку, каб людзі не разбегліся з вёскі, іх сабралі на сход, на якім аб'явілі, каб усе выканалі дзяржпастаўкі. Людзі, каб застацца жывымі, пачалі прыносіць мяса, яйкі, хлеб. Калі збор прыпасаў скончыўся, 13 лістапада немцы разам з паліцаямі Несцяровічам Ільёй, Гоманам Барысам, Ісовікам, якія служылі ў паліцыі Чэрвеньскага гарнізона, сагналі ўсё насельніцтва вёскі ў асобныя дамы. З гэтых дамоў пад канвоём групамі па 20 чалавек выводзілі ў хлявы і там расстрэльвалі.

У гэты чорны дзень немцы са здраднікамі забілі 240 жыхароў нашай вёскі. Сярод іх былі дзеці і жанчыны. Пасля гэтага вёска была спалена, а жывёлу, коней, кароў, адзенне забралі і павезлі ў гарнізоны.

Я застаўся ў жывых толькі адзін, бо схаваўся ў сваёй хаце і мяне не знайшлі.

З паказанняў Ніны Пятроўны Дзержановіч, 1923 года нараджэння, жыхаркі вескі Клінок (12 кастрычніка 1944 года):

У час акупацыі нашага раёна немцы па-зверску адносіліся да мірнага насельніцтва.

22 студзеня 1943 года яны акружылі нашу вёску Клінок. Гэта было ў чатыры гадзіны раніцы. Нам не было куды схавацца. На досвітку немцы пачалі набліжацца да вёскі. Убачыўшы карнікаў, мы пачалі разбегцца, выратаўваючыся ад смяротнай кары. Немцы адкрылі стральбу. У гэты час людзі пачалі падаць на зямлю, ратуючыся ад куль. Я чула, як стагналі параненыя старыя, трымаючы ў руках сваё дзіця. Пасля немцы пачалі праходзіць і дабіваць параненых людзей, якія не маглі ўцякаць ад іх. Тых, хто ляжаў на зямлі жывымі, немцы пачалі збіраць да вялікай ямы, якая была каля вёскі. Перапалоханыя людзі прасіліся, гаварылі, што яны ні ў чым не вінаватыя, але немцы падвялі 45 чалавек да ямы і забілі іх. Пасля гэтага яны пачалі рабаваць маёмасць і паліць вёску.

Вёску, у якой было больш як 300 дамоў, немцы спалілі датла.

З паказанняў Адама Францавіча Карзюка, 1883 года нараджэння, жыхара вёскі Тадулічы (12 кастрычніка 1944 года):

8 ці 9 студзеня 1943 года нейкія людзі рухаліся па бальшаку Чэрвень – Бабруйск у белых халатах. Я паклікаў свайго сына Франуся і пытаю яго, што там за людзі ідуць па нашым полі.

Потым мы здагадаліся, што гэта ідуць немцы, і пачалі ўцякаць у напрамку вёскі Курганок. Калі дайшлі да канца сваёй вёскі, далей нас не пусцілі. Там мы ўбачылі нямецкі кулямёт. Мне загадалі ехаць у вёску Макаё Асіповіцкага раёна. Нас было прыкладна 20 чалавек, хто вёз немцаў. Я ехаў наперадзе і вёз дровы. Такім чынам немцы правяралі, каб не было мін на шляху, а калі ёсць – то каб іх можна было знішчыць. Але мін не было. У той жа дзень я вярнуўся ў Тадулічы. Ганна Любецкая паведаміла мне, што забілі маіх сыноў Аляксандра і Франуся. Акрамя іх, былі забіты і спалены ў маім гумне Канстанцін Віткоўскі, 1909 года нараджэння, Федар Федарэнчык – прыкладна трыццаці гадоў, Антон Федарэнчык – 27 гадоў, Яніна Федарэнчык – прыкладна 35–37 гадоў, Павел Міхіевіч – 35 гадоў, з імі разам двое дзяцей – аднаму пяць гадоў, другому – два гады. Дзям’ян Міхіевіч – 40 гадоў.

Акрамя гэтых забітых і спаленых у маім гумне, былі расстраляны ў Тадулічах Жэня Федарэнчык і яе двухгадовае дзіця, Уладзімір Акуліч, 1928 года нараджэння, Саша Федарэнчык – 9 гадоў, Марыя Міхіевіч – 35 гадоў і яе двое дзяцей, іх закапалі ў хляве. Потым астанкі гэтых людзей пахавалі на могілках.

Акрамя забойстваў у вёсцы, у лесе былі расстраляны чатыры чалавекі: Алесь Любецкі – 40 гадоў, Уладзімір Любецкі – 14 гадоў, Зянон Статкевіч – 40 гадоў, Васіль Шалупенка – 35 гадоў.

У вёсцы Курганок была расстраляна сям’я Пятра Міхіевіча з пяці чалавек, у тым ліку і маленькія дзеці па адным-два гады.

Сярод карнікаў былі немцы і рускія. Я іх пазнаваў толькі па мове. Яны былі апрануты ў нямецкае адзенне, знаёмых сярод іх нікога не было.

З паказанняў Кароткіх, жыхара г. Чэрвеня (1 лістапада 1944 года):

У час адступлення Чырвонай Арміі ў 1941 годзе я быў паранены і ў першыя дні вайны апынуўся ў Чэрвеньскай бальніцы, дзе знаходзіўся да жніўня 1942 года. З першых дзён акупацыі нямецкія ўлады пачалі знішчаць насельніцтва. Яшчэ горш было, калі арганізавалася паліцыя. Як мне вядома, у 1941 годзе, у верасні, начальнік паліцыі Станкевіч асабіста расстраляў члена КП(Б)Б Мікалая Станкевіча. У 1941 годзе немцы сагналі ўсіх яўрэяў, якія жылі на тэрыторыі Чэрвеньскага раёна,

у так зване гета, створанае на вуліцы Градка, дзе штодзень па некалькі чалавек выводзілі на могілкі г. Чэрвеня для расстрэлу. Гэту ролю выконвалі паліцаі: Размысловіч, Лунец, Шыхаў і інш. Першага лютага 1942 года ўсе яўрэі, што знаходзіліся ў гета (каля 1500 чалавек), былі расстраляны.

У шэсць гадзін раніцы гета акружылі немцы і паліцаі. У гэты час я знаходзіўся ў бальніцы. Са мной разам ляжаў ранены яўрэй Гітлін, у якога была ампутавана адна нага. Раптоўна да нас ў палату зайшоў паліцай і сказаў: «Хто яўрэй, адразу ж ідзіце ў гета.

Гітлін устаў і на мыліцах пайшоў туды. У радзільным аддзяленні таксама знаходзілася адна маладая жанчына, якая нарадзіла дзіця. Ёй таксама Шыхаў загадаў ісці ў гета, а дзіця загарнулі ў прасціну і кінулі ў сані.

У час расстрэлу яўрэяў я стаў на вуліцы, адкуль была чутна страляніна. Яўрэяў па 30–40 чалавек падводзілі да ямы, распраналі да нацельнай бялізны і расстрэльвалі. Месца расстрэлу было па дарозе на Замятоўку».

Лесной масіў между реками Свислочь и Волма стал центром партизанской борьбы в восточной части Минщины.

Первые партизанские отряды на территории Червенского района были небольшими – по 20–30 человек. Они

делились на 2–3 боевые группы.

На вооружении партизан находилось преимущественно стрелковое оружие: винтовки, пулеметы, гранаты. Их собирали с мест боев или захватывали у врага в качестве трофеев. Только в 1942–1944 годах на партизанские аэродромы стали поступать оружие и боеприпасы с Большой земли.

В числе первых партизанских формирований, которые включились в борьбу с оккупантами, была небольшая по количеству группа, которую возглавлял Дмитрий Михайлович Лопух. Также в группу входили Николай Моисеев, Сергей Рожков, Петр Иваненко – всего 9 человек.



В числе первых партизанских отрядов был отряд «Беларусь». Организовал его в августе 1941 года секретарь Руденского РК КП(б)Б Николай Прокопович Покровский.

Основные партизанские силы на Червенщине начали организовываться в 1942 году из групп военнослужащих, которые остались на оккупированной территории, и местных жителей. Их было уже 24.



Для руководства партизанским подпольем и партизанским движением в октябре – декабре 1942 года было создано шесть подпольных райкомов партии. Червенский подпольный райком КП(б)Б возглавил Кузьма Кузьмич Кравченко.

Райком базировался вначале в партизанской бригаде «Разгром», а затем в бригаде имени газеты «Правда».

Активные боевые действия партизан привели к очищению от оккупантов значительной части района. После разгрома вражеских гарнизонов в деревнях Ачижа и Турин, уничтожения моста через реки Свислочь и Волма партизаны контролировали все деревни Клинокского сельсовета, значительную часть Пудецкого и Туринского сельсоветов, некоторые деревни Дукорского, Войниловского, Гребенецкого и Вале-

вачевского сельсоветов. До осени 1943 года сложилась большая партизанская зона.

Река Свислочь была границей зоны на западе. Две переправы через реку в деревнях Турин и Пудецкая Слобода удерживали партизаны.

На территории зоны располагались значительные силы партизан: восемь из десяти отрядов, которые действовали на территории района. Бригада имени С. М. Кирова дислоцировалась возле деревни Усохи Гребенецкого сельсовета, 1-я Минская – между деревнями Иваничи и Клинок Клинокского сельсовета, «Чырвоны сяг» – в урочище Попова Гряда возле деревни Зенанполье Ляденского сельсовета, «Разгром» – возле деревень Маконь и Дубовручье, бригада имени М. А. Щорса – в районе деревни Березовка Рованичского сельсовета, «За Савецкую Беларусь» – возле деревни Соколы Руднянского сельсовета, бригада имени газеты «Правда» – возле деревень Волма и Клинок.

Партизанский отряд имени газеты «Правда» был создан в апреле 1942 года из отдельных групп в Клинокских лесах, которые возглавляли В. Н. Тоболин, М. П. Ивашко, М. В. Врублевский, И. Т. Камлюк, С. А. Рожков, А. В. Корнеев.



Первым командиром стал П. И. Иваненко. Бойцами отряда были местные колхозники, молодежь. Вначале отряд действовал самостоя-

тельно, с октября 1942 года по октябрь 1943 года – в составе 1-й Минской бригады, с октября 1943 года – в составе партизанской бригады имени газеты «Правда».



На день соединения с частями Красной Армии насчитывал 429 партизан. Командиры отряда: Иваненко Пётр Иванович (апрель 1942 – октябрь 1943), Путрик Василий Иванович (октябрь 1943 – июль 1944); комиссары: Романов Герасим Никифорович (апрель 1942 – ноябрь 1942), Кузнецов Степан Трифионович (ноябрь 1942 – октябрь 1943), Захаренков Дмитрий Анисимович (октябрь 1943 – июль 1944); начальники штаба: Тоболин Владимир Никифорович (апрель 1942 – август 1942), Немец Пётр Семёнович (август 1942 – октябрь 1943), Корзун Александр Васильевич (октябрь 1943 – июль 1944).



О славных подвигах партизан из отряда печаталось на страницах газеты «Червенский партизан».

В одном из номеров от 15 июня 1943 года была статья «Из засады по фашистам». В статье писалось: «Группа партизан в составе 7 человек отряда «Правда» под командой т. Корабенко днем отправилась на выполнение боевого задания. Переходя шоссе на дорогу Минск – Бобруйск, партизаны услышали гул мотора, доносившийся со стороны Минска. Командир принял решение сделать засаду. Партизаны залегли.

Ожидать долго не пришлось. Из-за поворота показалась автомашина с немцами. Короткая очередь из пулемета – и машина остановилась. Партизаны бросились к автомашине, чтобы захватить немцев живьем. Немцы начали отстреливаться, но это ни к чему не привело. Партизаны окружили автомашину, уничтожили трех офицеров, в том числе комиссара из генерал-губернаторства и одного полицейского. Двух генералов взяли в плен. Захвачены трофеи: 5 винтовок, 1000 патронов, 1 ротный миномет с минами и 2 пистолета».

При партизанском отряде имени газеты «Правда» был налажен выпуск рукописного журнала «Мститель». Редактором журнала был В. А. Шидловский, художником-оформителем – Николай Шутов. Журнал пользовался безграничной любовью у читателей.

На заседании межрайкома Иван Павлович Паромчик внес предложение сделать переходный Красный флаг



бригады и присвоить его отряду, который имел лучшие успехи в боевых делах, воспитании личного состава и политмассовой работе среди населения. 1 мая 1943 года переходный Красный флаг был вручен партизанскому отряду имени газеты «Правда».

Торжественным маршем под Красным флагом отряд направился в деревню Уголец. Туда пришли и другие отряды. Состоялся праздничный митинг и партизанский парад.



Петр Иванович Иваненко – организатор и командир партизанского отряда имени газеты «Правда»



Владимир Никифорович Таболин – один из активных организаторов партизанского отряда, заместитель командира отряда имени газеты «Правда». С октября 1943 года – заместитель командира партизанской бригады имени газеты «Правда» по разведке (фото 1943 года)



Дмитрий Витальевич Лопух – районный прокурор. Погиб в июле 1941 года в бою у деревни Пальчик



Валентина Ивановна Ермакович – восемнадцатилетняя разведчица. Погибла в 1943 году (фото 1942 года)



Петр Давыдович Купрейчик – связной-подпольщик. Замучен гитлеровцами в июне 1942 года (фото 1939 года)



Степан Филиппович Сецко – один из организаторов отряда, командир дружины самообороны в деревне Клинок. Замучен фашистами в 1943 году



Нина Викентьевна Пролесковская – командир подрывной группы. На ее счету 12 вражеских эшелонов, пущенных под откос



Михаил Петрович Сенявский – один из организаторов партизанского отряда «Правда» (рисунок Н. Гурло, 1943 год)



Софья Ильинична Красногир – связная, активная помощница в организации отряда (фото 1944 года)



Алексей Иванович Карнач – член подпольной комсомольской группы в деревне Клинок. В отряде с сентября 1942 года (фото 1944 года)



Александр Иосифович Андрончик – связной, участвовал в четырех диверсиях на железной дороге. Замучен в Осиповичском лагере смерти в 1942 году (фото 1941 года)



Николай Иванович Сецко – член подпольной комсомольской группы в деревне Клинок. В отряде с сентября 1941 года (фото 1944 года)



Нина Владимировна Загорская-Гигина – связная-подпольщица (фото 1942 года)



Мария Казимирская – разведчица партизанского отряда имени газеты «Правда»



Петр Семенович Немец – начальник штаба отряда имени газеты «Правда». Позже – командир роты отряда «Победа» (фото 1941 года)



Группа партизан роты Василия Ивановича Путрика перед уходом на боевое задание (май 1943 года)



Группа подрывников во главе с М. П. Маркиянчиком перед отправкой на боевое задание (январь 1944 года)



Перед рейдом по проверке партизанской обороны. Слева направо: командир 1-й Минской бригады Н. Ф. Балан, командир отряда имени газеты «Правда» П. И. Иваненко, партизаны С. А. Рожков и Урожаев



Инициативная группа, выделенная из отряда имени газеты «Правда» для организации партизанского отряда имени Калинина. Слева направо: стоят – Г. А. Пугач, А. К. Корень, В. Н. Енушко, А. А. Владимиров, Н. И. Свиридович; сидят – Л. И. Кучерявый, П. М. Болозев, В. И. Бутиков, Ф. Н. Кравчук, А. Бачило; лежат – А. Мелещик, М. Пахомов, А. Лабуш



Секретарь Червенского подпольного райкома партии Кравченко Кузьма Кузьмич (третий слева) и секретарь Червенского подпольного райкома комсомола Пилотович Станислав Антонович (пятый справа) среди командиров и партизан отряда имени газеты «Правда» (фото 1943 года)



Штаб партизанской бригады имени газеты «Правда».

Слева направо: стоят – А. И. Корень – начальник санитарной части, В. П. Зайцев – писарь штаба, В. П. Герцович – машинистка, Г. Е. Герцович – помощник начальника штаба; сидят – С. И. Бриль – заместитель комиссара по комсомолу, П. И. Богомолов – начальник штаба, С. Т. Кузнецов – командир бригады, С. Е. Данильчик – комиссар, В. Н. Таболин – заместитель командира бригады по разведке (фото 1943 года)

Командир отряда имени газеты «Правда», Петр Иванович Иваненко, вызвал в начале блокады Владимира Тоболина и приказал:

– Пойдешь на железную дорогу. Подбери себе людей. Немцы будут тут на нас наседать, а вы тем временем рваните эшелон у них за спиной. Бери стокилограммовую бомбу и отправляйся. Узнав о задании, Мария бросилась к Владимиру.

– Возьми меня с собой!

– Маруся, ты же только что с задания вернулась. Посмотри на себя: едва на ногах стоишь.

...Мария старательно обернула бомбу маскхалатом, помогла партизанам уложить ее на сани. Группа тронулась за проводником Василием Лобусом.

Ярко светила луна. Вдруг Мария остановилась, схватила Тоболина за руку.

– Ты что? – шепотом спросил Владимир.

– Смотри! – указала девушка под ноги.

Владимир нагнулся, разглядывая тоненький провод, протянувшийся от молодой березки к самым ногам Марии. Мины!

...Партизаны с тревогой наблюдали, как Красногир осторожно шагнул впереди. Вот он присел, начал разгребать снег, снимать мины. Первая, вторая, третья... Рядом шагала Мария.

– Спасибо тебе, Маруся, – сказал Красногир. – Вдвоем веселее. Однако держись от меня подальше. Всякое может случиться. Минер ошибается только раз в жизни...

– На насыпь! – приказал Тоболин. – Быстрее!

В руках у партизан появились саперные лопатки. Промерзшая земля поддавалась с трудом.

Подтащили санки, опустили бомбу в яму. И вдруг послышалась немецкая речь. Совсем рядом.

– Закрывайте яму, – шепнул Тоболин.

Мария легла на черную яму с бомбой, белизной своего халата сливаясь с окружающим снегом. Рядом прилег еще кто-то. Прошел немецкий патруль. Быстро засыпали бомбу. Мария прикрыла сверху черную землю белым халатом, чтобы в темноте нельзя было рассмотреть, где спрятан заряд.

... Прошел час, второй. Из темноты донесся продолжительный гудок паровоза. Приближался поезд. Мария вся сжалась, стиснула конец шнура в руке. Освещенный лампочкой лоб паровоза проскочил мимо.

– Маруся, давай! – подал команду старший группы.

Миг – и девушка вскочила на колени, изо всех сил дернула шнур на себя.

Вскоре партизаны ехали на санях по лесной дороге. Мария Казимирская так и не сказала никому из товарищей, что она напросилась на это задание, чтобы отомстить за отца и мать, которых несколько дней назад гитлеровцы расстреляли за связь с партизанами.

Вскоре Марию постигло еще одно горе: погиб ее брат Владимир.

Погибла отважная партизанка во время взрыва моста в деревне Корзуны, недалеко от Смилевич. Заминировав мост, она решила взорвать его только тогда, когда пойдут вражеские автомашины и танки. Маруся и двое ее товарищей залегли в кювете недалеко от моста. Протянули шнур. Вскоре со стороны Минска показалось несколько немецких автомашин. Мария нацелилась на шедший вторым автомобиль, до самого верха нагруженный ящиками. Вот и он вполз на мост. Раздался оглушительный взрыв. Потом еще и еще. Оказалось, что в ящиках были боеприпасы. Мария была смертельно ранена.

(Иваненко П.И. В родных местах. Минск, 1971).



*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

*Подготовила:
Мазурова А. А.,
студентка 3 курса 6 группы
факультета бухгалтерского учета*

Осипенко Михаил Аврамович родился 16 мая 1924 года в деревне Чижовка Витебской области. Там проживал до ухода в армию. Служил в 367-м учебном полку первого Белорусского фронта. С июля 1944 года до мая 1945 года служил на фронте в 260-й стрелковой дивизии 1-м стрелковом батальоне 2-й стрелковой роты.

Начал войну от Бреста, Польши. Форсировал Вислу, участвовал в наступлении на Берлин, взятии Берлина в апреле – начале мая. Из воспоминаний М. А. Осипенко: «Берлинская операция, что и говорить, – операция очень серьезная, поэтому проходила очень сложно. В окрестности Берлина были «подтянуты» огромные силы: море солдат, оружие, боевая техника. Как сейчас помню, наступление начиналось ночью, поэтому были включены свезенные к тому времени прожектора, которыми самолеты в небе высвечиваются. Было такое впечатление, что солнце взойшло, так светло было.

И эти прожектора установили по наступлению, то есть в спину нашим солдатам и в лицо немцам. Получилось, что их мы ослепили. Так мы успешно продвинулись к Берлину. Опасность чувствовалась, но было весело оттого, что война идет к концу, что мы победили. 7 мая солдаты, кто желал, могли поехать к рейхстагу. Он был сильно разрушен, мы с товарищами хотели попасть в казематы, но нас не пустили, немцы ведь еще сопротивлялись. Мы, естественно, нацарапали на стенах свои фамилии и слова: «Мы из Беларуси». 8 мая нам объявили о капитуляции Германии, но для нас война не закончилась, нас «перекинули» в Чехословакию. В Чехии хорошо нас встречали, несли еду, бросали цветы. Мы остановились под Прагой для подготовки к штурму, но, как оказалось, мы не успели, Прагу уже освободили. Через полтора месяца нас вернули в Германию, а еще через два – домой. Мы встречались с американцами на Эльбе в 1945 году. Также служил в Германии в оккупационных войсках до марта 1948 года. Конечно, словами не пере-

дать, как нас встретили дома: со слезами, цветами, музыкой, несли продукты. За это время я был награжден орденом Славы, двумя медалями



«За отвагу», медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом Отечественной войны. Демобилизовался и приехал в свою родную деревню. Поступил на работу в банк. С 1 января 1949 года работал бухгалтером, инспектором по проверке до 1956 года, в 1956 году был направлен директором хлебокомбината, там проработал 28 лет до августа 1984 года. Четыре года работал мастером

подсобного производства ПМК-59. С марта 1988 года не работаю. Был женат, но жена умерла, восемь лет живу один. У меня есть две дочери, старшая Людмила и младшая Наталья. Людмила работает в Гомеле. Дочь Наталья подарила мне двух внуков, работает в музыкальной школе. Они уже взрослые, оба закончили БелГУТ. Ко мне каждый день приходит социальный работник. Социальные работники – люди хорошие, много трудятся. Только вот заработную плату им занижают. Они как пчелки трудятся, приходят в любую погоду, оказывают нам большую помощь. Служба очень полезная. Недостаточное внимание уделяют нам медики и милиция. Медики работают до обеда, приходится сидеть в огромных очередях. Остается только недовольство.



Хочу пожелать вам, молодому поколению, чтобы вы продолжали дело своих родителей, уважали их, стремились, чтобы в нашем обществе улучшились отношения. Люди того, военного поколения же-

лают, чтобы не было войны. А еще хочется, чтобы вы брали пример с нас, старшего поколения, ведь мы имеем большой жизненный опыт и можем помочь. Желаем быть достойными наследниками, ведь все, что нами сделано, сделано для вас».

Глазнев Дмитрий Алексеевич родился в 1918 году ветеран 3-й Армии, бывший командир стрелковой роты 190-го стрелкового полка 5-й Орловской ордена Ленина, Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии.

До войны работал на заводе им. Куйбышева Донецкой области оператором. За месяц до начала войны, в мае 1941 года, был призван в ряды Красной Армии. Военную службу проходил в городе Дубно Львовской области. Размещались в ангаре при аэродроме, который был для красноармейцев временной казармой.

Из воспоминаний Д. А. Глазнева: «22 июня 1941 года в 5 часов утра проснулись от сильного гула самолетов, слышали взрыв бомб и пулеметную стрельбу. Вначале подумали, что это учебные самолеты, но с каждой минутой гул самолетов усиливался и бомбы взрывались вблизи ангара, где мы располагались, поняли, что это не учебные полеты. Быстро спрыгнули с нар и побежали к выходу. Открыли большие двери и увидели низко летающие самолеты с фашистской свастикой. Бомбы взрывались на взлетной полосе аэродрома, вдали горел Дубно. Поняли, что это война...».

23 июня 1941 г. был выдан приказ защитить Дубно и задержать натиск врага совместно с 34-й танковой дивизией. В 12 часов дня появились вражеские танки. Вот тогда он и увидел впервые раненых и убитых товарищей. Появились страх за себя и жгучая ненависть к фашистам. Впервые вел прицельный огонь по живым людям. Таким было первое боевое крещение.

После Киева 8 июля 1941 года был направлен в 55-ю стрелковую дивизию в 107-й стрелковый полк стрелком, потом стал командиром стрелкового отделения, помощником командира стрелкового взвода.

В октябре 1942 года с передовой линии был вызван в штаб своего 107-го стрелкового полка и направлен на фронтовые курсы младших лейтенантов, которые успешно окончил в феврале 1943 года с присвоением воинского звания «лейтенант».

Осенью 1943 года и в зимне-весенние месяцы 1944 года войска освободили часть территории Беларуси: Гомель, Мозырь, Рогачев и другие населенные пункты.

В мае 1944 года прибыл в 5-ю Орловскую стрелковую дивизию в 190-й стрелковый полк и был назначен командиром 7-й стрелковой роты.

28 июня 1944 года принял 1-ю стрелковую роту у капитана Макарова, который был ранен при подготовке табельных средств для форсирования реки Друть. За проявленное мужество, стойкость при овладении и удержании безымянной высоты большинство солдат, сержантов и офицеров, в том числе Д. А. Глазнева, были награждены боевым орденом Красной Звезды.

В дальнейшем был приказ подготовиться к стремительному движению на г. Минск. Рота в составе батальона, полка и дивизии, уничтожая противника, приближалась к Червеню. Освободив его от противника, направилась западнее Минска к Новогрудку и Волковыску. Пришлось вести тяжелые бои в г. Волковыске. За отвагу в бою был награжден орденом Отечественной войны II степени.

27 июля 1944 года освободили Белосток. За него фашисты вели ожесточенные бои, и лишь только при поддержке артиллерии и авиации с воздуха удалось очистить город от противника.

С боями вступили на территорию Восточной Пруссии. Участвовал в разгроме группы немецких войск юго-западной Кенигсберга.

15 февраля 1945 года под городом Мельзан в бою за овладение высотой был ранен осколком снаряда в ногу. Лечился до 27 февраля 1945 года и снова вышел в бой по окружению и ликвидации группировки немецких войск юго-восточнее Берлина.

26 марта 1945 года был ранен командир батальона А. Л. Шапошников. Как его заместитель принял командование батальоном согласно приказу.

2 мая 1945 года капитулировал гарнизон Берлина.

Со слов Д. А. Глазнева: «7 мая 1945 года – незабываемый день. По обочинам дорог плетутся в наш тыл серые колонны пленных, грязные, смертельно уставшие, обросшие, они устало бредут на Восток, куда в 1941 году отправились по воле своего фюрера за жизненным пространством – грабить чужие земли и поработать другие народы.

9 мая 1945 года всех солдат поздравляли с победой. Какая это была радость! Счастьем сияли усталые солдатские глаза. Радостью и необычной гордостью светились запыленные уставшие солдатские лица. Объятия, слезы радости, крики «ура!», стрельба вверх. Это же Победа! Это же мир!».

За боевые заслуги Дмитрий Алексеевич также был награжден орденом Александра Невского, орденом Красного Знамени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».



Супруги Глазнева Анна Сергеевна и Глазнев Дмитрий Алексеевич
и их дети: Вера, Екатерина и Сергей



*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Апасова Е. О.,
студентка 1 курса 1 группы
факультета
бухгалтерского учета*

Хочу рассказать вам о моей бабушке, история которой тронула меня до глубины души.

Жаль, что я больше не услышу ее незабываемых историй о тяжелом времени войны.

Леонова (в девичестве Зотова) Елизавета Александровна родилась 4 октября 1919 года в России, в деревне в Костромской губернии, в многодетной семье (7 детей). Мать – крестьянка, отец – революционер, был знаком с самим Лениным, принимал активное участие в революции 1917 года.

Позже семья переехала в Ленинград. Отец работал на Путиловском заводе.

Елизавета окончила школу с математическим уклоном и поступила в Ленинградский институт точной механики и оптики. Закончила два курса, и началась Великая Отечественная война.

Институт эвакуировали, но бабушка решила остаться с семьей в Ленинграде. Старшие сестры были в деревне под Костромой, брат Василий воевал на фронте (был офицер и погиб в Великую Отечественную). В городе остались престарелые родители, брат Константин (инвалид – отрезало ногу трамваем, студент музыкального училища, очень одаренный молодой человек) и сестра Евдокия (фельдшер, ранена в Карело-Финскую войну). Началась блокада Ленинграда. Бабушка работала санитаркой в госпитале и получала 200 граммов хлеба. Родные болели от холода и голода. В городе съели всех животных, весной всю зелень. Однажды у бабули украли в очереди за хлебом все карточки, и вся семья на целый месяц осталась без 100 граммов хлеба (с опилками). Варили кожаные ремни и ели такой суп. Жуткий холод и голод. Первым умер брат Костя от голода, был похож на мумию и мучительно долго умирал. Потом умерла сестра, у нее открылись раны и началось жуткое кровотечение. Затем умер папа и последней мама. Бабушка всех их укладывала на санки, зашивала в простыню и отвозила на кладбище,

где такие же чуть живые солдатики укладывали их в общие могилы. Теперь на этом месте в Санкт-Петербурге братские могилы на Пискаревском кладбище.

Бабушку чуть живую чудом вывезли через Ладожское озеро. Она была так истощена, что все считали, что она не выживет. Она рассказывала, что всю жизнь помнит вкус перловой каши, которой впервые накормили блокадников солдаты. Казалось, что вкуснее этого ничего на свете не существует.

Умирать отправили бабушку к сестрам в деревню, но она выжила. Правда, долго еще сушила сухарики и прятала их под подушку. Окрепнув, работала на заготовках леса и торфа. Восстановилась в институте легкой промышленности по профессии инженер. Распределили в разрушенную Беларусь. Работала на льнозаводе в Шумилино, под Витебском.

Вышла замуж за Леонова Ивана Федоровича (инвалид войны, награжден орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды, а также медалями, после войны работал юристом и судьей в городе Витебске). Родились двое детей: моя тетя Надежда и дядя Александр.

В 1956 году семья перебралась в Витебск. Бабушка работала главным инженером в РСУ. В Витебске и родилась моя мама. Бабуля всегда была человеком необыкновенной порядочности и доброты. Очень начитанная, образованная, всегда в курсе всех новостей в нашей стране и за рубежом. Всегда готова прийти на помощь совершенно бескорыстно. Таких настоящих людей очень мало. Скромная, добрая, сохранившая ясность ума до самой смерти.

Получила знак «Жителю блокадного Ленинграда». Ей каждый год присылали поздравления от Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Умерла в возрасте девяноста трех лет.

Война в семейных фотографиях



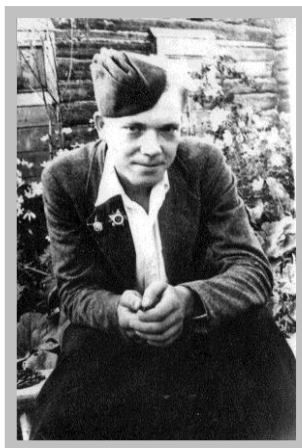
Фотография семьи в 1935 г.



Елизавета Александровна в юности (1935 г.)



Елизавета Александровна на полевых работах (1948 г.)



Иван Фёдорович – муж Елизаветы Александровны (1945 г.)



Молодые дедушка и бабушка (1945 г.)



*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

*Подготовил:
Ясюкевич А. А.,
студент 2 курса 7 группы
факультета бухгалтерского учета*

Чем больше лет Победе, тем меньше остается ее победителей. По статистике, на начало 2012 года в Республике Беларусь осталось всего лишь около тридцати тысяч участников Великой Отечественной войны, храбрых санитаров медицинского состава, которые не раз возвращали в строй десятки тысяч бойцов, храбрых связистов, устанавливавших связь между частями, и всего лишь двадцать тысяч фронтовиков, тех, кто проливал кровь на фронтах. Уходят ветераны, но память о них будет жить вечно. Одним из тех, кто воевал не щадя живота своего, каждый день смотря в глаза смерти, кровью и потом ковал победу, был Фёдор Фёдорович Аскерко – ветеран войны, партизан-подпольщик, фронтовик, дважды раненный, несколько раз спасавший своих боевых товарищей.

Родился Фёдор Фёдорович Аскерко 12 декабря 1925 года на станции Талька Пуховичского района Минской области. Отец, Фёдор Герасимович (21 февраля 1903 года рождения), – служащий сельпо, мать, Балаш Лидия Архиповна (5 марта 1903 года рождения), – рабочая на железной дороге. Фёдор Аскерко встретил войну, будучи еще пятнадцатилетним подростком, только что окончившим 9 классов, отец его стал подпольщиком, а Федя выполнял всякого рода поручения своего отца: переписывал приказы подпольщиков своим детским почерком, чтобы немцы не могли понять, чей это почерк, в случае ареста. В январе 1943 года попал в партизанский отряд имени Кирова, вначале был связным, поставлял масло партизанам для смазки оружия, работая на железной дороге у немцев, а позже и рядовым партизаном. Когда ему исполнилось 18 лет, ходил в рейды с партизанами, участвовал в диверсиях. В это время произошел один случай, который навсегда остался в памяти Фёдора Аскерко. В конце апреля 1944 года отряд, где находился Аскерко, попал в окружение немцев. Вырвавшиеся из окружения были

выгнаны немецкими карателями на лесную поляну длиной 200–250 метров, где уже их поджидали немецкие солдаты около вырытых окопов. Позади – смерть, впереди – смерть, в магазинах – в лучшем случае по одному патрону на случай, если тяжело ранят, чтобы не попасть в плен, так как немцы любили перед казнью еще и попытать пленных партизан. Но командир отряда не растерялся и повел уцелевших в психическую атаку на немецкие окопы. Немцы в страхе от приближающейся толпы попрыгали головы в окопы, а партизаны, пулей промчавшись через немецкие окопы, рванули в стоявший впереди лес. Как рассказывает Фёдор Фёдорович, их тогда спасло только то, что немцы не начали стрелять по ним, иначе все до одного легли бы под градом немецких пуль. Тогда Фёдор Фёдорович как будто во второй раз родился. Много опасностей пережил Фёдор Фёдорович Аскерко и в составе регулярных сил, участвовал в освобождении Восточной Пруссии, городов Данцига, Кениксберга, Сопота.

После освобождения Минска попал в 1289-й стрелковый полк 110-й Верхнеднепровской стрелковой дивизии. Первую награду получил за стойкость и мужество, проявленное в бою 22 августа 1944 года в районе местечка Цецерки Замбровского района Белостокской области. В этом бою polegло много его боевых товарищей. 26 августа 1944 года Фёдор Фёдорович стал командиром взвода из оставшихся в живых после боя 22 августа, побыл им всего лишь 5 дней, так как был ранен. Когда его взвод проводил разведку боем, вражеская пуля отсекла Фёдору Фёдоровичу мизинец и раздробила кость на безымянном пальце. Уползая от вражеского огня и снарядов, Фёдор сумел вернуться с оружием. Провел в госпитале два с половиной месяца и вернулся в строй в составе 455-го стрелкового полка. 20 января 1945 года получил вторую медаль за храбрость в боях за деревню Бжузовка. В числе первых ворвался в немецкие окопы и уничтожил трех немецких солдат. Немного позже спас своего тяжелораненого командира, вынося его со своим товарищем под пулеметным огнем противника. Ему тогда чудом повезло остаться в живых, так как в его плащ-палатке было насчитано семь дырок от пуль. Хотели представить к ордену, но, орден так и не получил, поскольку примерно в это же время получил медаль за храбрость но, как говорил сам Фёдор Фёдорович, «мы не за ордена сражались». Победу Аскерко встретил в госпитале, так как был тяжело ранен 28 марта 1945 года в грудь осколком, чудом выжил. Тогда он родился в третий раз.

После войны Фёдор Фёдорович участвовал в восстановлении города Минска, поступил в институт, позже стал преподавателем в Бобруйском автотранспортном техникуме, через восемь лет стал его директором, внес огромный вклад в развитие техникума, выпустил сотни первоклассных специалистов. 12 декабря 2012 года Фёдору Фёдоровичу исполнилось 87 лет. Это особое поколение уходит, подобных ему уже никогда не будет в нашей истории. Они уходят, и мы должны помнить о них и рассказывать своим детям о том, что было такое время и были люди, которые победили фашизм и память о которых будет жить в наших сердцах вечно.



Фёдор Фёдорович Аскерко.
Фотографу, сделавшему снимок, понравилась улыбка солдата, и он решил запечатлеть ее



Фёдор Фёдорович Аскерко (слева)
со своими сослуживцами

Несколько писем моему прадеду Иерониму Владимировичу Некрашевичу от незнакомого солдата, который служил в одной роте с его братом Сергеем Владимировичем Некрашевичем. В одном из них извещается о смерти брата.

Листок бумаги 1944 год. 8 сентября
от бойца Зюканова вернул от товарища
вашего Броня Сергея Владимировича
Делисова Александра Ивановича пера
Владимировича Некрасовича Зюканова
и не вернул Сидорова моего писем
случай так от ветки что бое писем
и похоронил и узнал что все писем
мое писем в Кривошею я бое Союзом
ослеплен боевого Броня Сергея да
наконец-таки пошел 21 июня 44 года
во время прохода туда я бое писем
и Зюканова я ходил командиром Кривошею
где Сидорова за последние время Сергея
и где пошел он мне говорил что Зюканова
как удалось я спросил что Зюканова
оно как он сам писал и пошел в
и восточной части и восточной части
он Сергей писал адресам Жене или
Сидорова Броня я писал без того кому
он дал адрес в писем Кривошею
он писал от меня имени адреса слова
писем это случу дали еще в мае 44 года
Зюканова Сидорова ему пошел адрес
и Зюканова Сидорова я узнал все писем
Кривошею адрес его Жене узнал если
он мне дал три адреса или сшил да
тогда мне что Зюканова Кривошею
Зюканова - известие своем предвладели
Кривошею и я ему дал адрес Жене

Своя и вам я прозду сепрем
выполним на все мне осле извещи
он сам молотка поупри ои та е
Афееи его меам Вемисткоз оди.
Тор Тудатал район Юмса и Торкоро/8
Ябваса Аникобни Делкромселичотой
и спраиваему Афееи мой ои куде я
Завоини Будаи Значиме я сз Тор
Кудбимево но менеро дез меам Мана
моз из Кудбимево васага Келесу оуе
и прохилем уоца своеро мием Кудбимево поим
Своине прохонит Келесу Меме вои
вои Афееи Кудбимево одиаме
Красноярску район по Екомепаловка
Сваскоз Мариний Буров Земсован
Мексиконди Трокопаловна Кудбиме
Дум сепрем вимеам и все вимам
мием Меме мои Меме Келесу
Меме Меме Меме оди Значиме спраивам
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
а прохилем он даме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме
Меме Меме Меме Меме Меме Меме

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовила:
Язкльчева А. М.,
студентка 4 курса 6 группы
экономического факультета*

Мы бережно храним память о тех, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины в годы Великой Отечественной войны. Уже прошло 68 лет, с тех пор как закончилась война. Но время не может стереть ни одной строки из великой книги – памяти народной.

Где-то в далеких просторах неба умирают звезды, но их живой и яркий свет еще долго посылает нам свои прямые и сильные лучи. Есть люди, похожие на звезды. Человека уже нет, но его горевшее при жизни сердце продолжает излучать тепло, свой чистый, немеркнувший свет. К таким людям относится и Григорий Широнович Карапетян. Человек удивительной судьбы, он страстно и самозабвенно любил детей и свою родную школу, в которой много лет проработал директором.

Когда гитлеровская Германия вероломно напала на нашу Родину, Григорий Широнович, как и тысячи учителей, стал солдатом. Повседневное мужество защитников, отвага и стойкость товарищей, вместе с которыми он отражал натиски врага, смерть, разрушения, страдания и слезы соотечественников – все это день за днем откладывалось в сердце молодого солдата.

В начале 1942 года в составе 218-й особой стрелковой бригады он участвовал в боях на Калининском фронте. В районе Великих Лук огнем из пулемета уничтожил две огневые точки врага. В рукопашном бою был ранен. После выздоровления снова вернулся в строй.

Потом были бои на Курской дуге, форсирование Днепра. Летом 1943 года вместе с бойцами принимал участие в освобождении украинских городов Лебедин и Сумы.

Боевые задания в грандиозных сражениях на Курской дуге выполнял в составе полковой разведки. Вместе с товарищами по оружию Григорий Широнович совершил удачные боевые операции по обнаружению огневых точек врага. Он не раз добывал «языка» для получения важных сведений о противнике.

Во время преследования немецких фашистов в конце августа 1943 года в одном из боев он был вновь тяжело ранен.

За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Г. Ш. Карапетян награжден орденом Славы III степени и боевыми медалями.

В сентябре 1945 года он вернулся в школу, и был сразу назначен директором школы № 1, где учились мои родители.

Эти строки стихотворения о Григории Шириновиче:

Он учителем стал накануне войны,
А к ребятам пришел в сорок пятом.
От первых боев до победной весны
Полземли прошагал с автоматом.
И на редких привалах
Военных дорог,
В черном зареве
Огненных смерчей,
Он мечтал,
Чтобы школьный звонок
Заглушал перекличку смерти.

Опытный педагог, отличник образования, ветеран Великой Отечественной войны, Григорий Ширинович Карапетян проработал в школе более сорока лет. Любовь к своей профессии пронес через все годы. И эту любовь привил своим ученикам, моим родителям. Спустя годы родители привили эту любовь и мне, любовь не только к профессии, но и ко всему живому, что окружает меня. Хочется крикнуть на весь мир: «Помните! Цените! Берегите! Дарите друг другу радость, улыбки, добро. Не забывайте о том, какой ценой нам досталась эта победа! Не забывайте о людях, которые ценой собственной жизни завоевали мир, подарили нам светлое будущее! Мы в долгу перед павшими героями! Любите Родину, берегите ее! Не давайте в обиду!»

Среди нас сейчас нет замечательного педагога Г. Ш. Карапетяна, но память о нем жива. Она продолжает жить в его учениках.



Ларионенко Василий Борисович

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне*

*Подготовил:
Шап С. А.,
студент 3 курса 3 группы
агрономического факультета*

*Все меньше остается их,
Седых защитников народа,
Что приближали счастья миг,
К победе шли четыре года
Анатолий Болутенко*

Когда мы пришли в дом к вдове Василия Борисовича и познакомилась с ней, первое, что мы услышали, были слова: «Мой муж никогда не любил рассказывать о войне и всегда повторял: «Не дай Бог никому и никогда такое пережить». О войне Василий Борисович вспоминал и говорил редко и неохотно. Часто внуки травили душу: «Как ты, дед, воевал? Медали за что?» Многие архивы, документы, фотографии забрали дети.

Надежда Романовна при разговоре с нами ссылалась на книгу автора Петра Детликовича «Огни над Проней», сказав, что самая исчерпывающая информация о войне, семье в результате искренней беседы была изложена в этой книге.

Уже пятый год, как Василия Борисовича нет, и Надежда Романовна вспоминает об их совместной жизни с теплотой и любовью, говоря при этом: «Всякое было... И, когда читаешь или слышишь, что прожили гладко, ни разу не поругавшись, – брехня, никогда не поверю. Но запомните, что мужчин надо беречь».

Василий Борисович Ларионенко в 14 лет поступил в Климовичский сельхозтехникум, а оттуда его забрали в армию.

Войну Василий Борисович прошел с боями, был на передовой, отвоевывая каждую пядь родной земли в коротких рукопашных схватках с врагом. Образно говоря, победу добывал штыком, изведав и горечь отступления, и партизанскую рельсовую войну, все ее тяготы и лишения. Василий Борисович был убежден, что рожден он был не военным, и потому распространяться на сей счет не любил: «Прошел все ее "инстанции". В одном меня Бог вразумил: немец не ведет прицельного ог-

ня сразу после артподготовки. Моя тактика заключалась в том, чтобы использовать этот момент для штурма передней линии обороны противника и тем самым сохранять людей. И мой взвод нес наименьшие потери».

Командир взвода, старший лейтенант Василий Ларионенко, первым шел на вражеские позиции и вел за собой бойцов. И первым занимал вражеские траншеи передней линии обороны, подавляемые огнем нашей артиллерии.

В своих мемуарах он этого не указал. И уже, к сожалению, не укажет. Для него, солдата Отечественной, важны не детали, а суть факта: время, место боевых действий и должность.

Месяц, год	Наименование округа, фронта, местности	Занятие или должность
09.1940	Гомель, БССР	Помощник начальника 2-й части горвоенкомата
07.1941	Западный фронт	Помощник 1-го запасного стрелкового полка 21-й армии
09.1941 06.1942 12.1943	Костюковичский, Краснопольский, Климовичский, Чериковский районы Могилевской области	Партизан 13-й краснопартизанской бригады Могилевского объединения
10.1943 – 12.1943	Брянский фронт	Помощник командира взвода отдельного лыжного батальона 413-й стрелковой дивизии 50-й армии
12.1943 – 02.1944	Брянский фронт	Слушатель резерва 29-го полка офицерского состава
02.1944 – 01.1945	1-й и 2-й Белорусские фронты 48-й армии	Командир взвода 350-го стрелкового полка, командир взвода отдельной зенитно-пулеметной роты 96-й ордена Суворова стрелковой дивизии
02.1945 – 10.1945	г. Шуя Ивановской области РСФСР	На излечении в эвакуационном госпитале

Вот и все мемуары его ратной эпопеи. Было трагедией, когда на его глазах вместе с ним погибала не рота, не батальон и даже не дивизия... Погибала вся 21-я армия, взятая врагом в роковое кольцо окружения. Из нее, может быть, случайно, как он, уцелели единицы, рассыпанные по лесам и болотам. Но об этом уже неведомо было и ее командующему – генерал-полковнику Кузнецову, оставшемуся без армии.

Младший лейтенант Василий Ларионенко врагу не сдался без боя.



Лейтенант Василий Ларионенко (крайний слева),
26 июня 1945 года, город Шуя, эвакуационный госпиталь

Стал партизаном и объявил фашистам рельсовую войну, под покровом ночи ходил на «железку» и пускал под откос вражеские эшелоны с живой силой и техникой противника. И этим здесь, в глубоком тылу, немало помогал фронту.

А с приходом Красной Армии, с октября 1943 по февраль 1945 года, снова воевал в составе 413-й стрелковой дивизии 50-й армии, командовал взводом 350-го стрелкового полка 1-го Белорусского, а затем в составе 96-й ордена Суворова стрелковой дивизии 48-й армии 2-го Белорусского фронта. В боях был четырежды ранен, в последний раз тяжелое пулевое ранение получил под Кенигсбергом: была перебита бедренная артерия правой ноги, осколком мины повреждена правая пяточная кость.

Ранения, полученные в боях при защите Родины:

1. Легкое осколочное	В левую стопу, получено под Пропойском (ныне Славгород) на реке Проня около деревни Красная Слобода 18 октября 1943 г.
2. Легкое осколочное	В правое бедро, получено 23 июля 1944 г. при форсировании реки Щара
3. Легкое пулевое	В плечо правой руки, получено 26 ноября 1944 г. возле города Пултуск на Каревском плацдарме (Польша)
4. Тяжелое пулевое	Перебита бедренная артерия правой ноги, осколком мины повреждена правая пяточная кость, получено под Кенигсбергом в Восточной Пруссии 3 февраля 1945 г.

Василий Борисович был отмечен рядом наград от Верховного Совета СССР:

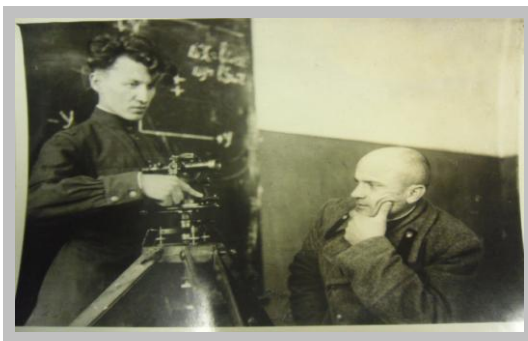
1. Медаль «За боевые заслуги»	За участие в походах по взрывам рельсов на дороге Климовичи – Коммунары, интенсивных в ночь с 3 на 4 июля 1943 г. и с 19 на 20 августа перед Курско-Белгородским сражением
2. Медаль «За взятие Кенигсберга» и 18 других	Награжден при различных сроках со Дня Победы и важнейших датах Вооруженных сил СССР
3. Орден Отечественной войны II степени	За участие в боях при освобождении города Бобруйска 29 июня 1944 г.
4. Орден Красной Звезды	Огнем зенитно-пулеметного взвода был сбит самолет «Фокке-Вульф 198» на Наревском плацдарме 19 ноября 1944 г. под городом Пултуск (Польша).
5. Орден Отечественной войны I степени	За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г. (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 г.)

Присвоение воинских званий:

1. Старший лейтенант	Присвоено приказом командующего 48-й армии № 0150 от 4 апреля 1945 г.
2. Капитан	Присвоено приказом командующего КБВО № 18 от 25 апреля 1975 г.
3. Майор	Присвоено приказом Главнокомандующего Вооруженных сил Республики Беларусь № 1 от 25 июня 2001 г.

В 1945 году, вернувшись из военного госпиталя, был зачислен на первый курс агрономического факультета БСХА и окончил его с отличием в 1950 году.

После окончания БСХА преподавал в Жиличской трехгодичной агрономической школе, ставшей впоследствии техникумом, и в том же году (а было ему 28 лет) поступил в заочную аспирантуру при институте земледелия в Жодино.



Василий Ларионенко на практическом занятии (слева)

17 сентября 1950 года Василий Борисович женился. Он три года учился в аспирантуре, а жена это время работала агрономом в МТС. После окончания аспирантуры молодого ученого направили старшим научным сотрудником на опытную экспериментальную сельскохозяйственную станцию «Устье», где он вырос до заместителя директора. Супруга, Надежда Романовна, работала здесь младшим научным сотрудником. В 1957 г. семью Ларионенко пригласил на работу в академию Сергей Степанович Захаров. Василий Борисович вскоре стал доцентом кафедры земледелия, Надежда Романовна – ассистентом.

В 1966 году она заочно окончила аспирантуру при институте земледелия в Жодино, защитила диссертацию, получила звание доцента. Все свои силы, знания, энергию они отдавали своим студентам. И оба в один день в феврале 1988 года вышли на заслуженный отдых.

Заметный след в науке оставила чета Ларионенко. Защитив кандидатскую диссертацию по проблеме совершенствования обработки почвы под посевы кукурузы (любимицы Н. С. Хрущева), Надежда Романовна явилась как бы пионером возделывания «королевы» полей. Каждый год готовили дипломников. Она – по три, он – по шесть. Своими учениками могут гордиться. К примеру, ее дипломник – бывший руководитель учхоза БГСХА Н. Г. Блохин.

Практическое применение научных разработок принесло немалый экономический эффект. Было внесено много в копилку отечественного земледелия и в передовую по тем временам технологию возделывания сельскохозяйственных культур. Надежда Романовна Ларионенко, вдова Василия Борисовича, вспоминала обо всех событиях со слезами на глазах



На фотографии слева направо: студентка агрономического факультета Шаройкина Кристина, студентка агрономического факультета Шпак Ольга, Надежда Романовна Ларионенко, студент агрономического факультета Шаш Сергей (25 октября 2012 г.).

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, в частности агрономический факультет, по праву гордятся, что здесь учился, преподавал такой человек, как Ларионенко Василий Борисович.

Счастливым тот, кто с чистым сердцем может повторить за Пушкиным: «Ни за что на свете не хотел бы переменить Отечество или менять другую историю, кроме истории наших предков».

*Успаміны
аб Вялікай Айчыннай вайне
Падрыхтаваў:
Чэжулай А. Г.,
студэнт 1 курса 1 групы
агронамічнага факультэта*

Ёсць у Горацкім раёне вялікія вёскі, а ёсць і маленькія. А ці чулі вы пра такую вёску, як Ермакі? Упэўнены, многія скажуць: «Няўжо такая вёска ёсць?» Тады давайце



адправімся туды, каб пазнаёміцца з мясцінамі, з людзьмі, якія жывуць тут.

Ермакі. Напэўна, многія адразу ўспомняць гістарычную асобу. Але, на жаль, ніякага дачынення Ярмак не мае да гэтай вёскі. Як сведчыць гісторыя, назва гэта паходзіць ад прозвішча першай сям'і, якая тут пасялілася. Так і стала называцца вёска.

Шыльду з назвай вы не знойдзеце. Але калі трымацца ад Панкратаўкі злевага боку, абавязкова трапіце ў Ермакі.

Перад вёскай – рачулка Галыша. Яна як бы злучае дзве вёскі: Ермакі і Галышана. Цяжка ўявіць, што калісьці па ёй сплаўлялі платы, лавілі местачкоўцы вялікіх шчупакоў. Цяпер яна зусім маленькая. Яшчэ



здалёку глядзяць на нас задуменныя старыя дубы. Іх тут на ўсю вёску два. Але яны сапраўдныя веліканы. Калі і хто іх тут пасадзіў – невядома. Але на іх вачах адбываліся ўсе значныя падзеі вёскі. У гады вайны адзін дуб гарэў, але, мабыць, вельмі хацеў жыць, таму працягваў цягнуцца да сонца. Цяпер на гэтым дубе гаспадарыць бусел, які кожны год сюды прылятае.



Першыя жыхары, якія нас сустракаюць, – гэта Пётр Іванавіч і Лідзія Іосіфаўна Куксянковы. Гэта найстарэйшыя і адзіныя жыхары вёскі. Пётр Іванавіч – вельмі заняты чалавек, сапраўдны гаспадар. У свае 80 гадоў трымае яшчэ і каня. Гасцінныя людзі, яны заўсёды запрасяць да сябе. Ад іх мы і даведаемся пра вёску і яе жыхароў. Аказваецца, вёска Ермакі не заўсёды такой маленькай была. Да вайны сорок дамоў было.

– Людзей было шмат, – распавядае Лідзія Іосіфаўна. – З усіх канцоў вёскі

вечарам можна было пачуць песні пад гармонік. Дзе ў людзей сілы толькі браліся? Умелі працаваць, умелі і адпачываць. Але вайна... Спалілі немцы ў вайну ўсю вёску. Толькі дзве хаты засталіся. Калі немцы прыйшлі, усе думалі, што ворагі і месяца не пратрымаюцца, іх прагоняць. Але аказалася, што жыць на акупіраванай тэрыторыі жыхарам давялося дзевяць месяцаў.

Лідзія Іосіфаўна ўспамінае, як жыхары вёскі адразу з першых дзён вайны пайшлі ў лес. Лес быў вялікі, не такі, як цяпер, густы, непразны. Думалі, што перачакаюць фашысцкую навалу там. Але прайшоў



месяц, другі, а немцы не адыходзілі. Трэба было вяртацца, бо ў людзей заканчваліся прадукты харчавання. Хто выйшаў з лесу, тых немцы пагналі ў Нямеччыну. А на тых, хто застаўся, немцы аблаву арганізавалі.

– Я на ўсё жыццё запамніла тую аблаву, – праз слёзы ўспамінае Лідзія Іосіфаўна – Немцы

стралілі, а старыя, жанчыны з дзецьмі стараліся ўцячы. Хто за дрэвы хаваўся, а хто спрабаваў пад старыя карчы падлезці. А немцы не глядзелі, ці дарослы ты, ці яшчэ дзіця. Мяне бацька закідаў сасновымі галінамі і загадаў сядзець за пнём. І трэба ж было так стацца, каб немец

з аўтаматам уладкаваўся на тым пні. Ён страляў, а пустыя гільзы падалі мне на галаву. Я ад страху не магла ні крычаць, ні паварушыцца.



Калі ўсё сціхла, прыйшоў бацька і дастаў мяне з той хованкі. Ён мяне не пазнаў. Валасы мае пасівелі, і сама я стала беля, як малако.

Пятру Іванавічу, калі пачалася вайна, ішоў адзінаццаты год. Але як учора паўстае перад яго вачамі паветраны бой, за якім назіралі жыхары дзвюх вёсак.

– Гэта адбылося ў першыя дні вайны. Нямецкіх былі два самалёты. А наш адзін. Адкуль ён з’явіўся, невядома. У хуткім часе адзін нямецкі самалёт загарэўся. На дапамогу другому фашысцкаму самалёту прыйшлі нямецкія зеніткі. Потым ўсе ўбачылі, як наш самалёт пачаў зніжацца. Напэўна, лётчык быў паранены. Але ён разумеў, што ўнізе мірныя жыхары, таму веў свой самалёт далей ад вёскі. Праз нейкі час пачуўся выбух. Адзін з лётчыкаў змог прыямліцца на парашуце. Але немцы яго схапілі і адправілі кудысьці ў бок Дрыбіна. Пра далейшы яго лёс ніхто не ведаў.



Ноччу з вёскі Язычкава прыйшоў да таго месца, дзе разбіўся савецкі лётчык, дзядуля. Ён пахаваў лётчыка, а дакументы ўзяў сабе. Усю вайну ён хаваў гэтыя дакументы, каб перадаць іх родным лётчыка. Пасля вайны прыезджала дачка на магілу свайго бацькі.

Я і цяпер памятаю, як немцы вялі па дарозе палонных нашых салдат. Многія з іх былі параненыя, босыя, але немцы прымушалі іх капаць акопы, супрацьтанкавыя равы. Да вайны за нашай вёскай быў і дзіцячы дом. Дзяцей там было шмат. Была там і свая пякарня, і іншыя пабудовы. У першыя дні вайны дзяцей яшчэ крыху кармілі вяскоўцы, але потым

з'явіліся немцы і загадалі збірацца. Людзі бачылі, як дзяцей вялі праз вёску. Але куды – ніхто не ведаў. Дзеткам было па дзевяць-дзесяць гадоў. Цяжка ўявіць, што калісьці гэта была вялікая дарога, па якой ехала нямецкая і савецкая тэхніка, наступалі і адступалі войскі.

Паходзім па мясцінах, дзе адбываліся ваенныя падзеі. Гэта адразу ж за вёскай. Вялізныя супрацьтанкавыя равы, былыя салдацкія акопы .

А вось, і помнік лётчыку. Праўда, на шыльдзе няма прозвішча. Пастаім, памаўчым, паклонімся тым, хто загінуў. Светлая ім памяць...

А наўкол такія прыгожыя мясціны, цудоўны лес, багаты на ягады і грыбы. Асабліва шмат суніц на месцы былых акопаў... Не верыцца, што тут адбываліся такія страшныя падзеі.



Цяжка было людзям пасля вайны, жылі ў зямлянках, шмат працавалі. Неяк летам прыязджалі немцы на двухпавярховых аўтобусах. Быў сярод іх нават той, хто калісьці ваяваў тут, прыязджалі і дзеці, бацькі якіх загінулі ў гэтых мясцінах. За вёскай былі могілкі для нямецкіх салдат. Вось і прыязджалі з Германіі для

таго, каб забраць астанкі сваіх салдат. Адна нямецкая жанчына з дэлегацыі намалявала партрэт Пятра Іванавіча і Лідзіі Іосіфаўны. Гэты партрэт і цяпер яны захоўваюць у сваёй хаце. Запытайце ў Пятра Іванавіча:

– Навошта Вы трымаеце гэтыя партрэты?

Спачатку засмяецца, а потым скажа:

– Няхай вісяць, месца многа не займаюць.

– А мне здаецца, што гэтыя партрэты ў рамцы – сімвал умення дараваць. Толькі наш шматпакутны народ можа забываць крыўду, умее дараваць...

Вось і закончылася наша падарожжа па маленькай вёсцы Ермакі. Шмат цікавага мы пазналі для сябе. А колькі яшчэ незвычайнага і таямнічага хаваюць у сабе такія маленькія вёскі. Колькі пазнавальнага могуць расказаць простыя людзі, якія жывуць там.

*Воспоминания
о Великой Отечественной войне
Подготовил:
Шайтор А. С.,
студент 4 курса 2 группы
факультета механизации сельского хозяйства*

Бегомльский район был одним из крупнейших центров партизанского движения. Здесь знаменитая бригада «Железняк» наголову разгромила немецкий гарнизон, уничтожила большую группу солдат и офицеров 6-й немецкой авиаполевой дивизии вместе с командиром генерал-лейтенантом Рудольфом Пешелем.

Карательные операции немецко-фашистских захватчиков против партизанских отрядов проводились мощными силами полицейских и жандармских полков и батальонов, танковых, артиллерийских, авиационных подразделений. Намного превосходящие силы противника вынуждали партизан временно отходить из блокированных массивов. Отступая, они минировали дороги, устраивали боевые засады. При любой возможности возвращались на прежние места дислокации, продолжая борьбу с ненавистным врагом.

Характерно, что до прихода Красной Армии в районе жила и действовала советская власть, издавалась газета «Савецкі патрыёт». Естественно, фашисты вынуждены были держать здесь мощные силы, чтобы противостоять народным мстителям и проводить карательные экспедиции против населения, состоявшего из женщин, стариков и детей, которые оказывали партизанам неоценимую помощь.

Все меньше и меньше остается свидетелей – очевидцев и непосредственных участников тех жарких и жестоких событий, а потому нам дорог всякий эпизод, мельчайшая подробность из живых воспоминаний.

Моя бабушка, Надежда Александровна Колесникова (в девичестве Глазко), была партизанской связной в бригаде «Железняк». С затаенным дыханием слушали мы, современная детвора, не нюхавшая пороха, как эти мужественные женщины из деревни Савский Бор, что под Бегомлем, не только умели выживать в адских условиях войны, но и давать отпор фашистам и их жандармским прихвостням.

– 1943 год, – вспоминает бабушка Надя. – В нашей деревне, в урочище под Дубровкой, мы устроили убежище, а в сущности – самодеятельный госпиталь для раненых партизан. Выкопали огромную тран-

шею, из бревен сделали накат, засыпали землей и мхом. Для лучшей маскировки прилегающую территорию обсадили молодыми елочками. Там прятали раненых. Их было 20 ребят и две медсестры – Тоня Передня и Автушко (к сожалению, забыла имя этой милостивой девушки).

– Представляю себе жизнь в этом заточении...

– Адская жизнь! – говорит бабушка. – Сплошная темнота, не хватало воздуха. Тайно носили раненым еду и питье. Готовила пищу, пекла хлеб для них Анна Васильевна Ставер, а доставлял все это ночью ее сын Василий, который живет нынче в деревне Домжерече. Партизаны через связных передавали кое-что из лекарств. Бинтов не хватало, пришлось отдавать стираное белье. А немцы, которые постоянно шли облавой, нашего тайника так и не нашли.

На удивление, этот импровизированный госпиталь продержался около двух месяцев. Все, к счастью, выжили и вернулись в лес, в расположение своих боевых товарищей.

Другой эпизод, о котором рассказывала бабушка Надя, слушать было очень больно. Тот же 43-й год, та же деревня Савский Бор.

– В трех километрах от деревни был небольшой хутор, где жила семья из 16 человек по фамилии Рошевские. Старший Рошевский служил в партизанском отряде посыльным и разведчиком. По доносу полиция темной ночью налетели каратели, захватили в заложники 18 человек от мала до велика, в том числе всех Рошевских, заставили их выкопать яму и на краю ее всех расстреляли. Добив подававших признаки жизни, каратели ушли... Чудом остался жив четырехлетний мальчик. Раненый в живот, он выбрался из-под трупов и ушел в лес. Несколько дней блудил, питаясь ягодами, наконец, вышел к деревне Савский Бор и упал возле дома знакомой уже нам Анны Ставер. Напоив ребёнка водой, Анна Васильевна промыла ему самогонкой раны, перевязала.

Через несколько дней малого Рошевского сельчане взяли на попечение. Затем он воспитывался в детском доме. Нынче живет в Жодино, у него двое сыновей. На Пасху он приезжает на этот хутор, где стоит памятник, и вспоминает свою семью.

– Мой брат, Николай Александрович Глазко, – продолжает рассказ Надежда Александровна, – в партизанской бригаде «Железняк» состоял в заместителях командира по политчасти. В 44-м году вместе с сослуживцем – тоже Николаем – пошли на задание. На одном из участков лесной дороги он вышел вперед, а тезке велел ступать за ним след в след. Но тот приказ выполнил неточно. В одном месте уклонился в сто-

рону и наступил на мину. Конечно, поплатился жизнью. Тяжело раненного брата подобрали санитары. Хотели отправить в госпиталь самолетом, но была весенняя распутица, и самолет с аэродрома взлететь не смог.

Николая Александровича привезли в этот ставший легендарным Савскоборский госпиталь, который находился в урочище Малинник. Целый месяц выхаживали заботливые сестрички молодого замполита, но так и не смогли его поставить на ноги. Прах его ныне покоится на братском кладбище Савского Бора, куда благодарные люди приносят живые цветы. И все сослуживцы знаменитой бригады «Железняк» приезжают сюда, чтобы встретиться с братьями по оружию.

Увы, рок неумолим – все меньше и меньше остается ветеранов. Но память о них будет жить вечно в сердцах потомков.

Белорусская Государственная сельскохозяйственная академия
г. Горки

Уважаемый ректор!

Мы, в Украине, узнали, что в Вашем учебном заведении обучается Шамурадова Марал Батыровна из Туркмении. Заканчивает 1-й курс на экономическом факультете. Для нас это хорошая новость.

Прадедушка Шамурадовой Марал, Одаев Шамурад, совершил боевой подвиг во время войны при освобождении нашей земли от немецко-фашистских захватчиков. Теперь самый высокий курган на стыке Херсонской, Днепропетровской и Николаевской областей носит название «курган Одаева Шамурада». Высылаю Вам фотографию стенда об этом с портретом героя.

Родные Одаева Шамурада много раз приезжали в Украину, дружат с населением нашего края, с местной Пригорьевской школой.

Адрес школы: с. Пригорье, Высокопольский район, Херсонская область, Украина, почтовый индекс 74010. Высылаю Вам заметку из Херсонской областной газеты (1985 г.) о встрече с одним из представителей славного рода Шамурадовых.

Мы знаем, что у каждого белоруса есть родственники, которые в войну героически сражались за Родину, и что каждому дорога наша Победа в Великой Отечественной войне. Поэтому мы поздравляем с наступающим праздником Победы не только Шамурадову Марал Батырвну, но и всех преподавателей, студентов, работников академии, всю Белоруссию.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, успехов, благополучия.

С уважением, бывший директор Пригорьевской школы
Коноваленко Алексей Харитонович.

Я теперь переехал в Харьковскую область.

Мой адрес: с. Вильча, ул. Титенка, д. 11, Волчанский район, Харьковская область, Украина, почтовый индекс 62500.



До 40-річчя Перемоги

ЗРІДНИЛА КРОВ ПРОЛИТА

Сонячний день. По асфальтній доріжці до школи повільним кроком іде солдат. З чемоданчиком. Китель на руці.

Діти притихли.

– Мабуть, хтось з наших... Може. Валерій Алексеенко, може, Леонід Колотуша.

– Ні, незнайомий.

Військовий підійшов до вчителя з червоною пов'язкою на руці і коротко відрекомендувався: Шамурадов Ільяс.

Через кілька хвилин уся школа знала: приїхав довгожданий гість – онук героя війни. Піонерський загін імені Одаєва Шамурада, дідуся гостя, миттю зібрався у кабінеті директора школи.

Одаєв Шамурад – із сонячної Туркменії. Уроки Великої Вітчизняної війни героїчно бився на різних фронтах, захищаючи нашу Батьківщину, визволяв Україну. Тут він загинув.

Піонери дізналися, що онук Одаєва Шамурада – Ільяс – проходить військову службу недалеко, в Молдавській РСР. Зав'язали листування з Ільясом. Піонери не раз просили командира військової частини відпустити І. Шамурадова на піонерські свята.

Командир надіслав піонерам кілька листів. Зокрема, він писав, що Ільяс Шамурадов служить відмінно, брав участь у військових навчаннях збройних сил країн – учасниць Варшавського Договору. За виявлену майстерність і мужність одержав подяку міністра оборони Союзу РСР.

І ось закінчився строк військової служби. Одержав документи на проїзд до рідного Дейнау. Але Ільяс купує квіток до Вирокопілля.

...Пам'ятник загиблим воїнам у Пригир'ї. На мармурвій плиті поряд з іншими іменами висічено «Одаєв Шамурад». Поклавши квіти, Ільяс довго не відходив від пам'ятника.

Більше тижня перебував І. Шамурадов в гостях у піонерів. Йому показали колгосп, весь наш квітучий край. Побував на екскурсії в Кри-

вому Розі. Але найбільш пам'ятною для Ільяса була поездка на курган, на місце бою, де загинув його дідусь.

За два десятиріччя піонери кількох поколінь зібрали багатий матеріал про бій за цей курган. Основою були спогади старожилів Розівки, навколишніх сіл донесення командирів, випансані з архівів, розповіді учасника того бою Заріпова, який живе тепер у Середній Азії.

По матеріалах юних слідопитів виконком Пригирівської сільської Ради своїм рішенням присвоїв цьому кургану ім'я Одаєва Шамурада.

...На початку березня 1944 року наші війська підійшли до Інгільця. Взвод Одаєва Шамурада прорвався в тил ворога і зайняв безіменну висоту, що знаходиться за два кілометри на північний захід від Розівки. Три дні наші бійці утримували рубіж, відбивали атаку за атакою, не відступили до самого підходу наших військ. В останні хвилини, коли закінчились боеприпаси. Одаєв Шамурад загинув у рукопашному бою.

– Ми йшли з Апостолово на Кривий Ріг. З тяжкими боями. Бездоріжжя. Зустріли групу людей, які ярами пробралися до нас. Чоловік 20. Я їх пізнав. Це були розівці. Голодні, вимучені, обірвані, вони прагнули швидше вирватись з неволі, перейшли лінію фронту, щоб допомагати своїм здобувати Перемогу.

Дмитро Симонович Ященко продовжував:

– Я їх нагодував, одягнув. Кілька чоловік відразу одержали зброю. А забігти в рідну Розівку не довелося й на хвилинку. Була війна...

Трохи пізніше, за святковим столом на честь гостя, Ільяс Шамурадов звернувся до Дмитра Симоновича:

Можна, я буду називати вас своїм дідусем?

Хто ж він, названий дідусь Ільяса?

Комсомолец 30-х років, секретар комсомольської організації. У перших разом з батьком вступив у колгосп. Боровся за його зміцнення. У 1933 році очолив колгосп «Перше травня», який був переловим у районі.

У 1938 році Д. С. Ященко вступає в партію.

Почалася війна. Голова колгоспу робить усе для того, щоб вивезти в тил колгоспне добро. Але дорогу перерізали німецькі танки.

Дмитро Симонович вийшов з оточення і вступив у Радянську Армію.

Оборона Москви. Волоколамське шосе. 30 ворожих танків повзли на наші позиції. Атаку відбили, не виступивши ні на крок. 8 танків залишилось на полі бою.

В цьому бою осколки від ворожого снаряда пронизали кисти обох рук Ященка.

– Мени дали направлення в госпиталь. Але я не пішов, бо звідти важко було потрапити в свою фронтову частину. Перев'язали, так и виликувався.

Брав участь в оборони Москви, звільнив Україну, Прибалтику, Польщу, дійшов до Берліна.

Повернувшись з війни у 1945 році, Д. С. Ящеико знову очолює рідний колгосп.

Зараз Дмитру Симоновичу 75 років. Він продовжує працювати.

...Вже на аеродромі, перед відльотом в Алма-Ату, Ільяс сказав:

– Я ще прийду до вас, до піонерів. до моїх дідусів. При першій можливості.

О. КОНОВАЛЕНКО,
Директор Пригір'вської восьмирічної школи
Високопільського району



Научно-популярное издание

Я ПОМНЮ! Я ГОРЖУСЬ!

Сборник воспоминаний

Составители:

Рындина Инна Николаевна
Тарасюк Марина Михайловна
Гусарова Галина Александровна
Куницкая Алла Михайловна

Редактор *О. Г. Толмачёва*
Технический редактор *Н. Л. Якубовская*
Корректор *С. Н. Кириленко*

Подписано в печать 08.05.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 7,51.
Тираж 50 экз. Заказ .

УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия».
ЛИ № 02330/0548504 от 16.06.2009.
Ул. Мичурина, 13, 213407, г. Горки.

Отпечатано в УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия».
Ул. Мичурина, 5, 213407, г. Горки.